

Бен Карсон

Золотые РУКИ

Киев «Джерело життя» 2017
Християнське видавництво

ББК 86.376
К21

К21 Бен Карсон, доктор медицины, и Сесил Мерфи

Золотые руки: Пер. с англ. – Киев: «Джерело життя», 2017. – 256 с.

Авторы берут на себя всю ответственность за точность фактов и цитат, приведенных в данной книге.

Данные Библиотеки Конгресса для составления библиографических описаний:

Carson, Benjamin S.

Gifted hands/Ben Carson, with Cecil Murphey.

p. cm.

1. Carson, Benjamin S. 2. Neurosurgeons–United States–Biography.

1. Murphey, Cecil B. II. Title.

[RD592.9.C37A3 1990b]

617.4'8092–dc20

[B]

90–8326

CIP

ISBN 0–8280–0669–5 (Paperback)

ISBN 0–8280–0561–3 (Hardcover)

ББК 86.376

Original English edition copyright
© 1990 by Review and Herald
Publishing Association.

© 2017, издательство «Джерело життя».

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ	5
ГЛАВА 1 «Прощай, папочка!»	7
ГЛАВА 2 Неся тяжелое бремя	14
ГЛАВА 3 Восьмилетний	21
ГЛАВА 4 Два позитивных события	31
ГЛАВА 5 Проблемы «большого мальчика»	45
ГЛАВА 6 Ужасный характер	55
ГЛАВА 7 Триумф в СПОРе	63
ГЛАВА 8 Выбор колледжа	75
ГЛАВА 9 Меняя правила	84
ГЛАВА 10 Серьезный шаг	96
ГЛАВА 11 Следующий шаг вперед	110
ГЛАВА 12 Получая должное	122
ГЛАВА 13 Особенный год	135
ГЛАВА 14 Девочка по имени Маранда	148
ГЛАВА 15 Разбитое сердце	158
ГЛАВА 16 Малышка Бет	172
ГЛАВА 17 Три особенных ребенка	183
ГЛАВА 18 Крэйг и Сьюзен	193
ГЛАВА 19 Разделение близнецов	211
ГЛАВА 20 Окончание их истории	225
ГЛАВА 21 Дела семейные	232
ГЛАВА 22 Мысли широко	239

ПОСВЯЩЕНИЕ

Эта книга посвящается
моей матери СОНЕ КАРСОН,
которая практически пожертвовала собой,
чтобы у нас с братом были все преимущества
для успеха в жизни.

ВСТУПЛЕНИЕ

— *Еще крови! Немедленно!*¹
Тишину операционной нарушила на удивление тихая команда. Близнецам влили 50 порций крови, но кровотечение не прекращалось!

— Типоспецифической крови больше нет, — последовал ответ, — мы использовали всю.

После этого заявления в операционной началась тихая паника. Из банка крови госпиталя Джонса Хопкинса забрали всю кровь четвертой отрицательной группы², а семимесячным пациентам-близнецам, родившимся со сросшимися головами, нужно было больше, иначе они бы умерли, даже не получив шанса на выздоровление. Это была единственная возможность, их единственный шанс на нормальную жизнь.

Их мать Тереза Биндер, перевернув весь медицинский мир, нашла единственную команду, которая отважилась хотя бы попробовать разделить ее близнецов и сохранить жизнь обоим. Другие хирурги сказали ей, что это невозможно, — нужно пожертвовать одним из мальчиков. *Позволить убить свою кровиночку?* Тереза не могла допустить даже мысли об этом. Хотя дети были сращены головами, однако даже в семимесячном возрасте

¹ Здесь и далее курсив автора.

² Группа крови изменена по этическим соображениям.

каждый из них был отдельной личностью – один играл, пока второй спал или ел. Нет, она не могла этого сделать! После долгих месяцев поисков Тереза нашла команду из госпиталя Джонса Хопкинса.

Многие из 70 членов команды начали предлагать свою кровь, понимая неотложность сложившейся ситуации.

Уже семнадцать часов длилась тяжелая, утомительная, кропотливая операция крохотных пациентов, пока все было хорошо, учитывая все обстоятельства. Детям успешно сделали анестезию, а это было нелегким делом из-за того, что у них были общие кровеносные сосуды. Подготовка к шунтированию сосудов заняла не дольше, чем предполагалось (помогли пять месяцев планирования и многочисленные репетиции с реквизитом). Также не составило особого труда для молодых, но уже опытных хирургов добраться до места соединения близнецов. Однако после сосудистого шунтирования кровь перестала свертываться, в результате чего все, что только могло кровоточить в головах малышей, кровоточило!

К счастью, городской банк крови в короткие сроки смог найти необходимое количество крови, чтобы продолжить операцию. Используя все умения, приемы и приспособления, известные в их сфере, хирурги смогли остановить кровотечение за несколько часов. Операция продолжалась. Наконец пластические хирурги пришили последние лоскуты кожи, чтобы закрыть раны, и 22-часовые хирургические мучения закончились. Сиамские близнецы – Патрик и Бенджамин – лежали отдельно впервые в своей жизни!

Изнуренный главный нейрохирург, разработавший план операции, был когда-то мальчишкой с улиц детройтского гетто.

«ПРОЩАЙ, ПАПОЧКА!»

— Ваш папа больше не будет с нами жить. — Почему? — спросил я снова, глотая слезы. Я просто не мог смириться со странной категоричностью слов матери. — Я люблю папу!

— Он тоже любит тебя, Бенни... Но он должен уйти. Навсегда.

— Но почему? Я не хочу, чтобы он уходил. Я хочу, чтобы он остался с нами.

— Он должен уйти...

— Неужели я что-то сделал и поэтому папа захотел уйти от нас?

— О нет, Бенни. Конечно же, нет. Папа любит тебя.

Я разрыдался:

— Тогда сделай так, чтобы он вернулся.

— Я не могу. Я просто не могу, — сильные руки мамы обняли меня, она пыталась меня утешить. Постепенно я перестал всхлипывать и затих. Но как только она ослабила объятия и отпустила меня, я снова начал засыпать ее вопросами.

— Твой папа... — мама сделала паузу, и, как бы мал я тогда ни был, я понял, что она пытается подобрать нужные слова, чтобы объяснить мне то, чего я никак не хотел понять, — Бенни, твой папа сделал кое-что плохое. Очень плохое.

Я вытер глаза ладошкой.

– Тогда ты можешь его простить. Не отпускай его.

– Простить его недостаточно, Бенни...

– Но я хочу, чтобы он остался с Кертисом, со мной и с тобой.

Мама снова попыталась объяснить, почему папа уходит, но все ее доводы были неубедительными для меня, восьмилетнего мальчика. Оглядываясь назад, я не знаю, насколько смог понять тогда причины ухода отца. Даже то, что осмыслил, я пытался отвергнуть. Мое сердце было разбито словами матери о том, что отец никогда больше не придет домой, ведь я любил его.

Папа был ласковым. Его часто не было дома, но когда он возвращался, то сажал меня на свои колени и всегда был рад поиграть. Отец был безгранично терпелив со мной. Особенно сильно я любил играть вены на тыльной стороне его широких ладоней, поскольку они были очень большими. Я вминал их внутрь и наблюдал, как они снова появляются.

– Смотри! Они вернулись! – я смеялся и прилагал все усилия своих маленьких ручек, чтобы вены не выпирали.

Папа же спокойно сидел и позволял мне играть сколько вздумается.

Иногда он говорил:

– Наверное, ты недостаточно сильный, – и тогда я надавливал еще сильнее.

Конечно же, это не срабатывало, тогда я терял интерес и начинал играть с чем-то другим.

Несмотря на слова мамы, что папа сделал кое-что плохое, я не мог представить своего отца «плохим», ведь он всегда был добр к моему брату Кертису и ко мне. Иногда папа приносил нам подарки без повода. «Подумал, вам понравится», – говорил он небрежно, а в его темных глазах теплились искорки.

Часто вечерами я надоедал маме или же поминутно

смотрел на часы, пока не наступало время, когда, как я уже знал, папа приходит домой с работы. Тогда я выбегал ждать его на улице. Я ждал, пока не замечал, что отец уже идет по нашей аллее.

«Папа! Папочка!» – кричал я, выбегая ему навстречу. Он подхватывал меня на руки и заносил в дом.

Это прекратилось в 1959 году, когда мне было восемь и папа ушел от нас навсегда. Моему маленькому раненому сердцу будущее казалось таким неопределенным. Я не мог представить жизни без папы и не знал, увидим ли мы с Кертисом его когда-нибудь снова.

Не знаю, как долго я плакал и задавал вопросы, когда папа ушел, знаю лишь, что это был самый грустный день в моей жизни. И вопросы со слезами никак не прекращались. Неделями я приводил маме всевозможные аргументы, приходившие мне на ум, пытаюсь найти какой-нибудь способ заставить ее вернуть папу домой.

– Как мы будем без папы?

– Почему ты не хочешь, чтобы он остался?

– Он будет хорошим. Я знаю это. Спроси папочку. Он больше не будет поступать плохо.

Мои мольбы ничего не меняли. Родители решили все задолго до того, как сказали нам с Кертисом.

– Мама и папа должны жить вместе, – упорствовал я. – Они оба должны быть с их маленькими мальчиками.

– Да, Бенни, но иногда все происходит не так, как предполагается.

– Я все равно не понимаю почему, – сказал я.

Я думал обо всем, что мы делали вместе с папой. Например, почти каждое воскресенье он брал нас с Кертисом кататься на машине. Обычно мы ездили в гости, в частности, к одной семье. Папа разговаривал со взрослыми, а мы с братом тем временем играли с детьми. И

только позже мы узнали правду – у моего отца были другие «жена» и дети, о которых мы не подозревали.

Я не знаю, как мать узнала об этой его двойной жизни, поскольку она никогда этим не обременяла ни Кертиса, ни меня. Теперь, когда я повзрослел, единственная моя претензия к ней состоит в том, что она всеми силами пыталась защитить нас от осознания того, насколько плохи были дела. Она никогда не позволяла себе поделиться с нами тем, насколько сильно ей было больно. Но таким образом мама пыталась защитить нас, думая, что поступает правильно. А много лет спустя я наконец понял, что именно она называла его «изменами с женщинами и наркотиками».

Задолго до того, как мама узнала о другой семье, я чувствовал, что не все у моих родителей было гладко. Они не ссорились, вместо этого отец просто уходил. Он уходил из дома все чаще и пропадал все дольше. Я никогда не знал почему.

Однако когда мама сказала: «Ваш папа не вернется», – эти слова разбили мне сердце.

Я не говорил маме, но каждую ночь перед сном я молился: «Дорогой Господь, помоги маме с папой снова быть вместе». И в душе я знал, что Бог поможет им помириться, чтобы мы могли быть счастливой семьей. Я не хотел, чтобы они жили врозь, и не мог представить, как встречу будущее без своего отца.

Но папа так и не вернулся домой.

Проходили дни и недели, и я понял, что мы можем обойтись и без него. Тогда мы были бедными, и я видел, что мама беспокоилась, хотя она особо не рассказывала об этом ни Кертису, ни мне. Когда я поумнел, а было это годам к одиннадцати, я понял, что мы втроем на самом деле счастливее, чем когда с нами был папа. Мы жили в мире. В доме не воцарялась гробовая тишина. Я больше не замирал от страха и не сворачивался калачиком в сво-

ей комнате, задаваясь вопросом, что происходит, когда мама с папой не разговаривают.

Вот тогда-то я и перестал молиться о том, чтобы они снова сошлись.

– Им лучше жить врозь, – сказал я Кертису, – правда?

– Да, я тоже так думаю, – ответил он.

Но, как и мать, о своих чувствах он умолчал. Тем не менее я знал: он тоже понял, что наша жизнь улучшилась без отца.

Я не могу вспомнить, как чувствовал себя в те дни, когда папа ушел; я не знаю, как проходили стадии гнева и отрицания. Мама говорит, что тот опыт принес нам с Кертисом много боли. Я не сомневаюсь, что уход отца предполагал ужасные перемены для нас, двоих мальчиков. Однако я все равно не помню ничего после его ухода.

Возможно, так я научился справляться с глубокой болью – забывая.

«У нас просто нет денег, Бенни».

В последующие несколько месяцев после ухода папы мы с Кертисом слышали эту фразу сотни раз, и, конечно же, это было правдой. Когда мы просили игрушки или сладости, как раньше, я вскоре научился читать по выражению лица мамы, как ей было больно нам отказывать. Через некоторое время я перестал просить то, чего мы точно не могли бы получить.

Порой на лице матери появлялось недовольство, а потом она становилась очень тихой и объясняла нам, мальчишкам, что папа нас любит, но не дает ей денег, чтобы нас содержать. Я смутно помню, как мама несколько раз обращалась в суд, пытаясь получить от него алименты. После этого отец посылал деньги месяц-два – постоянно

неполную сумму, – и у него всегда были уважительные причины. «В этот раз я не могу тебе выслать все, – говорил он, – но я наверстаю. Обещаю».

Папа так и не выполнял обещанного. Некоторое время спустя мама перестала пытаться получить от него какую-либо финансовую помощь.

Я знал, что отец не давал ей денег, и это усложняло нам жизнь. Но благодаря своей детской любви к папе, который был добрым и любящим, я не обижался на него за это. Но в то же время я не мог понять, как он мог нас любить, не желая давать нам денег на еду.

«За то, кем я есть и кем еще надеюсь стать, я в долгу перед своей матерью»

(Авраам Линкольн).

Одной из причин, почему я не держал зла на папу, наверное, было то, что мать редко его

винила – по крайней мере не при нас. Я не помню случая, чтобы она высказывалась против него.

Важнее этого факта было то, что маме удалось принести чувство защищенности в нашу семью, состоящую из трех человек. Хотя я еще долгое время скучал по папе, но я чувствовал удовлетворение, будучи только с мамой и братом, поскольку наша семья была действительно счастливой.

Моя мать, молодая малообразованная женщина, происходила из многодетной семьи, и многие обстоятельства были против нее. Тем не менее она смогла совершить чудо в своей жизни и помогла то же сделать и нам. Я, как сейчас, слышу голос мамы, говорящий, как бы плохи ни были дела: «Бенни, у нас все будет хорошо». Это были далеко не пустые слова, поскольку она в них верила. А если верила мама, то мы с Кертисом тоже верили им, и эти слова подбадривали меня.

Мамина сила частично происходила от глубокой веры в Бога, как и ее природная способность внушать

нам с Кертисом уверенность, что она отвечает за каждое сказанное слово. Мы знали, что не богатые, однако, как бы плохо ни шли наши дела, мы не переживали, что будем есть или где жить.

То, что нам пришлось расти без отца, стало тяжелой ношей для мамы. Она не жаловалась – по крайней мере нам – и не жалела себя. Мама старательно несла свое нелегкое бремя, и я каким-то образом догадался, каково ей было. Сколько бы часов маме ни приходилось проводить на работе, я знал, что она делает это для нас. Эти самоотверженность и жертвенность оказали сильное влияние на мою жизнь.

Авраам Линкольн как-то сказал: «За то, кем я есть и кем еще надеюсь стать, я в долгу перед своей матерью». Не уверен, что хочу сказать точно так же, но моя мать Соня Карсон была первым человеком, оказавшим сильное и наиболее заметное влияние на мою жизнь.

Невозможно было бы рассказать о моих достижениях, не начав с влияния матери. Поведать свою историю для меня означает начать с ее жизненного пути.

НЕСЯ ТЯЖЕЛОЕ БРЕМЯ

— Они не будут так обращаться с моим мальчиком, — сказала мама, посмотрев на бумаги, которые ей дал Кертис, — нет, они этого с тобой не сделают. Кертису пришлось прочитать ей некоторые слова, но она отлично поняла, что сделала школьный методист.

— Мама, что ты собираешься делать? — удивленно спросил я.

Мне и в голову не приходило, что кто-нибудь может изменить что-либо, принятое руководством школы.

— Утром я пойду туда и все улажу, — ответила она.

По ее тону я понял, что так она и сделает.

Кертис старше меня на два года; тогда он учился в последнем классе средней школы, и методист решила направить его на дальнейшее профессионально-техническое обучение. Хотя его ранее низкая успеваемость постепенно начала повышаться в течение года, он ходил в школу, где в основном учились белые, и мама ни секунды не сомневалась, что методист руководствовалась стереотипным убеждением, что чернокожие не способны к обучению в колледже.

Конечно же, я не был на той встрече, но помню, как мама вечером пересказывала нам их разговор.

— Я сказала той методистке: «Мой сын Кертис поступит в колледж. Я не собираюсь отправлять его ни на какие профтехкурсы», — затем она положила руку на го-

Глава 2. Неся тяжелое бремя

лову моему брату. — Кертис, ты записан на курсы подготовки к колледжу.

Эта история прекрасно показывает характер нашей мамы. Она была не тем человеком, который позволил бы системе диктовать, как ему жить. У мамы было свое четкое представление о том, что будет с ее сыновьями в будущем.

Моя мама — привлекательная женщина, невысокая, худощавая, хотя, когда мы были детьми, она была, я бы сказал, полненькой. Сегодня у матери проблемы с сердцем и артрит, но из-за этого она не стала менее активной.

Соня Карсон — классический представитель личности А-типа: трудолюбивая, целеустремленная, склонная требовать от себя полной отдачи в любой ситуации, отказываясь принимать меньшее. Она — высокоразвитая женщина, быстро схватывает суть вопроса, не вдаваясь в детали. У мамы есть природная способность — интуиция, которая помогает ей понять, что следует делать. Это, на верное, одна из самых выдающихся ее характеристик.

Будучи решительной, возможно, даже настойчивой личностью, требовавшей очень много от себя, она в какой-то мере воспитала такой же дух и во мне. Я не хочу изображать свою мать идеальной. Порой ее нежелание позволить мне довольствоваться меньшим выразилось в придирках, требованиях и даже безжалостности. Если мама во что-то верила, то держалась за это и не сдавалась. Мне не всегда нравилось слышать от нее: «Ты не был рожден неудачником, Бенни. Ты можешь это сделать!» Или одно из ее любимых: «Просто попроси Господа, и Он тебе поможет».

В детстве нам не всегда нравились ее уроки и советы. Появлялись негодование и упорство, однако мама отказывалась сдаваться.

«Ты не был рожден неудачником. Ты можешь это сделать!»

Спустя некоторое время при постоянном поощрении со стороны мамы мы с Кертисом начали верить, что действительно можем делать все, что выберем для себя. Возможно, она внушила нам уверенность в том, что мы будем чрезвычайно успешными во всех своих начинаниях. По сей день я будто слышу ее голос, говорящий: «Бенни, ты можешь это сделать. Не прекращай верить ни на секунду».

Когда мама вышла замуж, у нее за плечами было лишь три класса образования, тем не менее она стала

движущей силой в нашем доме. Она подтолкнула нашего медлительного отца ко множеству вещей. Благодаря ее бережливости они скопили достаточно денег и со временем купили наш первый дом.

«Просто попроси Господа, и Он тебе поможет».

Я думаю, что если бы дальше все было по-маминому, в конечном итоге они стали бы финансово обеспеченными людьми, и я уверен, что она не предвидела той бедности и лишений, с которыми столкнулась позже.

В противовес матери наш отец был высоким и худощавым, он часто говорил: «Всегда нужно выглядеть блестяще, Бенни. Одевайся как тот, кем ты хотел бы стать». Он делал особый акцент на одежде и имуществе, а еще любил бывать в обществе.

«Будь обходителен с людьми. Люди много значат, и если ты с ними обходителен, ты будешь им нравиться». Вспоминая эти слова, я думаю, он придавал большое значение тому, чтобы нравиться всем. Если бы меня попросили описать отца, я бы сказал: «Он был просто милым человеком». Так я считаю и сегодня, несмотря на все проблемы, возникшие позже.

Наш отец был человеком, который настаивал бы, чтобы мы модно одевались и совершали поступки в стиле «мачо», например, бегали за девочками, то есть вели образ жизни, который не дал бы нам стать успешными в

учебе. Во многом сейчас я благодарен маме за то, что она забрала нас из того окружения.

Что касается интеллекта, папе нелегко давались сложные задачи, поскольку он был склонен вдаваться в детали, теряя из виду общую картину. Это было, пожалуй, самым большим различием между моими родителями.

Оба наших родителя были выходцами из больших семей: у мамы было 23 брата и сестры, а у отца – 13. Поженились они, когда папе было 28 лет, а маме – 13. Спустя много лет она призналась, что хотела таким образом сбежать от безвыходной ситуации дома.

Вскоре после свадьбы они переехали из Чаттануги, штат Теннесси, в Детройт, который пользовался популярностью у рабочих в конце 1940-х – начале 1950-х годов. Люди переезжали с сельскохозяйственного юга страны, чтобы получить прибыльные, как они считали, рабочие места на заводах севера. Мой отец получил место на заводе «Кадиллак». Насколько мне известно, это было его первым и единственным рабочим местом. Он работал на заводе до выхода на пенсию в конце 1970-х.

Мой отец также был служителем в маленькой баптистской церкви. Я никогда до конца не понимал, был он рукоположенным служителем или нет. Папа взял меня послушать свою

проповедь только один раз, хотя, может быть, я запомнил лишь один такой случай. Отец не был одним из тех пламенных проповедников,

«Ты можешь это сделать. Не прекращай верить ни на секунду».

как некоторые телевизионные евангелисты. Он говорил спокойно, в нескольких местах повышал голос, но проповедовал сравнительно сдержанно, не будоража слушателей. Отец не был особо красноречивым, но старался изо всех сил. Я, будто сейчас, вижу его в то памятное воскресенье, стоящего перед нами, высокого и

красивого, а солнце отражается от большого металлического креста у него на груди.

– Я уезжаю на несколько дней, – сказала мама спустя несколько месяцев после того, как папа ушел от нас, – собираюсь увидеться с некоторыми родственниками.

– А мы тоже едем? – спросил я с интересом.

– Нет, мне нужно поехать одной, – ее голос был необычно тихим, – к тому же вам, мальчики, нельзя пропускать занятия в школе.

Предупреждая мои возражения, мама сказала, что мы можем пожить это время у соседей.

– Я уже договорилась. Вы сможете у них ночевать и кушать, пока я не вернусь.

Наверное, я должен был поинтересоваться, почему она уехала, но я этого не сделал. Я был слишком обрадован возможностью пожить у кого-то, поскольку это означало дополнительные преимущества, лучшую еду и много веселья и игр с соседскими детьми.

Так это случилось впервые и еще несколько раз позже. Мама объясняла, что уезжает на несколько дней, а о нас будут заботиться соседи. Поскольку она тщательно устраивала наше пребывание у друзей, это было больше захватывающим событием, чем пугающим. Будучи уверенным в ее любви, я не допускал даже мысли, что она не вернется.

Возможно, это покажется странным, но это – свидетельство той безопасности, которую мы чувствовали в своем доме. Я узнал, куда мама ездила на «визиты к родственникам», лишь став уже взрослым. Когда ноша становилась слишком тяжелой, она записывалась в психиатрическую клинику. Расставание и развод повергли ее в ужасную растерянность и депрессию, и я думаю, только внутренняя сила помогла матери понять, что она

нуждается в профессиональной помощи. Обычно она отсутствовала несколько недель.

Мы с братом и не догадывались о ее психиатрическом лечении. Она так хотела.

Со временем мать оправилась от психического напряжения, однако друзьям и соседям было нелегко признать ее здоровой. Мы, дети, не знали, как маме было больно от того, что ее лечение в психиатрической клинике стало главной темой в сплетнях соседей, возможно, еще и потому, что она развелась. Обе эти проблемы оставили неизгладимые шрамы. Матери не только пришлось справляться с ведением хозяйства и обеспечением нас, но и с тем, что друзья оставили ее тогда, когда она больше всего нуждалась в них.

Поскольку мама не рассказывала подробностей развода, люди предполагали худшее и распускали о ней невероятные слухи.

– Я просто решила, что должна заниматься своими делами, – как-то сказала мне мать, – и не обращать внимания на то, что болтают люди.

Так она и делала, но это было не так уж и просто. Больно даже представить, сколько сложных, наполненных слезами моментов она провела в одиночестве.

В конечном счете, не имея финансовых источников, на которые можно было бы рассчитывать, мама поняла, что не может покрыть расходы на проживание в нашем доме, каким бы скромным он ни был. Дом отошел к ней по соглашению при разводе. Однако спустя несколько месяцев попыток справиться самостоятельно мать сдала дом в аренду, собрала наши вещи, и мы уехали. Это был один из тех моментов, когда папа снова появился, чтобы помочь нам переехать в Бостон. Старшая сестра мамы Джин Авери и ее муж Уильям согласились принять нас.

Мы переехали в многоквартирный бостонский дом к Авери. Их дети уже выросли, поэтому у них было много

нерастроченной любви для двух маленьких мальчиков. Со временем они стали для нас с Кертисом вторыми родителями, и это было прекрасно, поскольку нам тогда было необходимо много ласки и участия.

Спустя год после переезда в Бостон мама все еще проходила лечение в психиатрической больнице. Каждый раз ее поездки длились от трех до четырех недель. Мы скучали по ней, но получали такое особенное внимание от дяди Уильяма и тети Джин, когда она уезжала, что нам это нравилось.

Авери заверяли нас с Кертисом: «У вашей мамы все хорошо». Получив письмо или ответив на телефонный звонок, они говорили нам: «Еще несколько дней – и мама вернется». Они так хорошо справлялись с ситуацией, что мы совершенно не догадывались, насколько маме было тяжело. Ведь волевая Соня Карсон хотела, чтобы так было.

ВОСЬМИЛЕТНИЙ

— Крысы! – завопил я. – Керт, посмотри сюда! Я видел крыс!

Я с ужасом показал на большую, заросшую сорняками территорию за нашим многоквартирным домом.

— Да они размером с кошку!

— Не такие они и большие, – возразил Кертис, пытаясь выглядеть более взрослым, – но на вид очень злые.

Ничто в Детройте не подготовило нас к жизни в бостонском многоквартирном доме. По комнате сновали армии тараканов, от которых невозможно было избавиться, что бы мама ни делала. Страшнее их для меня были только полчища крыс, хотя они никогда не подбегали близко. Они жили в основном на улице: в траве или на мусорных кучах. Однако иногда крысы забегали в подвал нашего здания, особенно в холодную погоду.

— Я один туда не пойду, – решительно говорил я.

Я боялся спускаться в подвал один и не двигался с места, пока Кертис или дядя Уильям не шли со мной.

Иногда из травы на тротуар выползали змеи. Как-то большая змея заползла в наш подвал, и кто-то ее убил. После этого мы, дети, днями говорили о змеях.

— А вы знаете, что в прошлом году в один из домов позади нас заползла змея и убила четырех детей во сне? – сказал один из моих одноклассников.

– Они могут тебя проглотить, – настаивал второй.

– Да нет же, – ответил первый и рассмеялся, – они тебя жалят, и ты умираешь.

Затем он рассказал еще одну историю о некоем человеке, убитом змеей.

Конечно же, эти рассказы были неправдой, но из-за того, что я так часто их слушал, они запечатлелись в моей памяти, и я начал проявлять чрезмерную осторожность, бояться и постоянно высматривать змей.

По району бродило много пьяниц, и мы настолько привыкли видеть осколки стекла, кучи мусора, обветшавшие дома и мчащиеся патрульные машины, что вскоре привыкли к такой смене обстановки. Спустя несколько недель это место жительства казалось уже нормальным и вполне приемлемым.

Никто не говорил: «Так нормальные люди не живут». Я думаю, это было из-за чувства семейного единства, которое Авери усиливали, поэтому я и не особо задумывался о качестве нашей жизни в Бостоне.

Конечно же, мать работала. Постоянно. У нее редко выдавалась свободная минутка, но она полностью посвящала это время нам с Кертисом, что компенсировало те часы, когда ее не было с нами. Мама начала работать у зажиточных людей, присматривая за детьми и выполняя работу по дому.

– Ты выглядишь усталой, – сказал я в один из вечеров, когда она вошла в нашу узенькую квартирку.

Уже стемнело, поскольку она работала допоздна на двух низкооплачиваемых работах.

Мать откинулась в кресле.

– Думаю, так и есть, – ответила она, снимая туфли. Ее улыбка мягко скользнула по мне. – Что ты сегодня узнал нового в школе? – спросила она.

Какой бы уставшей она ни была, если мы еще не спали к ее приходу, мама никогда не упускала возможности

спросить о школе. Помимо многого другого, ее интерес к нашему образованию начал убеждать меня в том, что мама считала школу важной.

Когда мы переехали в Бостон, мне было всего восемь лет. Порой я был серьезным ребенком, размышлявшим об изменениях, произошедших в жизни. Однажды я сказал себе: «Быть восьмилетним просто чудесно, ведь когда тебе восемь, у тебя нет обязанностей. Все о тебе заботятся, а ты можешь просто играть и веселиться».

Однако я добавил: «Так всегда не будет. Поэтому я буду наслаждаться жизнью сейчас».

Если не учитывать развода, лучшая часть моего детства припала на время, когда мне было восемь. Во-первых, у меня было самое захватывающее Рождество. Сначала мы с Кертисом пошли за рождественскими покупками, а потом тетя и дядя завалили нас игрушками. Мама тоже купила нам больше, чем когда-либо, стараясь сгладить потерю отца.

«Быть восьмилетним просто чудесно!.. Все о тебе заботятся, а ты можешь просто играть и веселиться».

Одним из моих любимых подарков была модель «Бьюика» 1959 года с вращающимися колесами. Но «Набор юного химика» отодвинул даже его на второй план. Ни до, ни после у меня не было игрушки, которая бы так меня увлекла, как «Набор химика». Я часами играл в спальне, изучая соединения и проводя опыт за опытом. Я делал лакмусовые бумажки синими и красными, смешивал химикаты и увлеченно наблюдал, как эти странные смеси шипели, пенились и окрашивались в разные цвета. Когда какая-то моя смесь наполнила квартиру запахом тухлых яиц, я смеялся до колик в животе.

Во-вторых, в восьмилетнем возрасте я пережил свой первый религиозный опыт. Мы – адвентисты седьмого дня, и в одну из суббот пастор Форд из детройтской

церкви на Бернс-авеню проиллюстрировал свою проповедь историей.

Будучи хорошим рассказчиком, пастор Форд поведал о супружеской паре медиков-миссионеров, за которыми в некоей далекой стране гнались бандиты. Пара петляла между деревьями и камнями, и им удавалось оставлять преследователей позади. Наконец, задышавшись от изнеможения, медики остановились прямо на краю обрыва. Они были в ловушке. Вдруг миссионеры увидели небольшой разлом прямо на краю скалы – трещину, достаточно большую для того, чтобы заползти внутрь и спрятаться. В следующее мгновение бандиты выскочили на откос, но не нашли там ни доктора, ни его жены. Злодеи не могли поверить своим глазам – пара словно растворилась в воздухе. Прокричав проклятия и ругательства в их адрес, бандиты ушли.

Слушая, я представил картинку настолько четко, что практически почувствовал, как за мной гонятся. Пастор не слишком драматизировал, но меня захлестнули эмоции. Я переживал бегство миссионеров так, словно злодеи пытались поймать меня. Я ярко представил, как меня преследуют. У меня дух перехватило от паники, страха и отчаяния, которые чувствовала та пара. В конце рассказа, когда бандиты ушли, я выдохнул с облегчением, ощущая себя в безопасности.

Пастор Форд обвел взглядом собрание.

– Та пара была сокрыта в прибежище и защищена, – сказал он нам, – они были спрятаны в расселине скалы, и Господь укрыл их от зла.

По окончании проповеди мы начали петь гимн прославления. В то утро пастор выбрал для пения псалом «Чудесный Спаситель – Христос, мой Господь». Свой призыв он построил на этой миссионерской истории и объяснил, что нам необходимо спастись «в расселине скалы», чтобы обрести безопасность, которая возможна лишь в Иисусе Христе.

– Если верую мы будем уповать на Господа, – сказал пастор, и его взгляд скользнул по лицам собравшихся, – то всегда будем в безопасности, в безопасности в Иисусе Христе.

Пока я слушал, то представлял, каким чудесным образом Бог позаботился о тех людях, которые хотели Ему служить. В своем воображении и чувствах я пережил историю той семейной пары и подумал: *«Вот что мне действительно необходимо сделать – укрыться в расселине скалы»*.

Хотя мне было лишь восемь, мое решение казалось вполне зрелым. Другие дети моего возраста принимали крещение и присоединялись к Церкви, поэтому, когда эта весть и музыка тронули мое сердце, я откликнулся. Следуя традициям, сложившимся в нашей деноминации, когда пастор Форд спросил, не желает ли кто-либо обратиться ко Христу, мы с Кертисом оба вышли вперед. Спустя несколько недель нас крестили.

В целом я был хорошим ребенком и не сделал ничего особо плохого, но тогда я впервые в жизни понял, что нуждаюсь в Божьей помощи. Последующие четыре года я старался следовать наставлениям, которые получал в церкви.

То утро стало для меня памятным еще по одной причине. Я решил, что хочу быть доктором, врачом-миссионером.

В проповедях и библейских уроках часто встречались истории о медиках-миссионерах. Каждый рассказ о путешествиях врачей-миссионеров в глухих деревнях Африки или Индии интриговал меня. До нас доходили известия о том, как эти врачи облегчали физические страдания и как помогали людям жить более здоровой и счастливой жизнью.

– Вот чем я хотел бы заниматься, – сказал я маме по дороге домой, – я хочу стать врачом. Можно я стану врачом, мама?

– Бенни, – ответила она, – послушай.

Мы остановились, и мама посмотрела мне в глаза, а затем, положив руки на мои худенькие плечи, сказала:

– Если ты попросишь Господа о чем-то, веря, что Он это исполнит, то так и будет.

– Я верю, что смогу стать врачом.

– Тогда, Бенни, ты станешь врачом, – ответила она безапелляционно, и мы продолжили свой путь.

После маминых слов поддержки я даже не сомневался, чем хочу заниматься в жизни.

Как и большинство детей, я понятия не имел, что нужно, чтобы стать доктором, но предполагал: если буду хорошо учиться, то смогу это сделать. Когда мне исполнилось 13, я уже не был уверен, что стану миссионером, но

относительно профессии медика я никогда не сомневался.

«Если ты попросишь Господа о чем-то, веря, что Он это исполнит, то так и будет».

Мы переехали в Бостон в 1959 году и жили там до 1961 года, когда мать перевезла нас обратно в Детройт, поскольку финансовое положение семьи

улучшилось. Детройт был нашим домом, и к тому же у мамы была одна цель. Хотя сначала это было невозможно, но она планировала вернуться и снова поселиться в том доме, в котором мы жили раньше.

Дом размером с современный гараж был одним из послевоенных сборных квадратных домов-коробок. Все здание занимало не более десяти квадратных метров, но находилось в хорошем районе, где люди постоянно подстригали свои газоны и гордились местом, где живут.

– Мальчики, – говорила нам мама, когда проходили дни и недели, – просто подождите. Мы вернемся в наш дом на Дикон-стрит. Пусть сейчас мы и не можем позволить себе жить там, но мы это исправим. Пока мы можем пользоваться деньгами с его аренды.

Не проходило ни дня, чтобы мать не говорила о возвращении домой. Ее глаза светились решимостью, и я ни капли не сомневался, что так и будет.

Мама перевезла нас в многосемейное жилище, которое находилось по другую сторону путей напротив квартала под названием Дельрей. Это был задымленный, испещренный железнодорожными путями район, где ютились подпольные цеха по производству автомобильных запчастей. Я бы назвал его кварталом «высшего низшего» класса.

Мы втроем жили на верхнем этаже. Мама работала то на двух, то на трех работах одновременно. В одном месте она присматривала за детьми, а в другом убирала. Какая бы работа по дому ни требовалась, мама говорила: «Я могу это делать. Если я пока не знаю как, то быстро научусь».

Фактически никак иначе она не могла зарабатывать на жизнь, поскольку других навыков у нее не было. На этих работах мама получила много практических знаний, поскольку была сообразительной и внимательной. Работая, она внимательно изучала все вокруг.

Особенно ей были интересны люди, поскольку большую часть времени мама работала на богатых. Она, бывало, приходила домой и рассказывала нам: «Вот что делают обеспеченные люди. Вот так себя ведут успешные люди. Вот так они думают».

– Вы, мальчики, тоже так можете, – говорила она с улыбкой, добавляя, – и вы можете лучше!

Как ни странно, мама начала ставить передо мной высокие цели, когда я был не особо хорошим учеником. Нет, это не совсем правда. Я был худшим учеником на параллели пятых классов в начальной школе Хиггинса.

Первые три года в детройтской бесплатной государственной школе дали мне хорошую базу знаний. Когда мы переехали в Бостон, я пошел в четвертый класс, а Кертис – в шестой. Мы перевелись в небольшую част-

ную церковную школу, поскольку мама думала, что там нам дадут лучшее образование, чем в государственной. К сожалению, вышло вовсе не так. Хотя мы с Кертисом получали хорошие оценки, требования были недостаточно высокими, и когда мы снова перевелись в Детройт, я был шокирован.

Начальную школу Хиггинса посещали в основном белые. Программа была сложной, а пятиклассники, к которым я присоединился, обгоняли меня по каждому предмету. К своему удивлению, я совершенно не понимал, что происходит. Я был в самом хвосте класса. И что самое ужасное, я ведь действительно думал, что в Бостоне неплохо учился.

Находиться в хвосте класса было больно уже само по себе, но поддразнивания и насмешки других детей заставляли меня чувствовать себе еще хуже. Как заведено у детей, после теста неизбежно начинались предположения насчет оценок.

Кто-то безапелляционно заявлял:

– Я знаю, что получит Карсон!

– Ага! Большой ноль! – выкрикивал другой.

– Эй, тупица, думаешь, в этот раз хотя бы одно задание сделал правильно?

– В прошлый раз Карсон ответил на одно правильно. Знаете почему? Он пытался написать неправильный ответ.

Неподвижно сидя за своей партой, я притворялся, что не слышу их. Я хотел, чтобы они думали, что мне безразличны их слова. Но мне было далеко не безразлично. Слова одноклассников делали мне больно, но я бы не позволил себе расплакаться или убежать. Порой, когда начинались издевательства, на моем лице застывала улыбка. Недели шли за неделями, и я смирился с тем, что я последний в классе, поскольку там мне и место.

Я просто тупой. Я не сомневался в этом утверждении, и остальные тоже это знали.

Хотя никто конкретно не говорил мне ничего насчет того, что я черный, я думаю, моя плохая успеваемость только усиливала общее мнение о том, что черные дети не настолько умны, как белые. Я пожимал плечами, принимая реалии жизни, – так все и должно было быть.

Оглядываясь на те годы, я все еще немного чувствую боль. Худший случай в моей школьной жизни произошел в пятом классе на контрольной по математике, проводившейся без подготовки. Наша учительница миссис Уильямсон, как обычно, попросила нас передать свою работу для проверки сидящему сзади, а сама зачитывала правильные ответы. Когда была поставлена оценка, листок возвращался к своему владельцу. Затем учительница произносила наши имена, и мы называли оценку.

В тесте было 30 заданий. Девочка, проверявшая мою работу, была заводилой тех детей, которые дразнили меня.

Миссис Уильямсон начала называть имена. Я сидел в душном классе, путешествуя взглядом с пестрой доски объявлений на стену с окнами, покрытыми бумажными вырезками. В комнате пахло мелом и детьми, и я пригнул голову, боясь услышать свое имя. Это было неизбежно.

– Бенджамин? – миссис Уильямсон ждала, пока я назову свой балл.

Я промямлил свой ответ.

– *Одиннадцать!* – миссис Уильямсон уронила ручку, улыбнулась мне и сказала с искренним воодушевлением:

– Что ж, Бенджамин, это замечательно! (Для меня набрать 11 из 30 было чем-то запредельным).

Прежде чем я успел осознать происходящее, девочка позади меня крикнула:

– Да не одиннадцать! – она фыркнула со смехом. – Один. Он только *одно задание* сделал правильно.

Ее хихиканью вторили смешки и хохот по всему классу.

– Так, довольно! – резко сказала учительница, но было уже поздно.

Жестокость той девочки полоснула мне ножом по сердцу. Мне кажется, более одиноким и глупым я себя не чувствовал никогда в жизни. То, что я делал ошибки почти в каждом вопросе почти каждого теста, было плохо уже само по себе, но когда весь класс – по крайней мере, казалось, что все присутствующие, – смеялся над моей глупостью, я хотел провалиться под землю.

Слезы жгли мне глаза, но я отказался плакать. Я бы лучше умер, чем дал им понять, как сильно они меня задела. Я улыбнулся с показным безразличием и не поднимал глаз от своей парты и огромной единицы вверху своей работы.

Я легко мог бы решить, что жизнь жестока и быть черным означало, что все против меня. Все и пошло бы таким путем, если бы не два события, произошедшие со мной в пятом классе и изменившие все мое восприятие мира.

ДВА ПОЗИТИВНЫХ СОБЫТИЯ

– Я не знаю, – сказал я, качая головой, – то есть я не уверен.

Я снова чувствовал себя, от макушки до подошвы своих кроссовок, глупым. Мальчик передо мной прочел каждую букву в каждом ряду таблицы сверху донизу без проблем. Я же не мог нормально разглядеть ничего ниже верхнего ряда.

– Ничего страшного, – сказала мне медсестра, и следующий ребенок в очереди вышел вперед к таблице проверки зрения. Ее голос был ободряющим и деловитым:

– А теперь постарайся читать не шурясь.

В середине пятого класса наша школа провела обязательную проверку зрения. Я шурился, пытаюсь сфокусироваться и прочесть первую строку, – все напрасно.

Школа предоставила мне очки бесплатно. Когда я пошел их примерять, доктор сказал:

– Сынок, у тебя настолько плохое зрение, что можно дать группу инвалидности.

Очевидно, мое зрение ухудшалось постепенно, и я не понимал, насколько все плохо. На следующий день я надел в школу новые очки и был поражен. Я мог видеть написанное на доске даже с задних рядов класса. Очки стали первой моей удачей, благодаря им я перестал быть

худшим учеником в классе. Как только я стал лучше видеть, улучшились мои оценки, хоть и не особо, но я двигался в верном направлении.

Когда выдали табеля успеваемости за четверть, миссис Уильямсон отозвала меня в сторону.

– Бенджамин, – сказала она, – в целом твоя успеваемость значительно улучшилась.

Ее одобрительная улыбка заставила меня почувствовать, что я могу даже лучше. Я знал, что она поощряла меня совершенствоваться.

По математике у меня было «удовлетворительно», но это был прогресс. По крайней мере я не провалил этот предмет.

Мне стало легче, когда я увидел этот проходной балл. Я думал: *«Я получил три по математике. Я совершенствуюсь. Для меня есть надежда. Я не самый глупый ребенок в школе»*. Когда ребенок, который был в хвосте класса первые полгода, внезапно вырывается вперед, – получая не двойку, а тройку, – это обнадеживает. Впервые с момента поступления в школу Хиггинса я знал, что могу достичь большего, чем некоторые мои одноклассники.

Мама же не желала, чтобы я остановился на таком скромном достижении!

– О, хорошо, это прогресс, – сказала она. – Бенни, я горжусь, что ты получил более высокую оценку. А почему должно быть по-другому? Ты умный, Бенни.

Несмотря на мое воодушевление и чувство надежды, мама не была счастлива. Видя мою улучшенную оценку по математике и услышав то, что сказала мне миссис Уильямсон, она подчеркнула:

– Но ты не можешь остановиться на том, что едва прошел. Ты для этого слишком умный. Ты можешь получить наивысшую оценку в классе по математике.

– Но, мама, я же не провалил, – простонал я, думая, что она не оценила должным образом мои успехи.

– Согласна, Бенни, ты начал совершенствоваться, – сказала мама, – и ты будешь совершенствоваться дальше.

– Я пытаюсь, – сказал я, – я стараюсь изо всех сил.

– Но ты все равно можешь лучше, и я тебе помогу, – ее глаза загорелись.

Мне следовало догадаться, что она уже начала разрабатывать план. Зная маму, я понял, что фразой: «Ты можешь лучше» дело не ограничится. Она обязательно нашла бы способ показать мне как. Ее схема, разработанная по мере нашего совместного продвижения вперед, оказалась вторым позитивным фактором.

Мама мало что говорила насчет моих оценок, пока не выдали табель за полугодие. Она-то думала, что оценки из бостонской школы показывают реальные успехи. Однако, как только мама поняла, насколько плохо обстоят мои дела в начальной школе Хиггинса, она ругала меня каждый день.

Тем не менее мама никогда не спрашивала: «Ну почему ты не можешь быть таким, как те умные мальчики?» Она не видела смысла в подобных словах. Я чувствовал, что для нее было намного важнее, чтобы я сам старался, а не соперничал с одноклассниками.

– У меня двое смысленных парней, – бывало, говорила мама, – двое очень умных мальчиков.

– Я стараюсь изо всех сил, – уверял я, – я подтянулся по математике.

– Но ты будешь учиться лучше, Бенни, – сказала она мне однажды вечером, – теперь, когда ты начал подтягиваться по математике, ты будешь продолжать – и вот как ты это сделаешь. Первым делом ты выучишь таблицу умножения.

– Таблицу умножения?! – закричал я. Я не мог представить себе, как это – выучить так много. – Знаешь ли ты, сколько там учить? Ее и за год не выучишь!

На это мама гордо парировала:

– Я окончила только три класса, но знаю всю до двенадцати.

– Но, мама, я не могу...

– Ты можешь, Бенни. Тебе просто нужно сконцентрироваться. Поработай над этим, а завтра, когда я вернусь с работы, мы все повторим. Мы будем повторять таблицу умножения до тех пор, пока ты не будешь знать ее лучше всех в классе!

Я продолжал спорить, но мне следовало бы знать, чем все закончится.

– К тому же, – последовал контрольный удар, – завтра после школы ты не пойдешь гулять, пока не выучишь таблицу умножения.

Я чуть не плакал.

– Да посмотри на нее! – закричал я, показывая колонки на обороте учебника по математике. – Как это все вообще можно выучить?

Порой говорить с мамой было все равно что с камнем. Она поджала губы и строго сказала:

– Ты не пойдешь гулять, пока не выучишь таблицу умножения.

Хотя мамы не было дома, когда заканчивались уроки в школе, но мне и в голову не приходило ослушаться. Она хорошо воспитывала нас с Кертисом, и мы выполняли все, что она нам говорила.

Я выучил таблицу умножения. Я просто продолжал повторять ее, пока она не зафиксировалась в моей памяти. Как мама и обещала, тем вечером она повторила таблицу со мной. Ее постоянный интерес и неослабевающее ободрение постоянно меня мотивировали.

В считанные дни после того, как я выучил таблицу, математика стала настолько легче, что мои оценки сразу улучшились. Большую часть времени оценки у меня были такими же, как и у других одноклассников. Никогда не забуду, как я чувствовал себя, когда на следующей контрольной ответил миссис Уильямсон: «Двадцать четыре»!

Я почти кричал, повторяя: «Я сделал правильно двадцать четыре».

Учительница улыбнулась мне, и я понял, как она была рада видеть мой прогресс. Я не рассказывал ребятам, что происходило дома и как помогли очки. Я думал, что большинству из них это неинтересно.

Ситуация моментально изменилась, и ходить в школу стало намного приятнее. Никто больше не смеялся и не называл меня тупым на уроке математики! Однако мама не позволила мне остановиться на таблице умножения. Она доказала мне, что я могу подтянуться в одном, поэтому начала следующий этап моей программы по самосовершенствованию, чтобы я мог улучшить успеваемость по всем предметам. Цель была отличной, мне только не нравился метод ее достижения.

– Я решила, что вы, мальчики, слишком много смотрите телевизор, – сказала она как-то вечером, выдергивая вилку из розетки прямо посреди передачи.

– Не так уж и много мы смотрим, – сказал я.

Я попытался доказать, что некоторые передачи образовательные и что все дети в моем классе смотрят телевизор, даже самые умные.

Словно вообще меня не слыша, мама безапелляционно установила закон. Мне не нравилось это правило, однако ее целеустремленность в желании видеть наш прогресс изменила направление моей жизни.

– Отныне вы, мальчики, можете смотреть не более чем три передачи в неделю.

– В неделю? – я сразу же подумал обо всех замечательных передачах, которые мне придется пропустить.

Мы знали: несмотря на наши протесты, если мама решила, что мы не можем смотреть телевизор без ограничений, то она намерена это воплотить в жизнь. Мама нам доверяла, поскольку мы оба подчинялись семейным правилам, ведь в целом были хорошими детьми.

Кертис, хотя и был более непослушным, чем я, справлялся с учебой лучше. Но, несмотря на это, его оценки были

недостаточно хороши для маминых стандартов. Каждый вечер, день за днем, мама беседовала с Кертисом, работала над его неправильным отношением, побуждала его добиваться успеха, просила поверить в себя. Ни у одного из нас не было мужчины-образца для подражания или хотя бы уважаемого мужчины, чтобы на него равняться. Я думаю, Кертис, будучи старше, реагировал на это сильнее, чем я. Однако, как бы сложно ни приходилось с ним работать, мама не сдавалась. Благодаря ее любви, решимости, ободрению и установленным правилам Кертис стал более благоразумным и начал верить в себя.

Мама уже решила, как мы будем проводить свое свободное время, когда не будем смотреть телевизор.

– Мальчики, вы пойдете в библиотеку и возьмете книги. Вы будете читать как минимум две книги в неделю. В конце каждой недели вы будете пересказывать мне, что прочли.

Это правило казалось невыполнимым. Две книги? Я за всю свою жизнь не прочел ни одной книги до конца, кроме тех, что нас заставляли читать в школе. Я поверить не мог, что смогу когда-либо прочесть целую книгу всего лишь за короткую неделю.

Спустя день или два мы с Кертисом шли за семь кварталов от дома в публичную библиотеку. Мы жаловались, делая этим свою дорогу нескончаемой, но так сказала мать, и ни один из нас не решался ослушаться. Почему? Мы ее уважали. Мы знали, что она давала дельные советы и нам лучше прислушаться. Но самое главное – мы ее любили.

– Бенни, – говорила она снова и снова, – если ты умеешь читать, милый, ты можешь узнать все, что только захочешь. Людям, умеющим читать, открываются двери в мир. А мои мальчики будут успешными в жизни, потому что станут лучшими читателями в школе.

Вспоминая об этом сегодня, я уверен, как и тогда в пятом классе, что моя мама была настроена решительно. Она верила в нас с Кертисом. Мать настолько сильно в нас

верила, что мы не осмеливались ее подвести! Ее беспредельная уверенность побудила меня поверить в себя.

Некоторые друзья матери критиковали ее строгость. Я слышал, как одна женщина спрашивала:

– Что ты творишь со своими мальчиками? Зачем заставляешь их учиться все время? Они тебя возненавидят.

– Они могут меня ненавидеть, – ответила мама, пресекая критику этой женщины, – но они получают лучшее образование!

Конечно же, я ее не ненавидел. Мне не нравилось давление, но маме удалось заставить меня понять, что эта упорная работа была для моего же блага. Практически ежедневно она говорила:

– Бенни, ты можешь сделать все, за что ни возьмешься.

Поскольку я всегда любил животных, природу и науку, я выбирал в библиотеке книги по этим темам. И хотя я был ужасным учеником в традиционных академических предметах, но преуспевал в естественных науках пятого класса.

Мистер Джаек, учитель естественных наук, понимал мою заинтересованность и поощрял меня, давая специальные проекты, такие как, например, помочь другим детям различить камни, животных или рыб. Я умел различать рыб по окраске и так определять их виды. Никто в классе так не умел, и это было моей возможностью выделиться.

Первое время я ходил в библиотеку и брал книги о животных, а также на другие темы о природе. В нашем пятом классе я стал экспертом в естественных науках. К концу года я мог поднять любой камень вдоль железной дороги и назвать его вид. Я читал так много книг о рыбах и водной фауне, что начал искать в ручейках насекомых. У мистера Джаека был микроскоп, и я любил приносить образцы воды, чтобы изучить различных простейших под увеличительным стеклом.

Постепенно ко мне пришло осознание, что я начал лучше успевать по школьным предметам. Я стал с нетер-

пением ждать походов в библиотеку. Местный персонал уже узнавал нас с Кертисом и предлагал то, что было бы нам интересно. Они сообщали нам, когда поступали новые книги. Я извлекал пользу из нового способа жизни, и вскоре круг моих интересов расширился, охватывая также приключения и научные открытия.

Много читая, я автоматически увеличил свой словарный запас и улучшил языковое восприятие. Вскоре я стал лучшим учеником по математике, когда мы решали сюжетные задачи.

До последних нескольких недель пятого класса, помимо письменных проверок по математике, наши еженедельные конкурсы на знание орфографии были для меня самой ужасной частью учебы. Обычно я «тонул» на первом же слове. Но сейчас, 30 лет спустя, я все еще помню слово, заставившее меня заинтересоваться изучением правописания.

На последней неделе пятого класса у нас был конкурс орфографии, во время которого миссис Уильямсон заставила нас повторить каждое слово, правописание которого мы должны были выучить за год. Как все и думали, конкурс выиграл Бобби Фармер. Однако я очень удивился, услышав последнее слово, которое он произнес по буквам правильно, чтобы победить, – это было слово «земледелие».

«Я могу произнести по буквам это слово», – подумал я с восторгом. За день до конкурса я узнал его из библиотечной книги. Когда победитель сел, у меня по телу пробежала дрожь. Появилось острое желание достичь успеха – более сильное, чем когда-либо. «Я могу произнести по буквам “земледелие”, – сказал я сам себе, – и готов поспорить, что могу выучить любое слово в мире. Ручаюсь, я мог бы научиться писать и произносить слова по буквам лучше, чем Бобби».

Научиться произносить по буквам и писать лучше, чем Бобби Фармер, стало для меня вызовом. Бобби, несомненно, был самым умным мальчиком в пятом классе. Пока

он не появился в нашем классе, это звание принадлежало другому мальчику, его звали Стив Кормс. Бобби Фармер поразил меня на уроке истории, когда учитель упомянул лен, однако никто из нас не знал, о чем он говорит.

Тогда Бобби, еще новичок в нашей школе, поднял руку и рассказал остальным о льне – как и где он растет, как женщины делали ткань из его волокон. Слушая, я думал: «Как много Бобби знает о льне! Он действительно умный». Я сидел в классе, а косые лучи весеннего солнца пробивались в окна, и вот внезапно меня озарило: *читая, я могу узнать о льне и любых других вещах. Это как мама говорит: если умеешь читать, можешь узнать обо всем.* Я читал все лето и к началу шестого класса научился произносить по буквам многие слова, не заучивая их специально. В шестом классе Бобби все еще был самым умным, но я начал наступать ему на пятки.

После того как я начал подтягиваться в учебе, желание быть умным становилось все крепче. Как-то раз я задумался: «Должно быть, очень здорово, когда все видят, что ты самый умный в классе». В тот день я решил, что единственный способ узнать, каково будет почувствовать это, – стать самым умным.

По мере того как я продолжал читать, мое правописание, словарный запас и языковое восприятие улучшились, а уроки стали намного интереснее. Я подтянулся настолько, что, когда перешел в седьмой класс средней школы Уилсона, был лучшим учеником класса.

Но стать первым учеником в классе не было моей настоящей целью. К тому времени мне этого было уже недостаточно. Вот когда постоянное влияние матери изменило ход событий. Я упорно работал не столько для того, чтобы соревноваться и быть лучше остальных детей, сколько хотел достичь наилучших результатов, на какие был способен.

Большинство детей, которые ходили со мной в школу в пятом и шестом классах, тоже перешли в Уилсон. Однако

наши отношения радикально изменились на протяжении этого двухлетнего периода. Именно те дети, которые обзывали меня тупицей, начали подходить ко мне, спрашивая:

– Бенни, как ты решил эту задачу?

Безусловно, я сиял, когда отвечал им. Теперь они меня уважали, поскольку я заслужил это. Было здорово получать хорошие оценки, учиться новому, знать больше, чем требовалось.

В средней школе Уилсона тоже в основном учились белокожие дети, но мы с Кертисом оба стали выдающимися учениками. Именно в Уилсоне я впервые преуспел среди белокожих детей. Я люблю оглядываться назад, хотя это происходит на бессознательном уровне, и думать о том, что мой интеллектуальный рост помог стереть стереотип о том, что черные менее интеллектуально развиты.

И обязательно нужно благодарить мать за мое правильное отношение к жизни. Я не помню, чтобы, пока я рос, она говорила: «Белые люди просто...». Эта женщина без образования, которая вышла замуж в 13 лет, была достаточно умна, чтобы осмыслить некоторые вещи и показать нам с Кертисом, что люди – это люди. Она никогда не давала воли расовым предрассудкам и не позволила бы такого и нам.

Мы с Кертисом столкнулись с предрассудками и могли бы тоже поддаться им, особенно в те дни – в начале 1960-х годов.

Я особенно четко помню три примера расовых предрассудков, от которых мы пострадали.

Впервые подобное произошло, когда я начал ходить в среднюю школу Уилсона. Мы с Кертисом часто запрыгивали на поезд, чтобы прокатиться до школы, поскольку железная дорога шла параллельно улице, по которой мы ходили туда. Хотя мы знали, что нельзя запрыгивать на поезда, я успокаивал свою совесть тем, что выбирал те, что шли медленно.

Однако мой брат запрыгивал на быстро движущиеся поезда, которым приходилось притормаживать у переезда.

Я завидовал Кертису, наблюдая за ним в действии. Когда более быстрые поезда проезжали мимо, подъезжая к переезду, он забрасывал свой кларнет на одну из платформ ближе к голове состава. Затем он выжидал и запрыгивал на последнюю платформу. Если бы он не запрыгнул и не добрался до головы поезда, то лишился бы кларнета. Кертис никогда не терял свой музыкальный инструмент.

Мы выбрали себе опасное приключение, и каждый раз, когда я запрыгивал на поезд, по моему телу пробегала дрожь. Нам приходилось не только запрыгнуть и удержаться на поезде, но еще и не попасться на глаза охранникам, что было гораздо сложнее. Они следили, чтобы дети и бездомные не запрыгивали на поезда на переездах. Им так и не удалось поймать нас.

Мы прекратили запрыгивать на поезда из-за одного серьезного случая. Однажды, когда со мной не было Кертиса и я бежал вдоль путей, на меня начала наступать группа ребят – все белые – с искаженными гневом лицами. У одного из них была большая палка.

– Эй ты, ниггер!

Я молча остановился, настороженно и испуганно глядя на них. Я всегда был очень худым и выглядел беззащитным – таким я и был. Мальчик с палкой сильно ударил меня по плечу. Я отскочил, не зная, что последует за этим. Он и другие парни стояли передо мной и обзывали самыми грязными прозвищами, какие только могли придумать.

Стук сердца гулко отдавался у меня в ушах, а по спине струился пот. Я опустил глаза, глядя под ноги, слишком перепуганный, чтобы ответить, и оторопевший, чтобы убежать.

– Знаешь ли ты, что вам, ниггерам, не место в средней школе Уилсона? Если мы тебя еще раз поймем, то убьем, – взгляд его светлых глаз обдавал могильным холодом. – Ты понял?

Я не отрывал взгляда от земли.

– Думаю, да, – промямлил я.
– Я спросил, понял ли ты меня, ниггер? – заводила требовал ответа.

Страх сковал меня. Я попытался говорить громче.

– Да.

– Тогда быстро проваливай отсюда. И лучше тебе быть внимательным, потому что в следующий раз мы тебя убьем!

Тогда я быстро побежал и не останавливался, пока не забежал во двор школы. Я перестал пользоваться тем маршрутом, а нашел другой путь. С того момента я больше не запрыгивал на поезда и больше ни разу не видел эту шайку.

Будучи уверенным, что мать немедленно заберет нас из школы, я никогда не рассказывал ей об инциденте.

Второй, более шокирующий случай произошел, когда я учился в восьмом классе. В конце каждого учебного года директор с учителями вручали похвальную грамоту лучшему по успеваемости ученику на параллели седьмых, восьмых и девярых классов. Я получил грамоту в седьмом классе, а Кертис в том же году – в девятом. К концу восьмого класса люди наконец приняли тот факт, что я был умным ребенком. В следующем году я снова получил грамоту. Одна учительница вручала мне грамоту на общешкольном собрании. Передав ее мне, она осталась стоять перед всеми учениками и посмотрела в зал.

– Сейчас я хотела бы сказать несколько слов, – начала учительница непривычно высоким голосом.

Затем, к моему смущению, она отругала белых детей за то, что они позволили мне стать лучшим.

– Вы недостаточно стараетесь, – сказала она им.

Хотя учительница и не сказала это прямо, но дала им понять, что чернокожий не должен быть лучшим в классе, где все белые.

Пока учительница продолжала отчитывать учеников, в моей голове роились мысли. Конечно же, мне

было больно. Я старательно трудился, чтобы стать лучшим в классе, – наверное, старательнее, чем кто-либо в школе, – а она унижала меня за то, что моя кожа другого цвета. С одной стороны, я думал: «Вот это курица!». А потом от злости я твердо решил: *я вам еще покажу, да и всем остальным тоже!*

Я не мог понять, почему эта женщина так говорила. Она преподавала у меня несколько предметов, казалось, я ей нравился, и она прекрасно знала, что я заслужил свои оценки и был достоин грамоты за успеваемость. Зачем ей было так грубо говорить? Неужели она была невежественной и не понимала, что люди – это просто люди? Их цвет кожи или раса не делают их умнее или глупее. Мне на ум также пришло довольно много примеров, когда люди из меньшинств были умнее. Неужели она этого не понимала?

Несмотря на боль и злость, я ничего не сказал. Я тихо сидел, пока она ругала учеников. Несколько белых ребят время от времени поглядывали на меня, закатывая глаза, давая мне понять, что им это противно. Я чувствовал, что они пытались сказать мне: «Вот это она глупая»!

Несколько ребят из тех, кто тремя годами ранее дразнил меня, стали моими друзьями. Они были сконфужены, а на нескольких лицах я видел негодование.

Я не рассказал матери об учительнице. Я не думал, что это чем-то поможет, возможно, только заденет ее чувства.

Третий инцидент, отложившийся у меня в памяти, касался футбольной команды. В нашем районе была футбольная лига. Когда я учился в седьмом классе, игра в футбол считалась большим преимуществом на физкультуре.

Конечно же, мы с Кертисом оба хотели играть. Ни один из нас, Карсонов, не был крупным. По правде говоря, по сравнению с другими игроками мы были достаточно щуплыми. Однако у нас было одно преимущество.

Мы были настолько быстрыми, что могли перегнать любого на игровом поле. Поскольку братья Карсоны так хорошо себя показывали, наша игра, очевидно, расстроила нескольких белокожих.

Однажды вечером, когда мы с Кертисом покидали поле после тренировки, нас окружила группа старших белых парней. Было видно, что они разъярены, хотя не сказали ни слова. Я не знал, были ли они членами банды, угрожавшей мне на железнодорожной развилке. Я лишь знал, что напуган.

Затем один парень вышел вперед.

– Если вы, парни, вернетесь – мы бросим вас в реку, – сказал он.

Потом они повернулись и ушли.

Исполнят ли они свою угрозу? Мы с Кертисом не были в этом уверены, но мы поняли: они не хотели, чтобы мы были в лиге.

Идя домой, я сказал брату:

– Кто захочет играть в футбол, когда твои болельщики против тебя?

– Думаю, мы можем найти себе лучшее времяпровождение, – сказал Кертис.

Мы никому ничего не сказали об уходе, но больше никогда не приходили на тренировки. Никто из соседей не спрашивал нас почему. Матери я сказал: «Мы решили не играть в футбол». Кертис сказал что-то о том, что нужно больше учиться.

Мы решили ничего не говорить маме об угрозах, зная, что если бы рассказали, то она бы сильно волновалась за нас. Будучи взрослым, оглядываясь назад, я вижу, насколько иронично это было для нашей семьи. Когда мы были младше, своим молчанием мать защищала нас от правды об отце и своих эмоциональных проблемах. Теперь была наша очередь защищать ее от волнения. Мы выбрали тот же метод.

ПРОБЛЕМЫ «БОЛЬШОГО МАЛЬЧИКА»

– Знаете, что сделали индейцы с поношенными вещами генерала Кастера? – спросил главарь банды.
– Расскажи нам, – выкрикнул один из его приспешников с деланным интересом. – Они их сохранили, и теперь наш Карсон их носит!

Другой парень активно закивал:

– Оно и видно.

Я чувствовал, как к шее и щекам приливает жар. Ребята снова взялись за свое.

– Подойди ближе, и ты в этом убедишься, – рассмеялся первый парень, – они воняют, как будто им сто лет!

Будучи новым учеником в 8-А классе средней школы Хантера, я прочувствовал, насколько насмешки – унижительный и горький опыт. Они применяются для того, чтобы выставить себя лучше другого человека. Их суть в том, чтобы выдавать как можно более саркастичные комментарии, бросать колкие замечания, высмеивая кого-то. Насмехались в присутствии жертвы, а лучшими мишенями становились дети, чья одежда была немодной. Злые насмешники выжидали, пока вокруг нарушителя дресс-кода

соберется толпа. Тогда они начинали соревноваться, кто скажет наиболее смешные и оскорбительные слова.

Я был особой мишенью. Во-первых, одежда тогда для меня не играла особой роли, не играет и сейчас. За исключением короткого периода в своей жизни, я никогда особо не заботился о том, что ношу, поскольку мама говорила:

– Бенни, то, что внутри, имеет большую значимость. Любой может красиво одеться, но внутри быть мертвым.

Мне ужасно не хотелось переводиться из средней школы Уилсона посреди восьмого класса, но я был рад тому, что мы возвращаемся в наш старый дом. Как я сказал себе: «Мы снова возвращаемся домой!». Это было важнее всего.

Благодаря бережливости моей матери наше финансовое положение постепенно улучшилось. Мама наконец смогла накопить достаточно денег, и мы переехали в тот дом, где жили до развода родителей.

Каким бы маленьким ни было здание, оно было домом. Сегодня я смотрю более реалистично – скорее спичечным коробком. Но тогда для нас троих тот дом казался особняком, поистине сказочным местом.

Переезд домой означал, что нам придется сменить школы. Кертис пошел в Юго-Западную старшую школу, а я перевелся в среднюю школу Хантера, которую посещали в основном чернокожие, и только 30 % учеников были белыми.

Одноклассники сразу же признали меня умным парнем. Хотя я и не был на самой вершине, только один или два из них превосходили меня по успеваемости. Я начал привыкать к успеху в учебе, мне это нравилось, и я решил оставаться на вершине.

Однако в тот момент я почувствовал новый вид давления – я еще не подвергался такому ранее. Помимо насмешек, я столкнулся с постоянным искушением стать одним из парней, с которыми я бы раньше не связывался, чтобы

меня приняли в компанию. В других школах дети равнялись на меня за мои высокие оценки, но в средней школе Хантера успеваемость была не так важна.

Быть принятым в круг «своих» означало носить правильную одежду, ходить в места, где парни «тусовались», и играть в баскетбол. Но для того чтобы стать «своим», важнее всего было научиться подтрунивать над другими.

Я не мог попросить маму купить мне вещи, которые бы подняли меня на необходимый для их признания уровень. Хотя я, возможно, не до конца еще понимал, насколько тяжело она работала, однако я знал, что она старается обойтись без государственного денежного пособия. К тому времени, как я пошел в девятый класс, мама настолько преуспела, что получала только продуктовые талоны. Она не могла обеспечивать нас и содержать дом без этой помощи.

Поскольку она хотела сделать все возможное для нас с Кертисом, мама сэкономила на себе. Ее одежда была чистой и приличной, но немодной. Конечно же, будучи ребенком, я этого не замечал, а она никогда не жаловалась.

Первые несколько недель я никак не отвечал на сарказм ребят. То, что я не реагировал, только раззадоривало их, и они безжалостно надо мной насмехались. Я чувствовал себя ужасно одиноким и уязвленным, потому что не вписывался в их компанию. Идя домой один, я думал: *«Что со мной не так? Почему я не могу вписаться в их общество? Почему я должен быть другим?»*. Я утешал себя, говоря: «Они просто кучка клоунов. Если они получают от этого удовольствие, то пусть продолжают, а я в их глупые игры играть не собираюсь. Я добьюсь успеха и в один прекрасный день всем им еще покажу».

Но как бы я себя ни утешал, я все равно чувствовал себя одиноким и отвергнутым. И, как и все люди, я хотел стать частью общества, мне не нравилось быть аутсайдером. К сожалению, спустя некоторое время их отношение повлияло на меня, и я заразился этой «болезнью».

Тогда я сказал себе: «Хорошо, если вы, ребята, хотите насмехаться, я покажу вам, как это делается».

На следующий день я ждал, когда начнутся насмешки. И они начались. Девятиклассник сказал:

– Парень, твои рубашка пережила Первую, Вторую, Третью и Четвертую мировые войны.

– Ага, – ответил я, – а до этого ее носила твоя мама. Все рассмеялись.

Он уставился на меня, с трудом веря в то, что я сказал. Потом и он рассмеялся, шлепнув меня по спине.

– Эй, чувак, все путем.

Моя самооценка тут же поднялась. Вскоре я уже мог передразнить самых заядлых задира во всей школе. Было здорово получить признание за свой острый язык.

С того момента, если кто-то насмехался надо мной, я выворачивал их слова наизнанку и бросал им в лицо – в этом была суть этой игры. Спустя несколько недель «элита» перестала меня донимать. Они не осмеливались отпускать в мою сторону саркастичные насмешки, потому что знали, что я обязательно отвечу им.

Иногда ученики просто сворачивали с дороги, если видели, что я иду навстречу. Даже тогда я не давал им сбежать.

– Эй, Миллер! Я бы тоже прятал лицо, если бы был таким уродом!

Злое замечание? Безусловно! Но я успокаивал себя, говоря: «Все так делают. Насмешки над другими – единственный способ выжить». Или иногда я говорил: «Он знает, что на самом деле я так не думаю».

Прошло не так уж много времени, а я уже и забыл, каково это было самому являться объектом насмешек. Включившись в игру, я решил одну большую проблему.

К сожалению, это не решило вопроса одежды.

Помимо травли из-за одежды, дети часто называли меня бедным. А в их представлении, если ты был бедным, то был никчемным. Как ни странно, ни один из

них сам не был богатым и не имел права так говорить о ком-либо. Но, будучи подростком, я не рассуждал об этом логически. Я ощущал клеймо бедности особо остро потому, что у меня не было отца. У большинства ребят, которых я знал, были оба родителя, и это убеждало меня, что они более состоятельны.

В девятом классе одна вещь была для меня самой постыдной. Как я говорил, мы получали талоны на еду и не могли без них обойтись.

Время от времени мама посылала меня в магазин купить хлеба или молока на талоны. Я терпеть не мог ходить за покупками, боясь, что кто-то из моих друзей увидит меня. Если кто-нибудь из моих знакомых подходил к кассе, я притворялся, что что-то забыл, а сам, пригнувшись, прятался в одном из проходов между полками, пока тот не уходил. Дождавшись, когда не будет очереди, я подбегал с товарами, которые должен был купить.

Я мог смириться с бедностью, но я замирал, когда думал о том, что другие дети узнают об этом. Если бы я более логично поразмышлял о талонах на продукты, то понял бы, что многие из моих друзей тоже ими пользовались. Однако каждый раз, выходя из дома с бумажками, которые жгли мне карман, я переживал, что кто-то может меня увидеть и узнать, что я пользуюсь талонами на продукты, а потом будет сплетничать об этом. Насколько мне известно, никто никогда ничего не говорил.

Девятый класс стал переломным моментом в моей жизни. Как отличник, я был в числе лучших учеников. Но я также не уступал лучшим – а точнее, худшим – моим одноклассникам. Это было время переходного периода. Я оставлял детство и начинал всерьез задумываться о будущем, в частности, о своем желании стать врачом.

К тому времени, как я перешел в десятый класс, давление одноклассников стало тяготить меня. Моей самой большой проблемой была одежда.

– Я не могу надеть эти штаны, – говорил я маме, – надо мной все будут смеяться.

– Только глупые люди смеются над тем, что ты носишь, Бенни, – отвечала она. – Важно не то, что во что ты одет.

– Но, мама, – умолял я, – все, кого я знаю, одеваются лучше меня.

– Может, это правда, – говорила она мне терпеливо, – я знаю много людей, которые одеваются лучше меня, но это не делает их лучше.

Почти каждый день я оказывал давление на маму, настаивая, что мне нужно купить «правильную» одежду. Я точно знал, что имел в виду под «правильной»: итальянские вязаные рубашки с замшевыми полочками, шелковые брюки и носки, туфли из крокодиловой кожи, шляпы-трилби, кожаные пиджаки и замшевые пальто. Я постоянно говорил об этих вещах, и казалось, что я больше ни о чем не мог думать. Мне необходимы были эти вещи, чтобы быть одетым, как элита.

Мать была во мне разочарована, и я это знал, но все, о чем я мог думать, – это мой бедняцкий гардероб и то, как мне хотелось быть принятым. Вместо того чтобы сразу после школы идти домой, я играл в баскетбол. Порой я гулял до десяти вечера, а несколько раз даже до одиннадцати. Возвращаясь домой, я знал, чего ожидать, и приготовился все вытерпеть.

– Бенни, неужели ты не видишь, что с собой делаешь? Ты не просто разочаровываешь меня. Ты собираешься разрушить свою жизнь, постоянно гуляя и выпрашивая модные вещи.

– Я не разрушаю свою жизнь, – огрызнулся я, потому что не хотел слушать.

Я ничего не слышал, поскольку мой незрелый ум был сосредоточен лишь на том, чтобы быть таким, как все.

– Я гордилась тобой, Бенни, – говорила она, – ты усердно трудился. Не растеряй это все теперь.

– Я и дальше буду нормально учиться, – отрезал я. – У меня все будет хорошо. Разве я не приношу домой хорошие оценки?

Относительно этого мать не могла со мной поспорить, но я знал, что она переживала.

– Ладно, сын, – наконец сказала она мне.

После долгих недель постоянной мольбы о новых вещах мама сказала то, что я хотел услышать:

– Я попробую достать тебе некоторые из тех модных вещей. Если тебе для счастья нужно именно это, ты их получишь.

– Они сделают меня счастливым, – ответил я.

Сейчас мне сложно поверить, что тогда я был таким бесчувственным. Не думая о ее нуждах, я заставил мать экономить на себе, чтобы она могла купить мне вещи, которые помогли бы одеваться, как «элита». А мне и того было недостаточно. Сейчас я понимаю: сколько бы итальянских рубашек, кожаных жакетов или крокодиловых туфель она ни покупала, мне все равно было бы мало.

Мои оценки ухудшились. С вершины класса я скатился до троечника. Даже хуже – посредственные оценки больше меня не волновали, ведь я был в «элите». Я «тусовался» с популярными ребятами. Они приглашали меня на свои вечеринки и джем-сейшн³. Я развлекался – в жизни не проводил лучше времени, чем тогда, потому что я стал одним из них.

Вот только я был не особо счастлив.

Я сбился с истинного пути и уклонился от важных и базовых ценностей в своей жизни. Чтобы объяснить это утверждение, я должен вернуться к истории моей мамы и рассказать о визите Мери Томас.

³ Джем-сешн (также джем-сэшн, джем-сэйшен или джем-сэшен; от англ. *jam session*) – совместная последовательная индивидуальная и общая импровизация на заданную тему. Музыкальное действие, когда музыканты собираются и играют без особых приготовлений и определённого соглашения либо когда взять инструмент и выступить может каждый из присутствующих (материал из Википедии – прим. переводчика)

Когда моя мама рожала меня в больнице, она впервые встретилась с адвентистами седьмого дня. Мери Томас пришла и начала рассказывать ей об Иисусе Христе. Мама вежливо ее слушала, но без особого интереса.

Позже, как я уже упоминал, мать была настолько эмоционально разбита, что записалась в психиатрическую лечебницу. В определенный момент она всерьез задумалась о самоубийстве, планируя прятать ежедневную дозу лекарств, а потом принять все вместе. Тогда маму в больнице провела одна женщина. Она уже встречала ее однажды – это была Мери Томас.

Эта тихая, но ревностная женщина начала говорить с ней о Боге. Само по себе это не было чем-то новым для мамы, ведь она слышала о Боге еще в детстве на своей родине, в Теннесси. Однако Мери Томас подходила к религии иначе. Она ничего не навязывала маме и не рассказывала, какая она грешница. Вместо этого Мери Томас просто рассказывала о своих убеждениях и иногда останавливалась, чтобы зачитать библейский стих, подтверждающий основы ее веры.

Но важнее было то, что Мери искренне беспокоилась о матери. А ей тогда был нужен тот, кто бы о ней заботился.

Еще до развода мама была отчаявшейся женщиной с двумя детьми на руках, которая совершенно не представляла, как о нас позаботится, если все пойдет не так. Многие, считавшие ее ненормальной, сторонились ее. Тогда появилась Мери Томас с тем, что казалось единственным лучом надежды. «Существует другой источник силы, Соня, – сказала посетительница, – и эта сила может стать твоей».

Это были именно те слова, в которых мама нуждалась, чтобы найти укрепляющую силу в жизни. Мама наконец поняла, что она была не одна в этом мире.

Спустя несколько недель Мери снова начала говорить об учении своей Церкви, и мама постепенно поверила в любящего Бога, проявляющего эту любовь через Иисуса Христа.

День за днем Мери Томас терпеливо беседовала с матерью, отвечала на вопросы и выслушивала все, что она хотела рассказать.

Мамины три класса образования не давали ей возможности читать большинство библейских отрывков, но ее посетительница не сдавалась. Она останавливалась на них и читала вслух, и благодаря влиянию этой женщины моя мама начала учиться читать про себя.

Хотя мама едва умела читать, если она решила научиться, то практиковалась до тех пор, пока не получалось делать это хорошо. Мать начала читать Библию, часто проговаривая слова вслух, порой не понимая их смысла, но она упорно продолжала. Такой была ее целеустремленность в действии. В конечном итоге мама могла читать сравнительно сложный материал.

Тетя Джин и дядя Уильям, у которых мы жили после развода родителей, стали адвентистами в Бостоне. При их поддержке вскоре и мама утвердилась в вере. Не умея делать что-либо вполсилы, она сразу же начала активно принимать участие в служении и стала ревностным членом Церкви. С момента своего обращения она начала брать нас с Кертисом с собой в церковь. Адвентистская конфессия была единственным духовным пристанищем, которое я знал.

Когда мне было 12 лет и я стал более зрелым, я осознал, что, хотя и был эмоционально тронут в восьмилетнем возрасте и даже принял крещение, не до конца понимал, что означало быть христианином. Тогда мы переехали и начали посещать Церковь АСД Шерон в Инкстере. После долгих раздумий об этом я поговорил с пастором Смитом.

– Хотя я и принял крещение, – сказал я, – я не особо осознавал значимость того, что делал.

– А сейчас понимаешь?

– О да, мне теперь 12, – сказал я, – и я верю в Иисуса Христа. К тому же Иисусу было 12, когда его родители впервые взяли его с собой в храм в Иерусалиме. Поэтому я хотел бы снова креститься, потому что теперь я все понимаю и готов.

Пастор Смит выслушал меня с пониманием и крестил повторно.

Все же, оглядываясь назад, я не знаю точно, когда обратился к Богу. Или же, возможно, это происходило так постепенно, что я даже не осознавал. Что я знаю точно, так это то, что в 14 лет я наконец понял, как Бог может нас изменить.

Именно в возрасте 14 лет я встретился лицом к лицу с самой тяжелой личностной проблемой в своей жизни, которая едва не разрушила меня полностью.

УЖАСНЫЙ ХАРАКТЕР

– Ты сказал глупость, – язвительно поддел Джерри, когда мы шли вместе по коридору после урока английского.

Нас со всех сторон окружали ребята, но голос Джерри был громче их крика.

Я пожал плечами:

– Может, и так.

Мой неправильный ответ на уроке английского в седьмом классе был довольно постыдным. Я не хотел, чтобы мне напоминали об этом.

– Может, и так? – Джерри визгливо рассмеялся. – Слушай, Карсон, да это же просто глупость года!

Я посмотрел на него. Он был выше и крупнее и не был мне близким другом.

– Ты тоже говорил довольно глупые вещи, – сказал я мягко.

– Неужели?

– Да. Вот на прошлой неделе ты...

Между нами завязалась словесная перепалка, и, в то время как я говорил с ним спокойным тоном, он все больше повышал голос. В конце концов я отвернулся к своему шкафчику. Я решил его игнорировать, и, может быть, он закроет рот и уйдет.

Я крутил диск кодового замка, чтобы открыть шкафчик, и как только сделал это, Джерри сильно меня толк-

нул. Я споткнулся и моментально вспыхнул. Я забыл, что он по сравнению со мной просто гора мышц. Я не видел учеников и учителей, толпящихся в коридоре. Я резко замахнулся замком. Удар пришелся Джерри в лоб, он вскрикнул, шатаясь, а из глубокой раны побежала кровь.

Ошеломленный Джерри медленно поднес руку ко лбу. Он почувствовал липкую кровь и опустил ладонь на уровень глаз, а потом закричал.

Конечно же, меня вызвали к директору. К тому времени я остыл и рассыпался в извинениях.

– Это вышло случайно, – сказал я ему. – Я бы никогда его не ударил, просто забыл, что у меня в руке замок.

Я действительно так считал. Мне было стыдно. Христиане не теряют самообладание, как это сделал я. Я извинился перед Джерри, и инцидент был исчерпан.

А что насчет моей вспыльчивости? Я забыл об этом. Я не был одним из тех парней, кто специально разбивает головы другим ребятам.

Спустя несколько недель мать принесла мне новые штаны. Я лишь взглянул на них и покачал головой.

– Ни за что, мама. Я их не надену. Они не подходят.

– Что значит «не подходят»? – возразила она. Мама устала. В ее голосе прорезалась сталь. – Тебе нужны новые брюки. Сейчас же надевай эти!

Я швырнул их ей обратно.

– Нет, – закричал я. – Я не буду носить эти уродские вещи.

Мать повесила штаны на спинку пластикового кухонного стула.

– Я не могу вернуть их, – она старалась говорить терпеливо. – Они были на распродаже.

– Мне все равно, – сказал я, глядя ей в лицо. – Я их видеть не могу и лучше умру, чем надену.

– Я заплатила за них хорошие деньги.

– Они не такие, как я хочу.

Мама шагнула вперед.

– Послушай, Бенни. Мы не всегда получаем все то, чего хотим от жизни.

По всему моему телу разлилась волна жара, лицо запылало, а мышцы напряглись.

– *А я получу!* – завопил я. – Вот подожди и увидишь. Я получу. Я...

Сжав кулаки, я замахнулся. Кертис бросился на меня сзади, оттаскивая от матери, крепко скрутив руки.

Тот факт, что я чуть не ударил свою мать, должен был заставить меня понять, насколько убийственной стала моя вспыльчивость. Может, я это и знал, но отказывался признать правду. У меня проявилось то, что я могу назвать патологической вспыльчивостью – болезнью, – и этот недуг мной управлял, лишая здравого смысла.

В целом я был хорошим парнем. Обычно нужно было сильно постараться, чтобы разозлить меня. Но как только я вскипал, то полностью терял над собой контроль. Когда во мне закипала ярость, я, совершенно не задумываясь, хватал ближайший кирпич, камень или палку, чтобы ударить кого-то. У меня словно отключалось сознание в такие моменты.

Друзья, не знающие меня с детства, думают, что я преувеличиваю, когда говорю, что был ужасно вспыльчивым. Но это вовсе не преувеличение, и чтобы ясно это показать, вот еще два примера моих «сумасшествий».

Я не помню, с чего все началось, но соседский мальчишка ударил меня камнем. Мне не было больно, но я, охваченный безумной яростью, ринулся к обочине дороги, поднял большой камень и швырнул ему в лицо. Я редко промахивался, когда что-то бросал. Камень разбил ему очки и поранил лицо.

Я был в девятом классе, когда случилось немыслимое. Я потерял контроль и попытался зарезать друга ножом. Мы с Бобом слушали транзисторный радиопри-

емник, и тут он повернул ручку и переключил на другую станцию.

– Ты называешь это музыкой? – спросил Боб.

– Это лучше, чем то, что нравится тебе! – крикнул я в ответ, хватаясь за ручку настройки.

– Да ладно тебе, Карсон. Ты всегда...

В то же миг мной овладела слепая ярость. Выхватив из заднего кармана походный нож, который я носил с собой, я нанес им удар мальчику, который был моим другом. Размахнувшись изо всех сил, я ударил его ножом в живот. Нож попал прямо в массивную пряжку его военного ремня с такой силой, что лезвие сломалось и упало на землю.

Я уставился на сломанное лезвие – и мне стало плохо. *Я ведь мог убить его. Я чуть не убил своего друга.* Если бы его не защитила пряжка, Боб сейчас бы лежал у моих ног, умирая или же будучи тяжело ранен. Он ничего не сказал, только посмотрел на меня, не веря своим глазам.

– П-прости, – невнятно сказал я, бросая рукоятку ножа.

Я не мог смотреть ему в глаза. Не говоря больше ни слова, я развернулся и убежал домой.

К счастью, дома никого не было. Я ринулся в ванную и закрылся. Затем я опустился на край ванны и вытянул ноги, уже такие длинные, что я уперся в умывальник.

Я пытался убить Боба. Я пытался убить своего друга. Как бы крепко я ни зажмурился, я не мог прогнать образ: моя рука, мой нож, пряжка ремня, сломанный нож – и лицо Боба.

«Это сумасшествие, – наконец пробормотал я. – Наверное, я сумасшедший. Нормальные люди не пытаются убить своих друзей». Край ванны холодил мои ладони. Я приложил их к пылающему лицу. «Я так хорошо учусь в школе – и делаю такое».

Я мечтал стать врачом с восьми лет. Но как я мог осуществить свою мечту с такой ужасной вспыльчивостью?

Разозлившись, я терял контроль и не знал, как остановиться. Я никогда ничего не достигну, если не обуздаю свой нрав. Если бы я только мог что-то сделать с пылающей внутри себя яростью.

Прошло два часа. Зеленые и коричневые змеевидные узоры на линолеуме плыли у меня перед глазами. Мне было плохо до тошноты, противно от самого себя и очень стыдно.

– Пока я не избавлюсь от этой вспыльчивости, – сказал я вслух, – я ничего не добьюсь. Если бы на Бобе не было той большой пряжки, он бы, скорее всего, был мертв, а я бы уже ехал в тюрьму или исправительную колонию.

Меня захлестнули эмоции. Влажная футболка липла к спине. Пот струился по моим бокам. Я не мог с собой совладать и поэтому ненавидел себя.

Откуда-то из глубин сознания ко мне пришло твердое убеждение: молись. Мама учила меня молиться. Учителя в религиозной школе в Бостоне часто говорили нам, что Бог поможет нам, если только мы Его попросим. Неделями, месяцами я пытался обуздать свой нрав, полагая, что могу сам с ним справиться.

Я чувствовал себя так, будто никогда не смогу больше посмотреть кому-то в глаза. Как я смогу смотреть в глаза своей матери? Узнает ли она? Как я смогу снова видаться с Бобом? Сможет ли он не возненавидеть меня? Сможет ли он снова доверять мне?

«Господи, – прошептал я, – заberi у меня эту вспыльчивость. Если Ты этого не сделаешь, я никогда от нее не освобожусь. Я закончу, совершая поступки намного хуже, чем попытка зарезать одного из своих лучших друзей».

Будучи уже достаточно осведомленным в психологии (я читал «Психология сегодня» на протяжении года), я знал, что вспыльчивость является чертой характера. Стандартный подход в этой области указывал на сложность, даже на невозможность изменения характера. И

сегодня многие эксперты полагают, что наибольшее, что мы можем сделать, – это принять свои недостатки и приспособиться к ним.

Слезы струились у меня между пальцев. «Господи, несмотря на то, что все эксперты говорят мне, Ты можешь меня изменить. Ты можешь навсегда освободить меня от этой пагубной черты характера».

Я вытер нос клочком туалетной бумаги и бросил его на пол. «Ты обещал нам, что если мы придем к Тебе и с верой чего-либо попросим, то Ты это исполнишь. Я верю, что Ты можешь изменить меня». Я встал и выглянул в узкое окно, все еще моля Бога о помощи. Я не мог продолжать вечно себя ненавидеть за все ужасные поступки, которые совершал.

Я опустился на унитаз, а в моем уме толпились отчетливые образы других вспышек гнева. Я видел свой гнев и сжимал кулаки. Ничего хорошего из меня не выйдет, если я не смогу измениться. *«Бедная моя мама, – подумал я. – Она в меня верит. А ведь она даже не догадывается, насколько я ужасен».*

Отчаянье повергло меня во мрак. «Если Ты не сделаешь этого для меня, Боже, то мне больше не к кому будет обратиться».

Я выскользнул из ванной, чтобы взять Библию. Открыв ее, я начал читать книгу Притчей. Я сразу же увидел ряд стихов о злых людях и том, как они навлекли на себя неприятности. Особенно меня поразил стих Притчи 16:32: «Долготерпеливый лучше храброго, и владеющий собою лучше завоевателя города».

Продолжая читать, я беззвучно шевелил губами. Мне казалось, что эти стихи были написаны обо мне и для меня. Слова из книги Притчей обличали меня, но они также дали мне надежду. Спустя некоторое время меня

начал наполнять мир. У меня перестали дрожать руки. Слезы остановились. Что-то случилось со мной за те несколько часов в одиночестве в ванной. Господь услышал мои мольбы. Меня захлестнуло ощущение легкости, и я знал, что произошла перемена в моем сердце. Я чувствовал себя иначе. Я был другим.

Наконец я встал, положил Библию на край ванны и подошел к умывальнику. Я вымыл руки и умылся, расправил смятую одежду. Из ванной я вышел изменившимся молодым человеком. «Мой характер больше никогда не будет мной управлять, – сказал я себе, – больше никогда. Я свободен».

И с того дня, после тех долгих часов борьбы с собой и мольбы о Божьей помощи, у меня больше никогда не было проблем со вспыльчивостью.

В тот же вечер я решил, что буду ежедневно читать Библию. Я сделал это своей ежедневной привычкой, а особенно наслаждался книгой Притчей. Даже сейчас при любой возможности я достаю Библию, а утром первым делом читаю ее.

Случившееся чудо было невероятным. Некоторые мои друзья, занимающиеся психологией, утверждают, что у меня все еще может проявляться гневливость. Может, они и правы, но после того случая я прожил более двадцати лет и ни разу больше не выходил из себя, а также не нуждался в обуздании своего нрава.

Я могу вытерпеть любой стресс и невероятное количество унижений. По Божьей милости мне не нужно прилагать особых усилий, чтобы справиться с неприятностями и раздражением. Бог помог мне победить свой ужасный характер раз и навсегда.

За время, проведенное в ванной, я также осознал, что если люди могут разозлить меня, то они могут меня контролировать. Почему я должен давать кому-то такую власть над своей жизнью?

Я годами посмеивался над людьми, которые специально делали то, что, по их мнению, меня разозлит. Они меня никак не контролируют.

И вот почему. С того ужасного дня, когда мне было 14 лет, моя вера в Бога стала личной и важной частью меня самого. С того времени я начал напевать про себя или вслух полюбившийся гимн «Иисус мне больше, чем весь мир». Когда меня что-то раздражает, этот гимн развеивает негативные чувства. Молодежи я объяснил это так: «В моем сердце светит солнце независимо от обстоятельств вокруг меня».

Я ничего не боюсь, поскольку, думая об Иисусе Христе и своих отношениях с Ним, я вспоминаю, что Тот, Кто создал Вселенную, может все. Также у меня есть доказательства – мой личный опыт, – что Бог всемогущий, поскольку Он меня изменил.

С 14 лет я начал уделять первоочередное внимание будущему. Уроки моей матери и те, которые мне преподали несколько учителей, наконец дали результат.

ТРИУМФ В СПОРЕ

Мне было десять лет, когда я впервые заинтересовался госпиталем Джонса Хопкинса. В те дни, казалось, в каждом телевизионном сюжете или газетной статье на медицинскую тему фигурирует кто-то из госпиталя Джонса Хопкинса. Поэтому я сказал: «Вот куда я хочу устроиться, когда стану врачом. Эти врачи изобретают лекарства и новые способы помочь больным людям».

Хотя насчет желания стать доктором у меня вопросов не было, но относительно области медицины я не всегда был уверен. К примеру, когда мне было тринадцать, мое решение стать врачом общей практики изменилось: я хотел стать психиатром. Меня убедили в этом просмотры телепередач с участием психиатров, которые представляли в них энергичными интеллектуалами, знающими, как решить проблемы любого человека. В том же возрасте я чутко относился к денежному вопросу и подумал, что с таким большим количеством психически неуравновешенных людей, проживающих в США, психиатры должны неплохо зарабатывать.

Если у меня и были сомнения относительно выбранной профессии, они рассеялись, когда Кертис подарил мне на тринадцатый день рождения подписку на «Психологию сегодня». Это был чудесный подарок. Не толь-

ко прекрасный брат, но и хороший друг, Кертис, должно быть, многим пожертвовал, чтобы потратить заработанные нелегким трудом деньги на меня. Ему было лишь пятнадцать, и он мало зарабатывал на своей работе в научной лаборатории после школы.

Кертис был не только щедрым, но и деликатным. Зная, что я начал увлекаться психологией и психиатрией, он решил таким образом мне помочь. Хотя я находил «Психологию сегодня» довольно сложной для чтения в моем возрасте, однако усваивал достаточно много из разных статей и с огромным нетерпением ждал каждого нового выпуска. Еще я читал научные книги по психологии. Какое-то время я воображал себя местным психотерапевтом. Знакомые дети приходили ко мне со своими проблемами. Я был хорошим слушателем и выучил определенные техники помощи другим. Я задавал им вопросы: «Вы хотите об этом поговорить?» или «Что вас сегодня беспокоит?»

Они открывались мне. Возможно, тем ребятам просто нужна была возможность выговориться, поделиться проблемами. Некоторые из них были также готовы слушать. Я гордился тем, что они мне доверялись и хотели поведать о своих проблемах.

«Что ж, Бенджамин, – сказал я самому себе однажды, – ты нашел свою сферу деятельности и уже движешься в этом направлении».

И я не менял своих приоритетов, пока не поступил на медицинский факультет.

Во втором полугодии десятого класса я поступил на Службу подготовки офицеров резерва (СПОР). Признаться честно, я сделал это по большей части из-за Кертиса. Я действительно восхищался своим братом, хотя ни за что бы ему в этом не признался. Знал он или нет, но Кертис был для меня образцом для подражания. Он был одним из тех людей, на кого я хотел равняться. Я гордился, видя

Кертиса в форме, ведь на его груди красовалось больше медалей и лент, чем у кого-либо, кого я знал.

Вступление в СПОР стало для меня началом новых перемен в жизни и помогло вернуться на путь истинный. Мой брат, будучи тогда старшим по званию, получил звание капитана и был командиром роты, когда я стал рядовым.

Кертис не попался на удочку соперничества и требований к одежде, как я. Он оставался порядочным и был хорошим учеником до окончания учебы. Кертис окончил школу с почти наивысшими баллами в классе и поступил в Мичиганский университет на инженерный факультет.⁴

После того как я поступил в СПОР, в моей жизни появился еще один особенный человек – ученик по имени Шарпер. Он дослужился до наивысшего звания, присвоенного ученикам, – полковника. Шарпер казался таким взрослым, уверенным в себе и в то же время располагающим. «Он невероятен», – думал я, наблюдая, как он проводит строевое обучение всего подразделения СПОР. Затем мне на ум пришла следующая мысль: «Если Шарпер дослужился до полковника, почему я не могу?». В тот же миг я решил, что хочу стать учеником-полковником.

Поскольку я записался в СПОР поздно (во втором полугодии, а не в первом, как другие), это значило, что проведу там всего пять семестров вместо шести. С самого начала я осознавал, что мои шансы достичь хотя бы просто высших званий были довольно малы, но вместо того что-

⁴ Кертис окончил школу в разгар войны во Вьетнаме. В те дни воинская повинность определялась посредством жеребьевки. Номер жребия у Кертиса был небольшим, а это означало, что если бы он не поторопился, то его бы призвали в армию. Прочувшись в колледже полтора года, он решил пойти служить на военно-морской флот. «Так я смогу выбрать место службы по желанию», – сказал он. Кертис прошел специальное обучение и был направлен на атомную подводную лодку. Программа обучения была рассчитана на шесть лет, но Кертис после четырех лет службы не стал продлевать контракт. Он продвигался по службе и стал бы капитаном, если бы не решил оставить флот. Кертис вернулся в колледж и впоследствии стал инженером. Я горжусь своим старшим братом.

бы разочаровать, эта мысль ставила передо мной амбициозную задачу. Я решил, что достигну в СПОРе того высшего звания, какого только смогу достичь до выпуска.

Мама продолжала беседовать со мной о моем отношении к жизни, и это возымело действие. Она не читала мне нотаций, поскольку нашла более изобретательные способы мотивировать. Она учила стихотворения и известные цитаты и постоянно мне их повторяла.

Если подумать, мама проделывала невероятное, уча наизусть такие длинные стихотворения, как, например, «Невыбранная дорога» Роберта Фроста. Она часто цитировала мне стихотворение под названием «Себя ты в том вини», которое я так и не смог найти в печати. В нем рассказывается о людях, которые находят оправдания тому, что не прилагали максимальных усилий. Последней строкой было: «Это себя мы должны винить». Мы сами творим свою судьбу, совершая поступки. Нам следует пользоваться возможностями и быть ответственными за свой выбор.

Мать не оставляла меня в покое, пока я не осознал, что я – единственный, кто полностью в ответе за свою жизнь. Если я хотел достичь определенных целей, мне следовало взять на себя ответственность. Вскоре я снова повысил оценки. На протяжении как одиннадцатого, так и двенадцатого классов я снова был среди отличников. Я вернулся на истинный путь.

Другим влиятельным человеком в моей жизни была учительница английского миссис Миллер. Она заинтересовалась мной в девятом классе и многому научила на внеклассных занятиях. Она гордилась, что я был таким хорошим учеником и что она смогла научить меня ценить хорошую литературу и поэзию. Мы с ней проходили все то, что во время урока я выполнил не очень хорошо, и она сидела со мной, пока я не исправлял каждую ошибку.

В десятом классе, когда моя успеваемость упала, миссис Миллер была разочарована. Хотя она больше у меня

не преподавала, но следила за моими успехами и знала, что мое безразличие к домашней работе привело к ухудшению оценок, поскольку я просто ничего не делал, вместо того чтобы стараться. Меня мучила совесть из-за того, что она была так разочарована. На этом этапе мне было даже более стыдно разочаровывать ее, чем свою мать.

Наконец я начал понимать, что должен винить только себя я. «Элита» не имела бы надо мной власти, если бы я сам не решил им ее дать. Я начал отдаляться от них. Вопрос одежды был почти решен благодаря тому, что в СПОРе мы должны были носить форму три дня в неделю. Это означало, что обычную одежду я носил только два раза в неделю, и у меня было достаточно «подходящих» вещей, чтобы дети обо мне не сплетничали.

Решив проблему с одеждой и изменив свое отношение, я снова начал хорошо учиться.

Несколько учителей сыграло важную роль в моей жизни, когда я учился в старшей школе. Они уделяли мне особое внимание, воодушевляли и старались вдохновить меня продолжать стараться.

Я особенно восхищался и высоко ценил двух мужчин-учителей. Первым был Фрэнк МакКоттер, учитель биологии. Он был белым, среднего роста и телосложения и носил очки. Если бы я увидел его на улице, ничего о нем не зная, я бы сказал: «Это учитель биологии».

Мистер МакКоттер был настолько уверен в моих способностях, что подталкивал меня брать на себя больше обязанностей и проводил со мной дополнительные занятия по биологии. МакКоттер обязал меня разрабатывать эксперименты для других учеников, организовывать их и контролировать отлаженную работу лаборатории.

Лемюзль Доакс, второй учитель, дирижировал оркестром. Он был чернокожим, хорошо сложенным и большую часть времени серьезным, хотя у него было довольно хорошее чувство юмора. Мистер Доакс всегда требовал

безупречности. Его не удовлетворяло, что мы правильно играли, – мы должны были играть безупречно.

Однако мистер Доакс интересовался не только музыкой, также он поощрял мои научные изыскания. Он видел, что у меня есть талант к музыке, но сказал мне: «Карсон,

«Всегда ставь
на первое место
главные вещи».

на первое место ставь учебу. Всегда ставь на первое место главные вещи». Я подумал, что такое отношение со стороны учителя музыки было достойным восхищения.

Помимо его музыкальных талантов, я так же восхищался мистером Доаксом за его смелость. Он был одним из немногих учителей, которые давали отпор школьным задирам и не позволяли им себя запугать. Он не терпел никакой глупости. Несколько учеников бросили ему вызов и потерпели поражение.

В СПОРе я получил много медалей, состоя в пехотной и строевой группах. Я заслужил академические награды и участвовал почти в каждом соревновании. Помимо этого, я быстро получил повышение.

Когда я стал мастер-сержантом, то столкнулся с одним серьезным испытанием. Сержант Бенди, инструктор армии США и глава подразделения СПОР в нашей школе, назначил меня ответственным за одно из подразделений, поскольку эти ученики были настолько буйными, что ни один из школьников-сержантов не мог с ними справиться.

– Карсон, я собираюсь поставить тебя во главе этого класса, – сказал он, – если ты сможешь из них сделать что-то годное, то станешь младшим лейтенантом.

Именно такой вызов и был мне нужен.

Я сделал две вещи. Во-первых, попробовал лучше узнать ребят из класса и понял, что заинтересовал их. Затем я распределил теоретические и практические заня-

тия. Я предложил больше практических занятий, чтобы разнообразить рутину строевой подготовки, и ребятам это понравилось.

Во-вторых, я вернулся к своему забытому мастерству подшучивать над людьми, и это не прошло даром. Вскоре ученики взялись за ум, поскольку поняли, что если не будут делать все должным образом, то я могу публично высмеять их. Это был не самый хороший метод с точки зрения психологии, однако он сработал, и ребята начали уважать порядок.

Близилось лето, я усердно работал с классом несколько недель, когда сержант Бэнди позвал меня к себе.

– Карсон, – сказал он, – твой класс – лучший взвод в школе. Ты проделал отличную работу.

И, верный своему слову, Бенди повысил меня до младшего лейтенанта в конце года – невиданное событие для нашей школы.⁵

Повышение позволило мне претендовать на высшее офицерское звание, потому что, только получив младшего лейтенанта, можно было сдать экзамены на высшие звания. Обычно за назначением младшим лейтенантом следовало звание старшего лейтенанта, затем капитан и потом майор. После этого некоторые ученики шли на получение звания подполковника, и только троих от города направляли в Детройт для получения звания полковника.

Сержант Бенди помог мне попасть на экзамен. Я справился так хорошо, что он запланировал встречу с собранием майоров и капитанов в настоящей армии.

К тому времени сержант Хант стал первым чернокожим сержантом во главе нашего подразделения СПОР, заменив сержанта Бенди. Сержант Хант отметил мои

⁵ Я стал младшим лейтенантом спустя три семестра, тогда как обычно на это требовалось хотя бы четыре, а большинство кадетов СПОРа не дослуживались до этого звания и за шесть семестров.

лидерские способности и, поскольку я хорошо учился, заинтересовался мной. Бывало, он отводил меня в сторону и говорил: «Карсон, у меня на тебя большие планы».

Сержант Хант часто давал мне много дополнительных подсказок и предложений, делясь своим видением того, что экзаменаторы могут спросить.

– Карсон, – громко говорил он, – ты должен это выучить, и выучить так, чтобы от зубов отскакивало.

Я вызубрил весь требуемый материал. Офицеры регулярной армии, проводившие экзамен, задавали всевозможные вопросы из нашего руководства полевой подготовке – вопросы о рельефе местности, стратегии боя, различных видах оружия и комплексах вооружения. А я был готов!

Когда я пошел на офицерский экзамен вместе с представителями каждой из 22 школ нашего города, то набрал больше всего очков. Мой результат был (по крайней мере тогда) наивысшим в истории существования ученической организации.

К своему приятному удивлению, я получил следующее повышение – с младшего лейтенанта в подполковники, что было неслыханно. Естественно, я был в восторге. Что еще более удивительно, это произошло в первом полугодии двенадцатого класса. Я сам с трудом мог в это поверить. Со второго полугодия десятого класса я дошел от рядового до подполковника. У меня еще был целый школьный семестр впереди, и на подходе был полевой экзамен. Это означало, что у меня оставалась возможность стать полковником. Сделав это, я стал бы одним из трех полковников СПОР в Детройте.

Я снова пошел на экзамен и справился лучше всех остальных. Я был назначен начальником городского штаба, объединяющего подразделения всех школ.

Я воплотил свою мечту – дослужился до полковника, хотя и поступил в СПОР поздно. Несколько раз я думал:

«Что ж, Кертис, ты меня в это втянул, а сам дослужился до капитана. Я тебя обогнал, но я бы не поступил в СПОР, если бы ты не пошел туда первым».

Под конец двенадцатого класса я маршировал во главе парада на День памяти погибших воинов. Я был очень горд, а моя грудь была увешана всевозможными лентами и галунами. В довершение всего в тот день у нас были важные гости. Там присутствовали два солдата, получившие Почетный орден конгресса во Вьетнаме. А что меня еще больше будоражило, нас посетил генерал Уильям Вестморленд (особо отличившийся во время Вьетнамской войны) с впечатляющей свитой. После парада сержант Хант представил меня генералу Вестморленду, и я поужинал с ним и получившими Почетный орден конгресса. Позже мне предложили полную стипендию в Уэст Пойнте.

Я не отказался от стипендии сразу, но дал им понять, что военная карьера не была тем, где я видел себя. В каком бы восторге я ни был от того, что мне предложили такую стипендию, меня это не особо прельщало. Это обязывало бы меня после выпуска провести четыре года на военной службе и не дало бы шанса поступить в высшую медицинскую школу. Я твердо знал, к чему стремиться, – я хотел быть врачом, и ничто не могло заставить меня передумать и не встало бы на моем пути.

Конечно же, предложение полной стипендии мне польстило. Я начинал верить в свои силы – все, как говорила мне мама на протяжении последних десяти лет. Я начал верить, что был одним из наиболее интеллектуально развитых и умных людей в мире. В конце концов, я ведь сделал головокружительную карьеру в СПОРе и стал лучшим в классе по учебе. Мне писали из престижных колледжей и присылали своих представителей, чтобы уговорить поступить к ним.

Встречи с представителями таких вузов, как Гарвард и Йель, давали мне возможность чувствовать себя

особенным и значимым, ведь они хотели, чтобы я поступил к ним. Мало кому из нас выпадает возможность почувствовать себя особенным и значимым. Я не знал, как справиться с этим вниманием. Представители вузов осаждали меня, потому что я достиг больших успехов в учебе и сдал экзамен на выявление академических способностей очень хорошо – это неслыханно для ученика из детройтского гетто.

Порой я смеюсь, когда думаю о том, какой секрет помог мне набрать такой высокий балл на экзамене. Когда мама разрешала нам смотреть только две или три телевизионных передачи и настаивала на том, чтобы мы читали две книги в неделю, я так и делал. Одной из передач – моей любимой – был «Кубок колледжей», спонсируемый «Дженерал Электрик». В этой передаче-викторине студенты разных колледжей страны соревновались друг с другом. Ведущий задавал фактологические вопросы и проверял их знания.

Всю неделю я ждал воскресного вечера. Втайне я надеялся стать участником этой передачи. Я знал, что обладал знаниями по разным предметам, чтобы получить такой шанс, поэтому расширил круг своих читательских интересов. В огромной степени мне помогло то, что я получил «в наследство» должность Кертиса в научной лаборатории, после того как он окончил школу, поскольку учителя увидели мое желание знать больше. Они занимались со мной дополнительно и предлагали книги или статьи для прочтения. Хотя я хорошо справлялся с большинством академических предметов, я понял, что многого не знал о гуманитарных науках.

После уроков я начал ходить в центр города в Детройтский институт искусств. Я ходил по залам с экспозициями до тех пор, пока не выучил все картины в основных галереях. Я взял библиотечные книги о разных художниках и действительно проникся всем тем материалом.

В скором времени я мог узнавать картины мастеров, указывать их названия, называть имена художников и стили. Я узнал всевозможную информацию, например, где эти художники жили и где получили образование. Вскоре я мог в считанные секунды узнавать картины или художников, когда на «Кубке колледжей» были вопросы об искусстве.

Следующим, что я должен был изучить, чтобы принять участие в передаче, была классическая музыка. Когда я взялся за тот этап, на меня странно смотрели прохожие. К примеру, я подстригал газон, а рядом стоял приемник, из которого звучала классическая музыка. Это считалось странным поведением для чернокожего парня из Мотауна. Все остальные слушали джазовые импровизации или бибоп (джазовый стиль, сложившийся в начале – середине 40-х годов XX века и характеризующийся быстрым темпом и сложными импровизациями, основанными на обыгрывании гармонии, а не мелодии – прим. редактора).

По правде говоря, мне не очень нравилась классика. Но здесь Кертис снова сыграл в моей жизни решающую роль. К тому времени он уже служил в военно-морском флоте и однажды, приехав домой на побывку, привез несколько записей. Одной из них была Симфония №8 «Неоконченная» Шуберта. Он без конца слушал эту запись.

– Кертис, – спросил я, – почему ты слушаешь такое? Оно звучит нелепо.

– Мне нравится, – ответил он.

Кертис попытался немного рассказать об этой музыке, но в тот момент я был не особо готов его слушать. Тем не менее он проигрывал запись так часто на протяжении тех двух недель, что я поймал себя на том, что напеваю мелодию. Тогда я осознал, что на самом деле начинаю наслаждаться классической музыкой!

Классика не была для меня такой уж чуждой. Я брал уроки игры на кларнете с седьмого класса, поскольку на

нем играл мой брат, и это означало, что мама могла взять в аренду всего один инструмент – сначала для Кертиса, а потом им бы уже пользовался я. Позднее я переключился на корнет, а в девятом классе перешел на баритон.

Кертис помог мне оценить Шуберта, и тогда я купил пластинку в подарок своей маме. На самом деле я купил ее себе. На пластинке было много увертюр из опер Россини, включая известную увертюру к опере «Вильгельм Телль».

Следующим моим шагом стало прослушивание немецких и итальянских арий. Я читал книги об операх и понимал либретто. Тогда я уже говорил: «Это великолепная музыка». Я больше не заставлял себя изучать классическую музыку только потому, что хотел попасть на «Кубок колледжей». Я увлекся.

К моменту поступления в колледж я мог послушать любой музыкальный отрывок – от классики до поп-музыки – и знал, кто ее написал. У меня хороший слух на распознавание музыкальных стилей, и я его развивал.

Во времена учебы в колледже я каждый вечер слушал передачу под названием «Топ-100». В ней проигрывали только классическую музыку. Я слушал каждый вечер и в скором времени знал всю сотню. Затем я решил отойти от исключительно классики и поставил себе за цель слушать и изучать более широкий спектр музыки.

Я сделал все, что мог, чтобы подготовиться к отбору на «Кубок колледжей». К сожалению, я так и не попал на эту передачу.

ВЫБОР КОЛЛЕДЖА

Я уставился на десятидолларовую купюру, лежавшую на столе передо мной, зная, что должен сделать выбор. А так как шанс у меня был только один, я должен был принять верное решение.

Я долго рассматривал этот вопрос с разных сторон. Я молился, чтобы Бог помог мне, но все равно все шло к тому, чтобы принять единственное решение.

В 1968 году я попал в забавную ситуацию, когда большинство лучших колледжей страны присылали мне предложения и приглашения. Однако в каждый колледж необходимо было вместе с заявкой на поступление выслать не подлежащий возврату вступительный взнос в размере десяти долларов. У меня было ровно десять долларов, поэтому я мог поступить только в один вуз.

Оглядываясь назад, я понимаю, что мог бы одолжить деньги, чтобы разослать несколько заявок. Возможно, если бы я поговорил с представителями вузов, они могли бы отсрочить оплату. Однако мама так долго внушала мне понятие самодостаточности, что я не хотел начинать с задолженности учебному заведению, в которое меня примут.

В то время Мичиганский университет – престижный вуз, который всегда был в десятке лучших по академическим и спортивным показателям, – активно набирал чернокожих студентов. Этот вуз позволял абитуриентам

из Мичигана, которые не могли заплатить сразу, отложить оплату. Однако я хотел поступить в колледж подальше.

Я всматривался в свое будущее, зная, что мог бы поступить в один из лучших вузов, но не знал, что делать. Я был третьим по успеваемости в классе, прекрасно написал экзамен на выявление академических способностей, и большинство лучших колледжей старались набрать чернокожих абитуриентов. После колледжа, со специализацией по медицине и дополнительными занятиями по психологии, я был бы готов к учебе в медицинском вузе и настоящему пути к становлению врачом.

Меня долгое время беспокоило то, что я оказался третьим по успеваемости в старшей школе. Наверное, это плохая черта характера, но я не могу ничего с этим поделать. Не то чтобы я хотел быть первым во всем, но я должен был быть первым. Если бы желание быть принятым в обществе так не сбило меня с пути, я был бы во главе класса. Думая о колледже, я решил, что такого больше не произойдет. Отныне я буду самым лучшим студентом, насколько это возможно.

Прошло несколько недель в раздумьях над тем, в какой колледж отправить заявку, и к концу весны я сузил выбор к Гарварду и Йелю. Каждый из них был прекрасным вариантом, что осложняло выбор. Как ни странно, окончательное решение я принял благодаря телевизионной передаче. Я смотрел «Кубок колледжей» одним воскресным вечером, и студенты Йеля разбили в пух и прах студентов Гарварда с фантастическим счетом, кажется, 510 к 35. Игра помогла мне определиться – я хотел учиться в Йеле.

Не прошло и месяца, а я не только получил уведомление о зачислении в Йельский университет осенью 1969 года, но они также предложили мне стипендию в размере 90 %.

Думаю, я должен был быть в восторге от этих новостей. Я был счастлив, но не удивлен. На самом деле я воспринял это спокойно и, возможно, даже немного высо-

комерно, напоминая себе, что я уже достиг практически всего, что наметил себе, – высокой успеваемости, наивысших баллов по тесту на проверку академических способностей, всевозможных школьных успехов наряду с длинным списком достижений в программе СПОР.

Жилые помещения кампуса соответствовали студентам моего статуса. Студенческое общежитие было роскошным, с апартаментами вместо комнат. В них была общая комната с камином и встроенными книжными полками, из которой можно было пройти в спальни. В каждом таком блоке жили два или четыре студента. Я занимал помещение один.

Гордо ступив на территорию учебного заведения, я осмотрел высокие строения в готическом стиле и оценил увитые плющом стены. Я решил, что возьму это место штурмом. А почему бы и нет? Я был чрезвычайно умен.

Прожив в кампусе меньше недели, я вдруг понял, что не такой уж и способный. Все студенты были умными, многие из них оказались невероятно одаренными и проницательными. Йель стал для меня отличной школой смирения, поскольку я теперь учился, работал и жил с десятками достигших высоких результатов студентов, и на их фоне я ничем не выделялся.

Однажды я сидел в столовой с несколькими одногруппниками, и они разговаривали о своих результатах выпускного экзамена. Один из них сказал:

- Я набрал по тесту чуть больше 1500 баллов.
- Не так уж плохо, – ободрил его другой. – Не слишком хорошо, но и не плохо.
- А ты сколько получил? – спросил его первый студент.
- Ох, то ли 1540, то ли 1550. Не помню точно, сколько по математике.

Им казалось совершенно естественным набрать почти 100 %. Я молчал, осознавая, что получил меньше, чем каждый из сидящих вокруг меня студентов. Я впервые осознал, что был не таким уж смысленным, как думал, и

этот случай немного пошатнул мою самоуверенность. В то же время этот инцидент меня не слишком задел. Будет достаточно просто показать им, на что я способен. Я сделаю то же, что и в школе, – с головой окунусь в учебу, буду стараться изо всех сил. Тогда мои оценки помогут мне оказаться в группе лидеров.

Но я быстро понял, что учеба в Йеле была сложнее, чем в Юго-Западной старшей школе. Профессора ожидали, что мы сделаем домашнее задание до того, как придем на занятие, а затем использовали эту информацию как основу лекции. Такой подход был мне незнаком. В старших классах я «выезжал» из семестра в семестр на том, что учил только то, что хотел, а потом, будучи хорошим «зубрилой», проводил несколько последних дней перед экзаменом, занимаясь до изнеможения. Это срабатывало в Юго-Западной школе. Было большим шоком осознать, что так не получится в Йеле.

С каждым днем я все сильнее «съезжал» в классной работе, особенно по химии. Почему я не прикладывал усилия, чтобы не отставать, не знаю. Я мог бы привести десятки оправданий, но это было неважно. Что было важно, так это то, что я не понимал вообще, что происходит на занятиях по химии.

Я зашел в тупик в конце первого семестра, когда начались экзамены. За день до экзамена я бродил по кампусу, напуганный до смерти. Я больше не мог этого отрицать. Я не сдам экзамен по химии за первый курс, и это будет ужасно. Под ногами шуршали золотые листья, укрывавшие ковром широкие дорожки. Солнечный свет танцевал на покрытых плющом стенах, отбрасывая причудливые тени. Красота того осеннего дня словно насмехалась надо мной. Я все испортил. У меня не было ни малейшей надежды сдать химию, ведь я отстал от программы. Когда я осознал, что провала не избежать, тот смысленный мальчик из Детройта внутри меня ясно увидел ужасную перспективу – если я не сдам химию, то не смогу остаться на медицинском курсе.

Меня поглотило отчаяние, и в памяти начали всплывать воспоминания пятого класса. «Сколько ты получил, Карсон?»; «Эй, тупица, сегодня ты хоть что-то решил?». Прошли годы, а я все еще слышал насмешливые голоса в своей голове.

«Что я вообще делаю в Йеле?» Это был закономерный вопрос, и я не мог отогнать эту мысль от себя. «Что я о себе возомнил? Просто тупой чернокожий мальчишка из бедного квартала Детройта, который не имеет морального права окончить Йель со всеми этими грамотными и финансово обеспеченными студентами». Я толкнул ногой камешек, и он улетел в бурю траву. «Прекрати это, – сказал я себе. – Ты сделаешь только хуже». Я вернулся воспоминаниями к тем учителям, которые говорили мне: «Бенджамин, ты смысленный. Ты далеко пойдешь».

Блуждая в одиночестве, погруженный в мрачные мысли, я буквально слышал, как мама утверждала: «Бенни, ты можешь! Сынок, ты сможешь все, что захочешь, и ты можешь сделать это лучше, чем кто-либо. Я в тебя верю».

Я развернулся и пошел между высокими зданиями в классическом стиле. Мне нужно было заниматься. «Прекрати думать о провале, – сказал я себе. – Ты все еще можешь справиться. Возможно». Я посмотрел на падающие листья на фоне розового осеннего заката. Глубоко внутри я продолжал сомневаться.

Наконец я обратился к Богу. «Мне нужна помощь, – помолился я. – Быть врачом – это то, что я всегда хотел, а теперь, похоже, не смогу. Господи, мне всегда казалось, что Ты хотел, чтобы я стал врачом. Я усердно трудился и направлял свою жизнь по этому пути, предполагая, что этим я буду заниматься дальше. Но если я провалю химию, мне придется искать другую профессию. Пожалуйста, помоги мне понять, что я должен сделать».

Вернувшись в комнату, я опустился на кровать. Стемнело рано, и в комнате было темно. Сюда долетали вечерние зву-

ки кампуса – проезжающие машины, голоса студентов в парке под окном, порывы ветра, шумевшего в кронах деревьев. Тихие звуки. Я, высокий худой паренек, сидел, подперев голову руками. Я оплошал. Я наконец столкнулся с вызовом, который не смог принять. Просто было слишком поздно.

Встав, я включил настольную лампу. «Хорошо, – сказал я себе, меряя комнату шагами, – я не сдам химию, а значит, не стану врачом. Тогда что мне остается?»

Сколько бы я ни рассматривал другие варианты, я не мог представить ничего в целом мире, чего бы я хотел так же сильно, как быть врачом. Я вспомнил предложенную мне стипендию в Уэст-Пойнт. Карьера учителя? Бизнес? Ни одна из этих сфер не интересовала меня по-настоящему.

Мысленно я обратился к Богу, отчаянно умоляя, цепляясь за Него. «Либо помоги мне понять, какую работу я должен делать, либо же соверши чудо и помоги мне сдать этот экзамен».

В тот же момент я ощутил мир. Я не получил ответа. Бог не пробился сквозь мрак моей депрессии и не высветил передо мной картинку будущего. Тем не менее я знал: что бы ни случилось, все будет хорошо.

Проблеск надежды – крохотный – появился в моей, казалось бы, неразрешимой ситуации. Хотя я и был в числе худших студентов группы в первую неделю учебы в Йеле, у профессора было одно правило, которое могло меня спасти. Если студент с низкой успеваемостью хорошо сдавал последний экзамен, преподаватель закрывал глаза на большую часть семестровой работы и позволял хорошей оценке за экзамен влиять на окончательный балл. Это была моя единственная возможность сдать химию.

Было уже почти десять вечера, и я устал. Я покачал головой, зная, что умудриться совершить чудо до завтрашнего утра я не смогу.

«Бен, ты должен постараться, – сказал я вслух, – ты должен сделать все, что можешь».

Последующие два часа я сидел и сосредоточенно читал толстый учебник по химии, заучивал формулы и уравнения, которые, как я считал, могли бы помочь. Что бы ни случилось на экзамене, я пойду на него с твердым намерением сделать все, что смогу. Помирать, так с музыкой.

Пока я писал формулы на бумаге, заставляя себя запомнить то, что для меня не имело смысла, глубоко внутри я знал, почему не справляюсь. Курс не был таким уж сложным. Все было намного проще. Несмотря на мою впечатляюще высокую успеваемость в школе, я на самом деле не научился учиться. В старших классах я все время полагался на старый добрый метод – тратить время зря на протяжении семестра, а потом зубрить перед выпускными экзаменами.

Полночь. Слова на страницах расплывались, а мой мозг отказывался принимать информацию. Я плюхнулся на кровать и прошептал в темноте: «Боже, мне жаль. Прости меня за то, что подвел Тебя и себя». Затем я уснул.

Я видел странный сон, и когда проснулся утром, все казалось таким настоящим, словно произошло на самом деле. Во сне я сидел в лектории по химии – один. Двери открылись, и в комнату вошла туманная фигура, остановилась у доски и начала решать задачи по химии. Я переписывал все, что она писала.

Проснувшись, я вспомнил большинство заданий и быстро записал их, пока они не выветрились из памяти. Несколько ответов я забыл, но, помня задачи, я нашел их в учебнике. Я немного разбирался в психологии и предположил, что пытался решить непроработанные задачи во сне.

Я оделся, позавтракал и пошел на экзамен по химии, чувствуя себя обреченным. Я не был уверен, что выучил достаточно, чтобы сдать, но от интенсивной зубрежки и отчаяния мне стало безразлично. Лекторий был огромным, в нем могло разместиться около 1000 студентов. Сверху донизу тянулись ряды деревянных откидных стульев. В передней части аудитории были размещены классные до-

ски. В аудитории был большой стол с рабочей поверхностью и раковиной для демонстраций химических опытов. Мои шаги гулко отдавались от деревянного пола.

Профессор вошел и без лишних слов начал раздавать буклеты с экзаменационными вопросами. Я наблюдал за ним. Профессору понадобилось некоторое время, чтобы раздать их 600 студентам. Пока я ждал, то заметил, как солнце пробивалось сквозь маленькие стеклышки арочных окон вдоль стены. Это было слишком чудесное утро, чтобы провалить экзамен.

Наконец, с сильно бьющимся сердцем, я открыл буклет и прочел первую задачу. В тот же миг я почти услышал нестройную мелодию заставки телепередачи «Сумеречная зона». Я почувствовал, что попал в Нетландию. Я быстро пролистал буклет, тихо смеясь и убеждаясь в том, что мне не почудилось. Экзаменационные задачи были теми же, что писала туманная фигура в моем сне.

Я знал ответы на каждый вопрос на первой странице. «Проще простого», – пробормотал я, быстро записывая решения карандашом. Закончив с первой страницей, я перевернул ее, и снова первая задача была той, что я видел на доске во сне. Я едва мог в это поверить.

Я пытался осмыслить происходящее. Меня так взволновало то, что я знаю правильные ответы, что я работал быстро, боясь, что забуду что-то. Ближе к концу теста я уже слабо припоминал сон и решил не все задачи, но этого было достаточно. Я знал, что сдам экзамен.

«Боже, Ты совершил чудо, – сказал я Ему, выходя из класса, – и я обещаю Тебе, что я больше не поставлю Тебя в такие обстоятельства снова».

Я гулял по территории университета около часа, крылатый, желая побыть в одиночестве, чтобы осмыслить произошедшее. У меня никогда не было таких снов. Ни у кого из моих знакомых – тоже. Этот опыт противоречил всему, что я читал о снах в психологических исследованиях.

Единственный ответ поражал своей простотой. По какой-то причине Бог Вселенной, Бог, Который держит в Своих руках галактики, счел необходимым сойти в комнату общежития на планете Земля и послать сон обескураженному пареньку из гетто, который хотел стать врачом.

У меня перехватило дыхание от осознания произошедшего. Я чувствовал себя маленьким и неприметным. Наконец я рассмеялся вслух, вспоминая, что в Библии описаны такие случаи, когда Бог давал особые ответы и наставления Своему народу. Господь сделал это для меня в двадцатом веке. Несмотря на мой провал, Бог простил меня и решил совершить нечто чудесное для меня.

«Очевидно, Ты хочешь видеть меня врачом, – сказал я Богу. – Я сделаю все, что в моих силах, чтобы стать им. Я научусь учиться. Я обещаю Тебе, что больше так с Тобой не поступлю».

За четыре года в Йеле я немного съезжал по учебе, но никогда – до такой степени, чтобы быть совсем не готовым. Я научился учиться, больше не сосредоточиваясь только лишь на поверхностном материале и том, что профессора, вероятно, спросят на экзаменах. Я стремился охватить все в деталях. На химии, к примеру, я не хотел только знать ответы, но стремился понимать формулы. Я начал применять этот принцип ко всем своим занятиям.

После этого опыта у меня не осталось сомнений в том, что я хочу быть практикующим врачом. Также у меня было ощущение, что Бог хочет, чтобы я был не только практикующим врачом, но у Него для меня было нечто особенное. Я не уверен, что люди всегда правильно понимают, когда я это говорю, но у меня была внутренняя уверенность, что я на верном пути в своей жизни – пути, который Бог избрал для меня. В моей жизни должны были произойти великие события, и мне, со своей стороны, следовало подготовиться к ним.

Результаты экзамена по химии показали, что Бенджамин С. Карсон набрал 97 баллов наряду с лучшими студентами группы.

МЕНЯЯ ПРАВИЛА

В студенческие годы я каждое лето подрабатывал в нескольких местах; работать я начал еще в школьной лаборатории. Летом между одиннадцатым и двенадцатым классами я работал в одной из биологических лабораторий Университета Уэйна.

После окончания школы, перед поступлением в Йель, мне нужна была работа. Необходимо было купить одежду для колледжа, книги, также нужны были деньги на перевозку вещей и много других расходов.

Альма Уиттли, одна из наших школьных методистов, знала о моем затруднительном положении и относилась к этому с пониманием. Однажды я рассказал ей свою историю, и она выслушала с явным участием.

– У меня есть некоторые связи в «Форд Мотор Компани», – сказала она и тут же позвонила в их центральный офис, пока я сидел в ее кабинете. Как сейчас помню, как она говорила:

– Слушайте, у нас здесь есть молодой человек по имени Бен Карсон. Он очень смысленный и уже получил стипендию в Йеле на сентябрь. Сейчас мальчику нужна работа, чтобы накопить денег на осень, – она остановилась, чтобы выслушать ответ, и я услышал, как она добавила: – Вы должны дать ему работу.⁶

⁶ Летом 1988 года миссис Уитли послала мне коротенькое письмо, в котором спрашивала: «Интересно, помните ли вы меня?». Меня это тронуло и пора-

Глава 9. Меняя правила

Человек на другом конце провода согласился.

На следующий день после последнего урока в старшей школе мое имя появилось в списке сотрудников автомобилестроительной компании «Форд» в главном административном здании в Дирборне. Я работал в отделе расчета заработной платы, эта работа считалась престижной или, как называла ее моя мама, солидной, поскольку меня обязали ежедневно носить белую рубашку и галстук.

Та работа преподавала мне важный урок относительно трудоустройства. Влияние могло открыть для меня двери, но настоящим показателем моей работоспособности были продуктивность и качество. Просто знать много информации было хотя и полезно, но недостаточно. Этот принцип действует так: решающую роль играет не то, что ты знаешь, но какого рода работу ты выполняешь.

Тем летом я усердно трудился, как и на каждой работе, даже на временной. Я решил, что буду лучшим работником, которого они когда-либо нанимали.

Окончив первый год обучения в Йеле, я получил чудесную летнюю работу: место бригадира команды уборщиков магистралей – людей, убравших мусор вдоль шоссе. Правительство штата открыло рабочие места в основном для студентов из бедных кварталов. Бригада шла вдоль межштатной автострады недалеко от Детройта и по западным окраинам, подбирая и складывая в мешки мусор, стараясь поддерживать обочины в ухоженном виде.

Большинство бригадиров с большим трудом справлялись с дисциплиной работников, а у детей из гетто находились сотни причин, чтобы уклониться от работы. «Сегодня слишком жарко работать», – говорил один. «Просто я очень устал вчера», – говорил другой. «Почему мы

довало. Конечно же, я помнил ее, как помнил бы любого, кто помог мне. Мисс Уитли писала, что видела меня по телевизору и читала статьи обо мне. Она уже вышла на пенсию, живет на юге и хотела послать мне свои поздравления.

Мне было очень приятно, что она помнила меня.

должны это делать? Завтра люди снова все замусорят. Кто узнает, убирали мы или нет?» «Почему мы здесь должны надрываться? Нам не настолько много за это платят».

Другие бригадиры, как я узнал, решили: если каждый из пяти-шести молодых человек в команде насобирает два пластиковых мешка мусора, это уже будет успехом.

Эти ребята могли сделать это всего за час, и я это знал. Может, я слишком упорный в работе, но мне казалось пустой тратой времени позволять своей команде лениво ползать, собирая всего 12 мешков мусора в день. С самого начала моя команда собирала от 100 до 200 мешков в день, и мы очищали невероятно большие отрезки магистрали.

Объем проделанной моей командой работы ошеломил начальство в Департаменте общественных работ.

– Как твои парни умудряются столько сделать? – спрашивали они. – Ни одна из других бригад столько не делает.

– О, у меня есть свои маленькие секреты, – говорил я и переводил разговор в шутку.

Если бы я сказал лишнего, то кто-то мог вмешаться и заставить меня изменить свои правила.

Я пользовался простым методом, но не следовал установленному порядку, а делюсь этой историей потому, что думаю, она иллюстрирует еще один мой жизненный принцип. Как пелось в одной популярной несколько лет назад песне: «Я сделал это по-своему». Однако не потому, что я против правил, – было бы сумасшествием делать операцию, не подчиняясь определенным правилам, – но порой нормы мешают и их нужно нарушить или проигнорировать.

К примеру, на четвертый день работы я сказал своим ребятам:

– Сегодня очень жарко...

– Не то слово! – сказал один из них, и все тут же горячо поддакнули.

– Поэтому, – сказал я, – у меня есть предложение. Во-первых, начиная с завтрашнего дня, мы будем работать с шести утра, пока прохладно...

– Как можно вставать в такую рань?! Да никто во всем мире не встает в такую рань... – прервали мою речь.

– Просто выслушайте до конца весь мой план, – сказал я. Наши команды должны были работать с 7:30 до 16:30 с часовым обеденным перерывом. – Если вы, парни, – и это должны быть все шестеро из вас, – будете готовы начать работу и мы сможем выйти на дорогу в шесть, потом вы быстро поработаете, наберете 150 мешков и будете свободны до конца дня.

Прежде чем меня начали засыпать вопросами, я объяснил, что имел в виду.

– Понимаете, если вы сможете собрать столько мусора за два часа, я заберу вас, и тогда вы будете отдыхать остаток дня. Вы все равно получите плату за полный день. Но вы должны принести 150 мешков, сколько бы времени на это ни потребовалось.

Мы обсудили эту идею, и они поняли, чего я хотел. Потребовалось несколько дней, чтобы они начали собирать 100 мешков, а после обеда становилось жарко и работать было нелегко. Однако ребятам нравилось подтрунивать над другими бригадами, рассказывая, сколько они сделали, и они были готовы к новому испытанию. Эти дети учились гордиться своей работой, какой бы низкой они ее ни считали.

Парни согласились на мои условия. На следующее утро все шестеро были готовы выходить в шесть утра. А как они работали – усердно и быстро! Они научились вычищать весь отрезок шоссе за два-три часа – такой же объем работы они раньше растягивали на весь день.

– Хорошо, ребята, – говорил я, как только заканчивал считать мешки, – остаток дня мы отдыхаем.

Парням это нравилось, и они работали с веселым задором. Любимым моментом для них было, когда мы вы-

саживались в Департаменте транспорта в 9:00, а другие только выезжали.

– Вы, народ, сегодня на работу едете? – кричал один из моих ребят.

– Слышишь, парень, а мусора-то не осталось, – говорил другой. – Супермен и его бравые ребята все собрали.

– Смотрите там – не обгорите на солнце! – кричали они отъезжающему грузовику.

Безусловно, кураторы знали, что я делал, поскольку они видели, как мы возвращаемся, и, наверное, докладывали о наших ранних уходах с работы. Нам ничего не говорили. Если бы появились претензии, мне было бы достаточно предъявить доказательства нашей работы.

Мы не должны были так работать, поскольку правилами были предусмотрены определенные рабочие часы. Тем не менее ни один куратор никогда не высказывался по поводу того, что я делал со своей бригадой. Я думаю, они молчали потому, что мы делали свою работу и делали ее быстрее и лучше всех остальных бригад.

Некоторые люди рождены для работы, а некоторых подталкивают к ней мамы. Но делать то, что нужно и как можно быстрее, было моей стратегией во всем, включая медицину. Нам необязательно играть по строгим правилам, когда можно найти способ, который сработает лучше, конечно, если он разумный и никому не навредит. Кто-то однажды сказал мне, что креативность – это просто понимание, как делать что-либо иначе. Поэтому, возможно, моя стратегия работы тоже была креативной.

Следующим летом, после второго курса, я вернулся в Детройт, чтобы снова работать бригадиром со своей дорожной командой. В конце предыдущего года Карл Сеуферт, глава Департамента транспорта, рассчитал меня со словами: «Возвращайся следующим летом. Мы найдем тебе место».

Однако летом 1971 года экономика резко упала, особенно это затронуло финансовый капитал автомобиль-

ной промышленности. Руководящие должности было невероятно сложно занять, поскольку они хорошо оплачивались. Большинство студентов получило такую работу благодаря личным и политическим связям. Они нанимались на работу на много месяцев раньше, пока я еще был в Нью-Хейвене.

Поскольку Карл Сеуферт пообещал мне работу, я не позаботился о том, чтобы подтвердить это во время рождественских каникул. Когда я подал заявку в конце мая, начальник отдела кадров сказала: «Простите, но интересующие вас должности заняты». Она объяснила ситуацию тем, что на маленькое количество рабочих мест было много заявок, но я уже знал это.

Я не винил эту женщину и знал, что спор с ней ни к чему не приведет. Мне следовало подать заявку раньше, как другие. Но я логически рассудил, что довольно легко найду новую работу, поскольку работал каждое лето.

Я ошибался. Как и сотни других студентов, я обнаружил, что нигде не было работы. Я днями оббивал пороги. Каждое утро я садился в автобус, ехал в центр и просился в каждое торгово-промышленное предприятие, встречавшееся на пути.

«Простите, работы нет», – такой ответ в разных вариациях я слышал сотни раз. Порой в голосе, который это говорил, было искреннее сочувствие. В других местах я чувствовал, что я уже восьмимысячный посетитель и человек устал повторять одно и то же и просто хотел, чтобы мы все ушли.

Из бездны этого депрессивного поиска работы меня вывел к свету Уорд Рэнделл-младший.

Уорд, белый адвокат из Детройта, окончил Йель на двадцать лет раньше меня. Мы познакомились на встрече выпускников, когда я был еще студентом. Он проникся ко мне симпатией, поскольку мы оба разделяли неподдельный интерес к классической музыке. Все лето 1971 года, когда я искал работу в центре Детройта, мы

часто встречались за обедом, а затем шли на полуденные концерты. Большинство из них были органными концертами в одной из церквей в центре города.

Кроме того, Уорд неоднократно приглашал меня пойти с его семьей на различные концерты и симфонии и открыл для меня многие культурные места в Детройте, которые я бы не смог посетить из-за нехватки денег. Уорд был действительно хорошим человеком, настоящей поддержкой для меня, и я ценю его по сей день.

После блужданий по всему городу я наконец решил, *что придумаю свои правила. Я перепробовал все традиционные способы поиска работы и ничего не нашел. Ничего. Совсем ничего.*

Тогда я вспомнил, как проходил региональное собеседование при поступлении в Йель, и человека, который его проводил, – приятного мужчину по имени мистер Стандарт. Он был вице-президентом рекламного агентства «Янг энд Рубикам», одного из крупнейших национальных рекламных агентств.

Вначале я попробовал обратиться в отдел кадров его компании и получил знакомый ответ: «Простите, у нас нет временных рабочих мест».

Отбросив гордость и подбадривая себя, я зашел в лифт и поехал к кабинету начальника. Поскольку мистер Стандарт проводил со мной собеседование перед Йелем и дал мне хорошие рекомендации, я решил, что он должен быть обо мне хорошего мнения. Однако я не придумал, как пройти мимо его секретаря. Я помнил, что никто не попадал в его офис без предварительной договоренности. Тогда я решил: «А что мне терять?»

Когда секретарь мистера Стандарта посмотрела на меня, я сказал:

– Меня зовут Бен Карсон, я студент из Йеля и хотел бы увидеться с мистером Стандартом...

– Я узнаю, свободен ли он.

Она вошла в его кабинет, и через минуту мистер Стандарт вышел сам. Он улыбнулся, встретившись со мной взглядом, и протянул руку.

– Приятно, что ты пришел повидаться, – сказал он, – как твоя учеба в Йеле?

После обмена формальностями я сказал:

– Мистер Стандарт, мне нужна работа. У меня с этим большие проблемы. Я уже две недели хожу и ничего не могу найти.

– Правда? Пробовал ли ты обращаться в наш отдел кадров?

– Тоже нет работы, – сказал я.

– Сейчас мы посмотрим, что можно сделать.

Мистер Стандарт поднял трубку и нажал несколько кнопок, пока я осматривался в его громадном офисе. Он был в точности таким, как выглядели великолепные кабинеты начальников, которые я видел по телевизору.

Я не слышал имени человека, с которым он говорил, но слышал его последние слова:

– Я посылаю к вам человека. Его зовут Бен Карсон. Найдите ему работу.

Это был не жесткий приказ, но распоряжение от человека, обладающего полномочиями дать его.

Поблагодарив мистера Стандарта, я пошел в отдел кадров. На этот раз со мной говорил лично директор по персоналу.

– У нас нет вакансий, но мы можем предложить вам работу курьера.

– Что угодно. Мне просто нужна работа до конца лета.

Работа оказалась очень даже увлекательной, поскольку мне нужно было ездить по городу, доставляя и забирая письма и посылки.

Существовала только одна проблема. Эта работа оплачивалась недостаточно высоко, чтобы я мог накопить на учебу. Три недели спустя я сделал третий шаг. Я решил, что должен уволиться с работы и найти другую, более высокооплачиваемую. «В конце концов, – ска-

зал я, чтобы укрепиться в своем решении, – с мистером Стандартом ведь все получилось». Я пошел в Департамент транспорта и поговорил с Карлом Сеуфертом.

Приближался конец июня, и все рабочие места были заняты, поэтому было опрометчивым с моей стороны пытаться, но я все равно это сделал.

Я пошел прямо в офис мистера Сеуферта, и мы немного пообщались. Выслушав рассказ о моих летних приключениях, он сказал:

– Бен, для такого парня, как ты, всегда найдется работа.

Он был начальником всех дорожных бригад, как уборочных, так и ремонтных.

– Так как все бригадирские должности уже заняты, – сказал он, – мы создадим новую.

Он помолчал, размышляя несколько секунд, а затем сказал:

– Мы просто наберем еще одну бригаду и дадим ее тебе.

Так мистер Сеуферт и поступил. Творческий подход и немного отваги – и я вернулся на свою старую работу. Со своей бригадой из шести человек я применял ту же тактику, что и с предыдущей, и она работала так же эффективно, как и прошлым летом.

Я часто видел Карла Сеуферта, когда сдавал работу или же когда он приходил навестить нас на рабочем участке. Он всегда выделял время, чтобы поговорить со мной.

– Бен, – говорил он мне неоднократно, – ты хороший парень. Нам повезло, что ты с нами.

Однажды Сеуферт положил руку мне на плечо и сказал:

– Ты сам себе хозяин. Ты можешь достичь в жизни всего, чего ни пожелаешь.

Слушая его, я видел, что этот мужчина похож на мою мать, и мне было приятно общаться с ним.

– Бен, ты – талантливая личность и можешь все. Я верю, что ты совершишь великие дела. Я рад, что познакомился с тобой.

Я всегда помнил его слова.

Следующим летом, в 1972 году, я работал на конвейере в автомобилестроительной компании «Крайслер», на сборке крыльев. Каждый день я шел на работу и старался работать наилучшим образом. Многие с трудом поверят в это, но спустя всего три месяца я получил признание и повышение. К концу лета меня перевели на инспектирование решеток, которые устанавливались на задние стекла спортивных моделей. Мне также доводилось отгонять некоторые автомобили с конвейера к месту, где их парковали перед отправкой в автосалон. Мне нравились обязанности, которые я выполнял в компании «Крайслер», и каждый день там подтверждал то, во что я уже поверил.

Тем летом я также усвоил ценный урок, который никогда не забуду. Мама говорила мне мудрые слова, но, как и многие дети, я не особо им внимал. Теперь я по личному опыту знаю, насколько она была права: вид деятельности не имеет значения. Значение имеет опыт, и это относится и к летней работе. Если ты усердно трудишься и прилагаешь все усилия, тебя будут ценить и продвигать дальше.

Хотя и немного другими словами, мама дала мне такой совет: «Бенни, не имеет особого значения, какого цвета у тебя кожа. Если ты хорош, тебя оценят, потому что люди, даже если у них есть предубеждения, всегда будут хотеть лучшее. Тебе просто нужно сделать целью своей жизни желание стать лучшим во всем».

Я знал, что она была права.

В студенческие годы меня постоянно беспокоил недостаток денег. Но два случая во время учебы в Йеле напомнили мне, что Богу было не все равно и Он всегда позаботится о моих нуждах.

Первый случай произошел, когда на втором курсе у меня было очень мало денег. Наступил момент, когда у

меня их вообще не стало, – даже не хватало, чтобы доехать на автобусе до церкви. С какой стороны я ни рассматривал ситуацию, я не видел перспектив получить хоть какие-то финансы в ближайшие несколько недель.

В тот день я шел один по кампусу и сетовал на свою ситуацию, устав от того, что мне никогда не хватало денег на бытовые вещи, такие как зубная паста или марки. «Господи, – взмолился я, – пожалуйста, помоги мне. Хотя бы пошли мне денег на проезд автобусом до церкви».

Хоть я и бродил бесцельно, подняв глаза, я понял, что нахожусь возле часовни в старом кампусе. Подойдя к велосипедным стойкам, я посмотрел вниз. В трех шагах от меня на земле лежала смятая десятидолларовая купюра.

«Спасибо Тебе, Боже», – сказал я, поднимая ее и с трудом веря, что у меня в руках деньги.

В следующем году я снова оказался в такой же ситуации – за душой ни цента и никаких надежд получить хоть что-то. Естественно, я прошел через весь кампус к часовне, ища десятидолларовую купюру, и... ничего не нашел.

Недостаток средств, однако, был не единственной моей проблемой в тот день. За день до того мне сообщили, что экзаменационные работы по психологии «были непреднамеренно сожжены». Двумя днями ранее я сдал экзамен, но теперь мы с другими студентами должны были его переписывать.

Следовательно, мы, 150 студентов, пришли в указанную аудиторию для повторного экзамена.

Как только мы получили тесты, профессор вышла из аудитории. Не успел я прочесть первый вопрос, как услышал громкий вздох позади.

– Они издеваются? – громко прошептал кто-то.

Уставившись на вопросы, я тоже не мог поверить в это. Они были невероятно сложными, если не сказать невозможными. Каждый из них содержал тот материал, который мы должны были знать из курса, но вопросы были

настолько усложненными, что я подумал: даже великолепный психиатр с трудом бы справился с некоторыми из них.

– Да ну, – я услышал, как одна девушка сказала другой, – пойдем, доучим. Мы можем сказать, что не прочли объявление. А потом, когда его вывешат снова, мы будем готовы.

Ее подруга согласилась, и они тихо выскользнули из аудитории.

Трое студентов тоже сложили свои экзаменационные листы. Другие украдкой вышли. Спустя десять минут нас осталось около сотни. Вскоре ушла половина потока, и «великий исход» продолжался. Никто не сдавал работу перед уходом.

Я продолжал молча писать, все время думая: «*Неужели преподаватели считают, что мы это все должны знать?*». Остановившись, чтобы оглядеться, я насчитал еще семь студентов, продолжающих писать тест.

Спустя полчаса с начала экзамена я остался единственным студентом в аудитории. У меня было искушение уйти, как и остальные, но я прочел объявление и не мог соврать, сказав, что не видел его. Все время, что я писал ответы на вопросы, я молился, чтобы Бог помог мне понять, что писать. Я больше не обращал внимания на удаляющиеся шаги.

Внезапно дверь классной комнаты распахнулась, прерывая ход моих мыслей. Повернувшись, я встретился взглядом с профессором. В тот же момент я увидел, что больше никто не мучается над вопросами. Профессор подошла ко мне. С ней был фотограф газеты *Yale Daily News*, который остановился и сфотографировал меня.

– Что происходит? – спросил я.

– Розыгрыш, – ответила преподаватель, – мы хотели узнать, кто самый честный студент на потоке, – улыбнулась она. – И это ты.

Затем профессор сделала нечто лучшее. Она протянула мне десятидолларовую купюру.

СЕРЬЕЗНЫЙ ШАГ

— Меня всегда называли Кэнди, – сказала девушка, – но меня зовут Лацена Растин.
Я мгновенно замер, очарованный ее улыбкой.
– Приятно познакомиться, – ответил я.

Она была одной из группы первокурсников, с которыми я познакомился в тот день в загородном клубе Гросс-Пойнт. Большинство самых богатых мичиганских жителей обитают в Гросс-Пойнт, а туристы часто приезжают полюбоваться домами Фордов и Крайслеров. Йель устраивал прием для первокурсников, и я в числе других старшекурсников присутствовал там, чтобы поприветствовать студентов из Мичигана. Хорошие связи во многом помогли мне, когда я поступил в колледж, и я наслаждался тем, что знакомился и по возможности сам помогал новичкам.

Кэнди была красивой. Помню, как подумал: «Ого, какая красивая девушка!» От нее веяло задором, и мне это понравилось. Она оживленно общалась то с одним, то с другим, казалось, она – повсюду. Кэнди непринужденно смеялась и за те несколько минут, что мы пообщались, подняла мне настроение.

Девушка была почти на голову ниже меня и носила модную тогда пушистую прическу «афро». Но привлек меня в ней именно искрометный характер. Возможно, потому, что

Глава 10. Серьезный шаг

сам я более тихий и замкнутый, а она была такой общительной и дружелюбной, что это сразу меня восхитило.

Наши общие друзья из Йеля часто говорили: «Бен, ты должен начать встречаться с Кэнди». Позже я узнал, что они говорили и ей: «Кэнди, вы с Беном Карсоном должны встречаться. Вы просто созданы друг для друга».

Когда мы познакомились, я перешел на третий курс, но определенно не был готов к любви. У меня были проблемы с финансами, я целенаправленно шел к мечте стать врачом, мне предстояло еще долго учиться в интернатуре, так что влюбленность была последним, о чем я думал. Я слишком далеко зашел, чтобы отвлечься на любовь. К тому же был еще один останавливающий меня фактор. По характеру я довольно скромный, и у меня не было опыта отношений. Я проводил свободное время в небольших компаниях, ходил на свидания время от времени, но у меня никогда не было серьезных отношений, да я и не планировал.

Когда начались занятия, я иногда встречал Кэнди, так как мы учились на медицинском факультете.

– Привет, – окликал ее я, – как учеба?

– Супер, – отвечала она.

– Значит, понемногу привыкаешь? – спросил я ее в первый раз.

– Думаю, скоро буду получать одни пятерки.

Болтая с ней, я думал: «Эта девушка, должно быть, очень умная». Она такой и была.

Как же я удивился, когда узнал, что Кэнди играет на скрипке в Йельском симфоническом обществе Баха, – такая возможность предоставлялась не каждому, кто умел играть на инструменте. Эти ребята были музыкантами высшего класса. Проходили месяцы, и я узнавал все больше интригующей информации о Кэнди Растин. То, что она была музыкантом и разбиралась в классической музыке, давало нам общую тему для разговоров, когда мы время от времени прогуливались по кампусу.

И все же Кэнди была для меня просто знакомой студенткой, милым человеком, но никаких особенно теплых чувств я к ней не питал. А может, уйдя с головой в книги и нацелившись на медицинский университет, я не позволял себе задуматься над тем, что на самом деле чувствовал к смышленной и талантливой Кэнди Растин.

Приблизительно в то время, когда мы с ней начали общаться чаще и дольше, церкви в Нью-Хейвене, куда я ходил, был нужен органист.

Общаясь с Кэнди, я несколько раз упоминал о нашем регенте хора Обри Томпкинсе, потому что он играл важную роль в моей жизни. Когда я начал петь в хоре, Обри заезжал за мной по вечерам в пятницу и подвозил на репетицию. На втором курсе и мой сосед по комнате Ларри Харрис, который тоже был адвентистом, присоединился к хору. Часто Обри забирал нас с Ларри к себе домой субботними вечерами, и мы познакомились с его семьей. В другие дни он показывал нам достопримечательности Нью-Хейвена. Будучи большим ценителем оперы, Обри несколько раз приглашал меня съездить с ним в Метрополитен-опера в Нью-Йорк.

– Слушай, Кэнди, – сказал я как-то, – я вот о чем подумал: ты музыкант, а нашей церкви нужен органист. Что скажешь? Хотела бы ты этим заняться? Органисту платят, но я не знаю сколько.

Девушка даже не колебалась.

– Конечно, – ответила она, – я бы хотела попробовать.

Я на минуту задумался.

– Как думаешь, ты могла бы аккомпанировать? Обри дает нам некоторые сложные произведения.

– Я могу сыграть все что угодно, если порепетирую.

Тогда я рассказал Обри Томпкинсу о Кэнди.

– Фантастика! – ответил он. – Приводи ее на прослушивание.

Кэнди пришла на следующую репетицию хора и начала играть на большом электрическом органе. Играла она

хорошо, и я был счастлив уже просто от того, что видел ее здесь, но ее инструментом была все же скрипка. Она могла сыграть все что угодно, написанное для скрипки. И хотя Кэнди играла на органе на церемониях выпуска в своей школе, больше практики игры на этом инструменте у нее не было. Она не знала, что Обри Томпкинс любил неожиданно давать нам сложные произведения, в частности, Моцарта, и ей было нелегко играть их на органе.

Обри дал ей несколько минут, а затем он мягко сказал:

– Послушай, милая, почему бы тебе не петь в хоре?

Может, ей было обидно, но Кэнди была достаточно уверена в себе и спокойно отреагировала на это. Она виртуозно играла на скрипке, но не на органе.

– Хорошо, – ответила она. – Наверное, орган – это не мое.

Кэнди встала и прошла в хор. У нее был прекрасный альт, и я был рад, что она присоединилась к нам. Кэнди стала чудесным пополнением в нашем коллективе. Все полюбили ее с первого взгляда, а она любила петь с нами, и с того времени «Гора Сион» стала церковью Кэнди.

Она была не особо религиозной, нечасто говорила о духовных вопросах и не очень хорошо знала Библию, но она была открыта к познанию.

Когда Кэнди начала посещать нашу церковь, она записалась на библейские курсы, проходившие с осени до весны. Я ходил с ней один-два дня в неделю, сам узнавая довольно много о Библии и наслаждаясь ее компанией.

Размышляя о пути своего духовного становления, Кэнди говорит, что она всегда хотела познать Бога. Чем ее привлекла именно Адвентистская церковь?

– Люди, – говорит она. – Они полюбили меня, и я уверовала.

Ее семья считала странным, что Кэнди присоединилась к христианам, которые ходили в церковь в субботу. И тем не менее они не только приняли ее решение, но мать Кэнди сама стала активной адвентисткой.

Вскоре мы с Кэнди начали постоянно встречаться после занятий. Мы гуляли вместе по кампусу или же иногда ездили в Нью-Хейвен.

Кэнди начинала мне очень нравиться.

Накануне Дня благодарения 1972 года, когда я учился на последнем курсе, а Кэнди была на втором, приемная комиссия университета отправила нас агитировать выпускников из старших школ в округе Детройта. Нам предоставили финансы, поэтому я взял напрокат маленький «Пинто», а на оставшиеся деньги мы могли поехать в хороших ресторанах. Ехали только мы с Кэнди, и это было чудесно.

Мы проводили вместе много времени, и я постепенно начал понимать, что мне нравится Кэнди – больше, чем я думал, больше, чем мне когда-либо нравились девушки.

По заданию Йеля мы с Кэнди должны были проводить собеседования с учениками, которые набрали по экзамену на выявление академических способностей хотя бы 1200 баллов. Посетив все школы в гетто Детройта, мы не нашли ни одного такого ученика. Чтобы провести собеседования хоть с кем-то, нам с Кэнди пришлось поехать в более финансово благополучные районы, такие как Блумфилд Хиллз и Гросс-Пойнт. На собеседованиях мы нашли много будущих абитуриентов, желающих поступить в Йель, однако не набрали никого из национальных меньшинств.

Во время нашей поездки Кэнди познакомилась с моей мамой и несколькими моими друзьями. Из-за этого мы задержались в Детройте дольше, чем планировали. Мне нужно было вернуть «Пинто» в агентство к 8:00 следующим утром. Это означало, что нам нужно было немедленно выезжать из Детройта.

Погода была холодной. За день до этого выпал легкий снег и почти весь растаял. С отъезда из Йеля десятью днями ранее я ни одной ночи нормально не спал из-за нашей работы и желания провести время с друзьями.

– Я не знаю, смогу ли не заснуть, – сказал я Кэнди, зевая.

Большую часть пути мы должны были ехать между штатами, а это означало, что дорога будет однообразной.

Позже мы с Кэнди разошлись во мнениях относительно того, что она мне тогда ответила. По моему мнению, она сказала: «Не волнуйся, Бен, я помогу тебе не уснуть». Она и сама спала не больше меня. Кэнди же утверждает, что сказала: «Не волнуйся, Бен, ты не уснешь».

Мы выехали в Коннектикут. В то время ограничение скорости было около 100 км/час, но я выжимал приблизительно 140. Когда умираешь от желания поспать, что может быть скучнее, чем смотреть на бесконечные столбики разделительной полосы, мелькающие во тьме безлунной ночи?

Когда мы пересекли границу Огайо, Кэнди задремала, а разбудить ее у меня рука не поднималась. Хотя мы прекрасно провели время, эти дни вне стен колледжа были тяжелыми для нас обоих, и я решил: пусть она отдохнет несколько часов, а потом, выспавшись, сможет подменить меня, сев за руль.

Припоминаю, что где-то в час ночи я мчался по восьмидесятому шоссе, когда проехал знак, указывавший, что мы приближались к Янгстауну, штат Огайо. Я расслабленно держал руль, машина летела со скоростью около 140 километров в час. Включенный на минимальный режим, обогреватель поддерживал в салоне уютное тепло. Последний раз я разминулся с другим авто около получаса назад, а то и больше. Я был расслаблен, ведь все под контролем.

Тогда-то я и погрузился в сладкий сон.

Очнулся я от тряски, потому что машина задела металлические осветители разделительной полосы. Когда же передние колеса врезались в гравийную обочину, я в ужасе распахнул глаза. «Пинто» съехал с дороги, освещая светом фар глубокий овраг. Я отдернул ногу с педали газа, вцепился в руль и резко свернул влево.

За те несколько секунд, когда это случилось, у меня вся жизнь промелькнула перед глазами. Я слышал, как люди

рассказывали, что перед смертью в уме, как в замедленной съемке, прокручиваются события твоей жизни. *«Так вот оно, – подумал я, – я умираю»*. В моем сознании промелькнули события от раннего детства и до нынешнего момента. *«Вот и все. Это конец»*, – стучало в голове.

Мчась на такой скорости, машина должна была бы перевернуться, но случилось нечто странное. Из-за того, что я переусердствовал, крутя руль, машина начала неистово вращаться, как волчок. Я отпустил его, мысленно готовясь к смерти.

Внезапно «Пинто» остановился на трассе у обочины, причем в правильном направлении, а мотор продолжал работать. Плохо понимая, что делаю, я трясущимися руками медленно повернул руль и заехал на обочину. Спустил долю секунды мимо пронесся длинномер.

Я выключил зажигание и некоторое время сидел в тишине, пытаясь восстановить дыхание. Сердце сильно билось. *«Я жив! – повторял я. – Слава Господу! Поверить не могу, я жив. Спасибо тебе, Боже. Я знаю, что это Ты спас нам жизнь»*.

Кэнди, должно быть, очень устала, если проспала весь этот ужас. Тем не менее ее разбудил мой голос – она открыла глаза.

– Почему мы здесь остановились? Что-то с машиной?

– Ничего, – ответил я. – Поспи еще.

Наверное, я ответил резко, потому что она сказала:

– Не надо так, Бен. Прости, что я уснула, я не хотела...

Я глубоко вдохнул.

– Все хорошо, – сказал я и улыбнулся ей в темноте.

– Не может все быть хорошо, если мы не едем. Что случилось? Почему мы остановились?

Я наклонился вперед и включил зажигание.

– Просто небольшая передышка, – ответил я обыденным тоном, заводя мотор и выезжая на дорогу.

– Бен, пожалуйста...

Со смешанным чувством страха и облегчения я заехал далеко на обочину и заглушил двигатель.

– Ладно, – вздохнул я. – Я уснул...

Пока я это ей рассказывал, у меня все еще колотилось сердце и все мышцы были напряжены.

– Я думал, мы умрем, – подвел я итог.

Последнюю фразу я едва смог произнести вслух.

Кэнди наклонилась ко мне и накрыла мою ладонь своей.

– Господь сохранил нам жизнь. Значит, у Него есть планы относительно нас.

– Я знаю, – ответил я, будучи так же уверенным в этом, как и она.

Ни один из нас больше не спал до конца поездки. Все это время мы непринужденно разговаривали.

В какой-то момент Кэнди спросила:

– Бен, почему ты всегда так добр ко мне? Вот как сегодня. Я уснула, хотя мне следовало бы говорить с тобой и не давать тебе спать.

– Наверное, я просто хороший парень.

– Дело не только в этом, Бен.

– Я просто люблю быть добрым с йельскими второкурсниками.

– Бен, давай серьезно.

Горизонт окрасился первыми мазками розового. Я смотрел прямо перед собой, положив обе руки на руль. Когда Кэнди начала настаивать, в груди зашевелилось какое-то незнакомое чувство.

– Ну... – как же сложно было перестать отшучиваться, как сложно было сбросить маску и сказать настоящую причину. – Думаю, – сказал я, – это потому, что ты мне нравишься. Пожалуй, ты мне очень нравишься.

– И ты мне нравишься, Бен, больше, чем кто-либо, кого я встречала в жизни.

Я не ответил, но замедлил ход, съехал с дороги и остановился. В следующее мгновение я обнял Кэнди и поцеловал. Это был наш первый поцелуй. Почему-то я знал, что она ответит на него.

Мы были двумя наивными детьми, и ни один из нас толком не знал ничего о романтических отношениях. Но оба понимали: мы любим друг друга.

С того момента мы с Кэнди стали неразлучными, проводя каждую свободную минуту вместе. Как ни странно, развитие наших отношений не отвлекало меня от учебы. Теперь, когда Кэнди всегда была рядом, поддерживая, я еще больше хотел усердно трудиться.

Кэнди тоже не уклонялась от учебы. У нее было три специализации, и она уделяла достаточно времени и музыке, и психологии, и медицине. Со временем она перестала заниматься медициной, чтобы уделять больше времени музыке. Кэнди – одна из самых способных людей, кого я знаю, ей всегда хорошо дается все, чем бы она ни занималась.⁷

Многих студентов подготовительного медицинского курса волновал один вопрос: как потом поступить на медицинский факультет в университет. Система подготовки медработников в США предполагает четыре года базового высшего образования, а затем, если вас примут в медицинский вуз, еще четыре года интенсивного обучения.

Один из моих сокурсников несколько раз говорил:

– Если я не поступлю в медицинский, то зря потратил это время.

– Не знаю, пройду ли в Стэнфорд, – сказал другой после того, как отправил туда заявление на поступление, – или вообще хоть куда-то, – добавил он.

Третий назвал другой университет, но все они переживали об одном. Я редко участвовал в этой, как я называл, «массовой панике», однако такие разговоры случались часто, особенно на третьем курсе.

⁷ Я не удивился, когда после двух лет игры в Йельском симфоническом оркестре Кэнди взяли на европейскую премьеру оперы *Mass* талантливого Леонарда Бернштейна. Ей также посчастливилось встретиться с самим композитором в Вене.

Как-то раз во время очередной паники, в которой я не принимал участия, один из моих друзей повернулся ко мне и спросил:

– Карсон, неужели ты не переживаешь?

– Нет, – ответил я, – я поступлю на медицинский в Мичиганский университет.

– А почему ты так уверен?

– Все очень просто: университет принадлежит моему Отцу.

– Вы это слышали? – закричал он остальным. – Старик Карсона принадлежит Мичиганский университет.

Такое заявление впечатлило некоторых студентов, и это понятно, ведь они были из очень богатых семей. Их родители владели огромными отраслями промышленности. По правде сказать, я дразнил их, возможно, это было нечестно. Как христианин, я верю, что Бог – мой Отец Небесный – не только создал Вселенную, но и управляет ею. Следовательно, Бог владеет Мичиганским университетом и вообще всем.

Но им я не стал объяснять этого.

Я окончил Йель в 1973 году с вполне приличными баллами, хотя и далеко не в числе лучших студентов группы. Но я знал, что приложил все усилия и старался по максимуму, поэтому был доволен.

Я не сомневался в том, что меня примут на медицинский факультет Мичиганского университета в Энн-Арборе. Я подал туда документы, поскольку твердо верил в то, что Бог хочет, чтобы я стал врачом, и у меня не было и тени сомнения, что меня зачислят. Несколько моих друзей написали в десятки медицинских университетов, надеясь, что их примут хотя бы в один. Я подал документы только туда и еще в несколько вузов по определенным причинам. Во-первых, Мичиганский университет находился в моем родном штате, это означало, что затраты на учебу будут ниже в ближайшие четыре года. Во-вторых, Мичиганский университет имеет репутацию лучшего учебного заведения в стране.

Кроме него, я подал документы в Университет Джонса Хопкинса, на медицинский факультет Йеля, в Мичиганский государственный и Университет Уэйна. Я получил уведомление о зачислении в Мичиганский университет раньше всех, поэтому немедленно забрал документы из других. Когда я поступил в университет, Кэнди еще оставалось учиться в Йеле два года, но мы находили способы преодолевать границы времени и расстояния. Мы писали друг другу каждый день. И она, и я по сей день храним коробки с любовными письмами.

Мы созванивались, когда могли себе это позволить. Как-то раз я позвонил Кэнди в Йель – и не знаю, что с нами случилось, но мы не могли наговориться друг с другом. Наверное, нам обоим было очень одиноко. Возможно, тогда у нас обоих были трудности. А может быть, нам просто нужно было побыть вместе, поддерживать хоть какую-то связь, ведь наши жизни разошлись. Мы проговорили шесть часов подряд. Тогда мне было все равно. Я любил Кэнди, и каждая секунда разговора по телефону была ценной.

На следующий день я начал беспокоиться, как оплачу телефонный счет. В одном из писем я шутил, что мне придется выплачивать его на протяжении всей своей медицинской карьеры. Мне было интересно, что телефонная компания сделает с бедным студентом-медиком, у которого ума было еще меньше, чем денег.

Я с ужасом ждал того дня, когда наконец увижу счет. Как ни странно, шестичасовой звонок мне так и не засчитали. Я бы в любом случае не смог его оплатить – точно не всю сумму, – поэтому, признаюсь, я не уточнял причин. Обсуждая это позже с Кэнди, мы выдвинули теорию, что в телефонной компании посмотрели на счета, и кто-то из работников решил, что это ошибка, ведь никто не мог бы разговаривать настолько долго.

Лето между выпуском из колледжа и поступлением в университет застало меня за уже привычной охотой на ра-

боту. Как и раньше, я не мог найти ни одного рабочего места. На этот раз я начал обзванивать знакомых еще весной, за три месяца до выпуска. Однако Детройт был в разгаре экономической депрессии, и многие работодатели говорили: «Нанять вас? Сейчас мы только увольняем людей».

В то время моя мать присматривала за детьми семейства Сеннет – мистер Сеннет был президентом «Сеннет Стил». Выслушав мои грустные истории, мама рассказала своему работодателю обо мне.

– Ему нужна работа, – сказала она. – Могли бы вы как-то поспособствовать?

– Конечно, – ответил он, – я с радостью дам вашему сыну работу. Присылайте его ко мне.

Он меня нанял. Я был единственным сотрудником на летней работе в «Сеннет Стил». К моему удивлению, наш прораб научил меня управлять подъемным краном. Это была очень ответственная работа, поскольку необходимо было поднимать штабеля стали, которые весили по несколько тонн. Не знаю, понимал он или нет, но оператор должен был разбираться в физике, чтобы представлять в уме, что он делает, когда поворачивает и опускает стрелу за сталью. Огромные штабеля стали нужно было поднимать так, чтобы тросы не начали раскачиваться. Затем оператор поворачивал кран и переносил сталь на грузовики, стоявшие в очень узком месте.

Тогда-то я осознал, что обладаю необычным даром – я считаю его даром свыше – зрительно-моторной координацией. Я твердо верю, что именно Бог наделяет нас всеми дарами и способностями, и мы имеем преимущество развивать их, чтобы служить Ему и людям. Дар зрительно-моторной координации является ценным качеством для хирурга. Это не просто координация движений или хорошее зрение, человек с таким даром понимает физические соотношения и может мыслить трехмерно. Хорошие хирурги должны понимать, к чему приведет то

или иное действие, так как они часто не могут видеть, что происходит с другой стороны участка, над которым они работают.

У некоторых людей есть дар физической координации. Они становятся олимпийскими чемпионами. Другие люди умеют прекрасно петь. У некоторых хорошо развито языковое чутье или же есть склонность к математике. Я знаю людей, которые притягивают друзей, у них есть уникальная способность помогать людям чувствовать себя нужными, частью семьи.

По какой-то причине я могу «видеть» в трех измерениях. Для меня это несложно. Просто так вышло, что я могу это делать. Однако у многих врачей нет такой врожденной способности, и некоторые из них, включая хирургов, не могут этому научиться. Те, у кого не получается, просто не становятся выдающимися хирургами, у их пациентов чаще возникают проблемы и осложнения.

Впервые я узнал об этой своей особенности, когда мне на нее указал сокурсник из Йеля. Мы с ним часто играли в настольный футбол, и, хотя до того я никогда не играл в такую игру, я быстро и легко научился почти с первого раза. Тогда я еще не осознавал, что это было благодаря моему дару. Когда я приезжал в Йель в начале 1988 года, я разговорился с бывшим сокурсником, который стал одним из сотрудников университета. Он со смехом рассказал мне, что я был настолько хорош в игре, что потом они называли некоторые игровые приемы «ударами Карсона».

Во время учебы и в последующие годы я осознал ценность этой способности. Для меня это – самый важный дар от Бога, и именно поэтому люди иногда говорят, что у меня золотые руки.

Окончив первый курс университета, я устроился на летнюю работу рентгенологом. Мне нравилась эта ра-

бота, так как я многое узнал о рентгеновском излучении, о том, как именно оно работает, а также научился пользоваться аппаратом. Тогда я еще не знал, что впоследствии это значительно поможет мне в научных исследованиях.

Администрация медицинского факультета предлагала некоторым старшекурсникам поработать инструкторами, а я на последнем курсе учился очень хорошо, получал академические награды и рекомендации с мест практики, поэтому некоторое время обучал студентов первого и второго курсов основам терапевтической диагностики. Они собирались по вечерам, и мы практиковались друг на друге. Мы учились, например, слушать сердце и легкие или проверять рефлексы. Это был очень хороший опыт, и эта работа заставляла меня усердно готовиться к занятиям со студентами.

Сначала я, однако, не был в числе лучших студентов. На первом курсе университета мои успехи были средними. Тогда я осознал важность по-настоящему глубинного изучения предмета. Я ходил на лекции и мало что выносил из них, особенно когда рассказ лектора был скучным. Но и самостоятельно я тоже не учился.

Помогло мне только тщательное изучение учебных материалов по каждому предмету. На втором курсе я почти не посещал лекции. Обычно я вставал около шести утра и начинал читать, пока не вникал в каждое понятие. Предприимчивые личности делали подробные конспекты и потом продавали их за небольшую сумму. Я был одним из тех, кто покупал эти записи и тщательно изучал их наряду с учебниками.

Весь второй курс я только то и делал, что учился с утра до поздней ночи. К третьему курсу, когда началась практика в больнице, я уже знал весь материал.

СЛЕДУЮЩИЙ ШАГ ВПЕРЕД

«*Д*олжен быть более простой способ», – думал я, наблюдая за своим инструктором. Будучи опытным хирургом, он знал, что делает, однако ему было сложно находить расположение овального отверстия (отверстия в основании черепа). У женщины, которую он оперировал, была невралгия тройничного нерва – заболевание лица, сопровождающееся болевым синдромом. «Это самая сложная часть, – сказал мужчина, вкалывая тонкую длинную иглу, – точное нахождение овального отверстия».

Тогда я в уме начал спорить сам с собой: «Ты новичок в нейрохирургии, но уже считаешь, что все знаешь, да? Не забывай, Бен, эти ребята делают такие операции годами». «Ага, – ответил другой внутренний голос, – но это не значит, что они знают все. Просто не бери этого в голову. У тебя еще будет шанс изменить мир».

Я бы прекратил спорить с собой, но не мог избавиться от мысли, что должен быть более простой способ. Необходимость искать место входа в овальное отверстие была тратой ценного времени операции и к тому же никак не помогала пациенту.

«Хорошо, умник. Тогда найди его». Это я и решил сделать.

Глава 11. Следующий шаг вперед

У меня начался год клинической практики⁸ на медицинском факультете Мичиганского университета, и я был в нейрохирургии. Каждая из практик длилась по месяцу, и вот во время одной из них хирург говорил нам о том, как сложно искать небольшое отверстие в основании черепа.

Я колебался еще некоторое время, но затем воспользовался преимуществом дружеских связей, которые завел, когда работал рентгенологом. Я пошел к друзьям и рассказал о беспокоящем меня вопросе. Они заинтересовались этим и позволили мне прийти в их отдел попрактиковаться с оборудованием.

Несколько дней я размышлял и экспериментировал, пока наконец не додумался до простой техники: поместил два маленьких металлических кольца на заднюю и переднюю части черепа, а затем совместил их по одной прямой так, чтобы овальное отверстие попадало между ними. Пользуясь этим способом, врачи могли экономить много времени и энергии, вместо того чтобы ощупывать череп наугад.

Я дошел до этого логически: поскольку через две точки можно провести одну прямую, я мог поместить одно кольцо на череп позади области, где должно было находиться овальное отверстие, а второе – спереди. Просвечивая череп рентгеном, я мог поворачивать голову, пока луч не пройдет через оба кольца. В таком положении овальное отверстие находится прямо между ними.

Эта процедура казалась простой и очевидной, как только я продумал ее до конца, однако, видимо, никто раньше не додумался так сделать. Я не стал никому рассказывать об этом. Я думал о том, как улучшить работу, и не заботился, чтобы кого-то удивить или показать новую технику своим инструкторам.

⁸ Это еще не считается интернатурой, студенты проходят на протяжении этого года кратковременную практику в различных медицинских учреждениях, в среднем по месяцу. Затем их переводят в другое место, и так весь год. Обычно это четвертый-пятый курсы, а на первых трех изучается теория – прим. переводчика.

Некоторое время я мучился, спрашивая себя: «Неужели я действительно сделал открытие? Или же я просто думаю, что изобрел новую технику, до которой никто не додумался раньше?» В конце концов я решил, что нашел метод, который меня устраивает, и это было важнее всего.

Я начал делать эту процедуру и уже непосредственно во время операции увидел, насколько она упрощала работу. После двух операций я рассказал своим профессорам нейрохирургии о том, что делал, и продемонстрировал им это. Главный профессор понаблюдал, медленно покачал головой и улыбнулся: «Это потрясающе, Карсон».

К счастью, профессора нейрохирургии не отвергли мою идею.⁹

Все началось с простого интереса к нейрохирургии, но вскоре эта отрасль настолько сильно меня заинтересовала, что стала манией. Вы могли заметить, что со мной такое уже случалось прежде. «Мне нужно знать больше», – частенько думал я. Все, доступное в печати по данной теме, стало обязательным для прочтения. Из-за того, что я глубоко сконцентрировался на этом предмете, и моего огромного желания знать больше я начал превосходить интернов, хотя совершенно к этому не стремился.

Во время второй практики – это был четвертый год на медицинском факультете – я понял, что знаю о нейрохирургии больше, чем интерны и младшие ординаторы. Пока мы меняли места практики, как предполагала учебная программа, профессора опрашивали нас во время обследования пациентов. Если никто из ординаторов не знал ответа, профессор непременно поворачивался ко мне: «Карсон, думаю ты можешь им рассказать».

К счастью, я всегда мог ответить, хотя все еще был простым студентом. И, вполне естественно, осознание того, что

⁹ Я все еще пользуюсь этой процедурой, но уже сделал столько таких операций и приобрел столько опыта в попадании в овальное отверстие, что мне не нужно проходить все шаги. Я точно знаю, где оно находится.

я преуспевал в этой области, вызывало у меня настоящий эмоциональный подъем. Я усердно трудился, стремясь углубить свои знания, и это увенчалось успехом. А почему бы и нет? Если я собирался стать врачом, я хотел быть лучшим, самым образованным врачом, каким только мог стать!

Тогда же некоторые интерны и ординаторы начали перекладывать на меня свои обязанности. Наверное, я никогда не забуду, как ординатор впервые сказал: «Карсон, ты достаточно много знаешь. Может, возьмешь пейджер и будешь отвечать на вызовы? Если же случится то, с чем ты не сможешь справиться, просто крикни мне. Я буду в комнате отдыха, немного посплю».

Ему не положено было так делать, конечно же, но он вымотался, а мне было так приятно получить возможность попрактиковаться и поучиться, что я охотно согласился. В скором времени и другие ординаторы начали давать мне свои пейджеры или передавать больных.

Возможно, они меня использовали – в какой-то мере так оно и было, – поскольку дополнительная ответственность означала, что мне нужно дольше и больше работать. Но я так любил нейрохирургию и предвкушал возможность поучаствовать в настоящих операциях, что я бы взял на себя еще больше обязанностей, если бы только попросили.

Уверен, что профессора знали о происходящем, но они не поднимали эту тему, а я уж точно не собирался жаловаться. Мне нравилось изучать медицину. Я был первым, кто хватался за решение проблем, и это было лучшее время в моей жизни. Моя загруженность работой не создавала никаких проблем, и я поддерживал хорошие взаимоотношения с интернами и ординаторами. Благодаря этим дополнительным возможностям я убедился, что это направление медицины мне нравится больше всех, в которых я практиковался.

Часто, проходя по палатам, я думал: «Если сейчас все так здорово, когда я еще только учусь, насколько же будет

лучше, когда я окончу ординатуру». Каждый день я ходил либо на практику, либо на лекции, либо в операционную. Меня переполняли волнующие и захватывающие чувства, ведь я понимал, что получаю опыт и знания, одновременно оттачивая свои умения, и что это поможет мне стать первоклассным нейрохирургом.

Тогда я учился на четвертом курсе медицинского факультета, готовясь к годичной интернатуре, а затем – ординатуре.

Как специалист, я, бесспорно, двигался в правильном направлении. В детстве я мечтал быть врачом-миссионером, а затем увлекся психиатрией. Время от времени нам, студентам, показывали презентации разных специалистов сферы клинической медицины, которые рассказывали о своем направлении. Нейрохирурги впечатлили меня больше всех. Когда они рассказывали и показывали нам фото «до» и «после», я глубоко проникся, как никогда прежде.

«Они великолепны, – говорил я сам себе. – Эти ребята могут все».

Окончательно меня «затянуло», как только я впервые увидел человеческий мозг и то, как руки человека работают над этим средоточием разума, эмоций и движений, чтобы вылечить его. Потом, когда я осознал, что у меня твердая рука и что я могу интуитивно видеть эффект от того, что делают *мои* руки над мозгом, я понял, что нашел свое призвание. Так я и сделал выбор, который затем стал делом всей моей жизни.

Тогда сошлись воедино все предпосылки для моей будущей карьеры. Во-первых, мой интерес к нейрохирургии, во-вторых, мой возрастающий интерес к изучению мозга, и в-третьих, принятие данного Богом таланта зрительно-моторной координации – мои золотые руки, – которые сделали меня пригодным для этой сферы. Когда я сделал выбор в пользу нейрохирургии, это казалось самым правильным решением в жизни.

Во время клинической практики (третьего года обучения в университете) мы по месяцу проходили практику в разных медицинских учреждениях, что давало нам возможность попробовать себя в разных отраслях. Я подал запрос и получил разрешение пройти практику по нейрохирургии дважды. Оба раза я получил знаки отличия за свою работу.

В Мичигане была первоклассная программа по нейрохирургии, и если бы не одна случайность, я остался бы там на интернатуру и ординатуру. Я считаю, что ординатуру лучше проходить там, где уже работал ранее.

Как-то раз я случайно подслушал разговор, изменивший мои планы. Один из инструкторов, не зная, что я поблизости, рассказывал второму о заведующем нейрохирургическим отделением:

– Он уже собирает вещи.

– Ты думаешь, все настолько серьезно? – спросил второй мужчина.

– Безусловно. Он сам мне сказал. Слишком много политических разногласий.

Тот случайный разговор заставил меня передумать относительно своего будущего в Мичиганском университете. Смена персонала ощутимо нарушила бы программу ординатуры. Когда приходит временный заведующий, он не уверен в себе и не имеет ни малейшего представления о том, как долго здесь пробудет. Вслед за этим возрастает хаос и неуверенность в рядах ординаторов, личные привязанности часто не совпадают, и происходит смена персонала. Я не хотел участвовать в этом, посчитав, что это могло отрицательно сказаться на моей работе и будущем.

Эта информация и тот факт, что я давно восхищался госпиталем Джонса Хопкинса, стали для меня толчком к решению подать заявление туда.

Посылая заявление на прохождение интернатуры в госпитале Хопкинса осенью 1976 года, я не волновался, потому что чувствовал, что на этом этапе подготовки был

не хуже других. У меня были отличные оценки и высокие баллы по государственным экзаменам. Я столкнулся только с одной проблемой: в госпиталь Джонса Хопкинса принимали на нейрохирургическую ординатуру только двух студентов в год, хотя в среднем было около 125 заявок.

Я отправил свое заявление и спустя несколько недель получил чудесные новости, что со мной проведут собеседование в госпитале Джонса Хопкинса. Это еще не означало зачисления на программу, но открывало двери. Я знал, что при такой конкуренции они проводили собеседования с небольшим количеством претендентов.

Манера общения доктора Джорджа Удвархели, заведующего программой практики по нейрохирургии, сразу же помогла мне расслабиться. У него был большой, со вкусом обставленный антиквариатом офис. Говорил он с мягким венгерским акцентом. Доктор начал с вопросов, и я чувствовал, что ему действительно интересно услышать мои ответы. Еще я понял, что он будет справедлив в своем оценивании и дальнейших рекомендациях.

– Расскажите мне немного о себе, – начал доктор Удвархели, глядя на меня из-за своего стола.

Он говорил прямо, выглядел заинтересованным и расслабленным. Я глубоко вдохнул и посмотрел ему в глаза. Осмелюсь ли я быть самим собой? *«Господи, помоги мне, – взмолился я, – если в этом Твоя воля для меня, если это место, где я, по Твоему мнению, должен быть, помоги мне дать ответы, которые откроют двери этого учебного заведения».*

– Университет Джонса Хопкинса – мой приоритет, – начал я, – и я выбрал для себя только его. Только сюда я хотел бы попасть этой осенью.

«Может, я высказался слишком резко? – думал я. – Не слишком ли я откровенно заявил, чего хочу?» Я не знал. Но

перед поездкой на собеседование в Балтимор я решил, что прежде всего хочу быть собой и чтобы меня приняли или же отказали на основании того, кем я являюсь, а не потому, что я успешно создам образ.

Получив немного информации обо мне, доктор Удвархели плавно перешел к вопросам о медицине.

– Почему вы решили стать врачом? – спросил он. Его ладони покоились на огромном столе. – К чему вы стремитесь? Каковы основные сферы ваших интересов?

Я старался отвечать на все четко и кратко. Однако в ходе беседы доктор Удвархели косвенно упомянул о концерте, который он посетил прошлым вечером.

– Да, сэр, – сказал я, – я был там.

– Вы были? – переспросил он, на его лице читалось удивление. – Вам понравилось?

– Очень, – сказал я, добавив, что скрипач-солист был не так хорош, как я ожидал.

Он наклонился вперед, и его лицо оживилось.

– Я подумал точно так же. Он был неплох, технически неплох, но...

Я не помню, что было дальше, кроме того, что доктор Удвархели полностью перевел тему на классическую музыку, и мы очень долго беседовали, наверное, около часа, о разных композиторах и различиях их стилей. Мне кажется, доктор был потрясен тем, что черный парнишка из Детройта так хорошо разбирается в классической музыке.

По завершении собеседования я покинул кабинет, раздумывая, не сбил ли я доктора Удвархели с мысли и не сыграет ли это отступление от основной темы против меня. Я успокаивал себя тем, что он сам затронул эту тему и сделал ее основной в нашей беседе.

Спустя годы доктор Удвархели сказал мне, что он сделал все от себя зависящее, чтобы доктор Лонг, заведующий, принял меня.

– Бен, – сказал он мне, – я был поражен твоими оценками, знаками отличия и рекомендациями, а также тем, как ты блестяще держался на собеседовании.

Хотя он и не признался, но я уверен, что решающую роль сыграл мой интерес к классической музыке.

Я с удовольствием вспомнил, как, учась в старшей школе, часами занимался, чтобы посоревноваться на «Кубке колледжей». По иронии судьбы в том году, когда я поступил в колледж, «Кубок» сняли с эфира. Я не раз укорял себя за то, что зря потратил время, углубляя знания по искусству, которые мне никогда не пригодятся.

Тот опыт меня кое-чему научил: никакие знания не являются пустой тратой времени. Как говорил апостол Павел: «Притом знаем, что любящим Бога, призванным по Его изволению, все содействует ко благу» (Рим. 8:28). Любовь к классической музыке, которую я обрел, помогла нам с Кэнди сойтись, а еще помогла мне попасть на одну из лучших программ по нейрохирургии в Соединенных Штатах Америки. Когда мы усердно работаем, чтобы приобрести профессиональную компетентность или же понимание в определенной сфере, это окупается. По крайней мере в той ситуации я убедился, что это определенно дало результаты. Я также верю, что у Бога для каждого человека есть общий план, а детали разрабатываются уже по ходу дела, даже если мы не понимаем, что происходит.

Когда я получил извещение, что зачислен на программу нейрохирургии в госпиталь Джонса Хопкинса, я ликовавал. Теперь я получу шанс попрактиковаться в том месте, которое считал лучшей учебной клиникой в мире.

Сомнения относительно того, в какой сфере медицины специализироваться, испарились. С уверенностью, которая родилась после упорного труда и в результате доверия Богу, я был убежден, что был хорошим врачом. Если я чего-то еще не знал, то мог выучить. «Я могу научиться делать все, что могут другие», – не раз говорил я Кэнди.

Возможно, я был немного самоуверенным. Но я не считая, что был высокомерным, и уж точно не был заносчивым. Я также отмечал способности других. Но в любой профессии, будь то телемастер, музыкант, секретарь или хирург, человек должен верить в себя и свои способности. Чтобы преуспеть, человеку нужна уверенность, которая говорит: «Я могу все, а если и не смогу, то знаю, куда обратиться за помощью».

Это было время, когда моя жизнь прекрасно складывалась. Меня наградили множеством знаков отличия за работу в клинике при Мичиганском университете, и теперь наконец начинался последний и наиболее важный этап профессиональной подготовки.

Моя личная жизнь складывалась еще лучше. Кэнди окончила Йель весной 1975 года, и мы поженились шестого июля между вторым и третьим годами моей учебы в медицинском университете. До свадьбы я жил с Кертисом. Он тогда еще не был женат, получил увольнение после четырех лет службы на флоте и вернулся в Мичиганский университет, чтобы окончить учебу.

Мы с Кэнди арендовали квартиру в Энн-Арборе, и она легко нашла работу на бирже труда. Последующие два года она принимала заявки на трудоустройство и вела домашнее хозяйство, пока я оканчивал учебу.

Переехать в Балтимор из сравнительно маленького городка Энн-Арбор было захватывающим приключением. Пока мы жили там, Кэнди работала в страховой компании «Коннектикут Джeneral». Из-за временного статуса она устроилась обычным клерком. Также она недолго работала продавцом пылесосов, а затем получила должность помощника технического редактора одного из профессоров химии в университете Джонса Хопкинса.

На протяжении двух лет Кэнди набирала тексты различных университетских публикаций и вносила не-

которые правки. Тогда же она воспользовалась преимуществом нашего пребывания в университете Джонса Хопкинса и продолжила учебу.

Поскольку она была сотрудницей университета и мужем за ординатором, Кэнди имела право обучаться бесплатно. Она успешно защитила дипломную работу и получила степень магистра бизнеса. Затем она устроилась в «Меркантайл банк и траст» в администрацию трастов.

Я усердно трудился в должности ординатора госпиталя Джонса Хопкинса. Одной из моих целей было поддерживать хорошие взаимоотношения со всеми, поскольку я считаю, что один в поле не воин. Каждый человек в команде жизненно важен, и они должны это знать. Однако несколько врачей проявляли склонность к снобизму, и это меня беспокоило.

Они считали ниже своего достоинства разговаривать с «простолюдинами», такими как медсестры-администраторы или санитары. Такое отношение не давало мне покоя, и мне было больно за тех посвященных работников, когда случалось стать свидетелем подобного. Мы, врачи, не можем эффективно работать без помощи администраторов и санитаров. С самого начала я задался целью пообщаться с так называемыми «людьми из низших слоев» и познакомиться с ними. Сам-то я откуда вышел? У меня был хороший учитель – моя мать, – которая научила меня, что люди – это просто люди. Ни их положение в обществе, ни доходы не делают их лучше или хуже кого-то другого.

Когда у меня выдавалась свободная минутка, я забежал в отделение поговорить и познакомиться с нашими сотрудниками. В дальнейшем это стало большим преимуществом, хотя я этого вовсе не планировал. Во время ординатуры я узнал, что многие администраторы и медсестры проработали там от 25 до 30 лет. Благодаря практическому опыту наблюдения и работы с пациентами они могли кое-чему меня научить. И они научили.

Я также понял: эти люди замечали, что с пациентами что-то происходит, когда я об этом понятия не имел. Работая с конкретным пациентом, они чувствовали изменения его состояния и понимали его нужды до того, как это становилось очевидным. Как только они меня приняли, эти часто недооцениваемые работники тихо давали мне знать, к примеру, кому можно доверять, а кому нет. Они сообщали, если в палатах что-то шло не так. Неоднократно администратор, направляясь к выходу после смены, останавливалась и говорила: «О, кстати...» – и сообщала о проблеме с пациентом. Персоналу нельзя было рассказывать об этом никому, но у многих из них развилась уникальная способность чувствовать проблемы, особенно обострения и осложнения. Они полагались на то, что я прислушаюсь к ним и буду действовать согласно их предчувствиям.

Может быть, я начал строить взаимоотношения с персоналом потому, что хотел компенсировать то, как к ним относились некоторые другие врачи. Я не уверен. Я знаю, что терпеть не мог, когда ординатор пренебрегал предложением медсестры. Когда один из них устраивал медсестре-администратору разнос из-за незначительной ошибки, мне было неприятно и я был на стороне жертвы. Как бы там ни было, благодаря помощи младшего медицинского персонала мне удалось произвести хорошее впечатление и хорошо справляться с работой.

Сегодня, общаясь с молодежью, я стараюсь особенно подчеркнуть эту мысль. «Нет на свете такого человека, который бы ничего не стоил, – говорю я им. – Если вы добры к ним, они будут добры к вам. Те люди, которых вы встречаете на пути вверх, встретятся вам и на пути вниз. Кроме того, каждый человек, которого вы встречаете в жизни, – один из детей Божьих».

Я действительно считаю: то, что я успешный нейрохирург, не означает, что я лучше других. Просто мне повезло, что Бог дал мне талант хорошо выполнять свою работу. Я также верю, что мне следует охотно делиться с другими теми талантами, которые у меня есть.

ПОЛУЧАЯ ДОЛЖНОЕ

Медсестра безразлично посмотрела на меня, когда я подошел к ее посту.

– Да? – спросила она, перестав писать карандашом. – Кого вы пришли забрать?

По ее тону я сразу понял: она подумала, что я санитар. На мне была простая зеленая форма, ничто не показывало, что я врач.

– Я пришел не для того, чтобы кого-то забрать, – я посмотрел на нее и улыбнулся, понимая, что единственные чернокожие люди, которых она видела на этаже, были санитары. Почему она должна думать иначе?

– Я новый интерн.

– Новый интерн? Но вы не можете... Я хотела сказать... Я не имела ввиду... – запнулась медсестра, пытаясь извиниться, не показавшись предвзятой.

– Все в порядке, – ответил я примирительно. Это была естественная ошибка. – Я новичок, откуда же вам знать, кто я?

Когда я впервые вошел в отделение интенсивной терапии и реанимации, на мне был белый медицинский костюм (наша униформа, как мы ее называли), и мне помахала медсестра.

– Вы пришли за мистером Джорданом?

– Нет, мэм.

– Вы уверены? – спросила она, нахмурившись. – Сегодня только ему назначили респираторную терапию.

Я подошел ближе, и она смогла прочитать написанное на моем бэйдже – под моим именем стояло слово «интерн».

– Ой, простите меня, пожалуйста, мне очень жаль, – сказала она, и я видел, что это правда.

Хотя я этого и не сделал, но мне очень хотелось ей сказать: «Ничего страшного, ведь я понимаю, что большинство людей поступают согласно своему предыдущему опыту. Вам никогда раньше не встречался чернокожий интерн, поэтому вы предположили, что я могу быть только тем чернокожим парнем в белом костюме, которого вы видели раньше, – специалистом по техобслуживанию аппаратов искусственной вентиляции лёгких». Я снова улыбнулся и пошел дальше.

Было неизбежным, что некоторые белые пациенты откажутся от чернокожего врача, и они обращались к доктору Лонгу. Одна женщина сказала: «Простите, но я не хочу, чтобы меня лечил чернокожий врач».

У доктора Лонга на этот случай был подготовлен стандартный ответ. Он тихим, но строгим тоном говорил: «Вот двери. Добро пожаловать на выход. Но если вы остаетесь, доктор Карсон будет вас лечить».

Когда те люди протестовали, я об этом не знал. Доктор Лонг рассказал мне об этом намного позже, когда смеялся над предубеждениями некоторых пациентов. Но когда он высказывал свою позицию, в его голосе не было веселья. Он был непоколебим в своем убеждении, не допуская никакой предвзятости из-за цвета кожи или этнической принадлежности.

Конечно же, я знал, как некоторые личности относились к подобной ситуации. Нужно было быть совершенно бесчувственным, чтобы не заметить. Их поведение и холодность даже без лишних слов показывали их чувства. Тем не менее мне удавалось каждый раз напоминать себе, что они были отдельно взятыми индивидами и отвечали только за себя, а не представляли всех белых. Как бы сильно ни был недоволен пациент, как только он озвучивал

свои замечания, он узнавал, что доктор Лонг немедленно ему откажет, если тот скажет еще хоть слово против. Насколько я знаю, ни один из пациентов так и не ушел!

Я не ощущал сильного давления. Когда я сталкивался с предубеждениями, то слышал в голове голос матери: «Некоторые люди невежественны, ты должен просветить их».

Единственное давление, которое я почувствовал во время прохождения интернатуры, – это обязательство служить примером для подражания молодым чернокожим ребятам. Этим парням нужно было знать, что только они сами могут избежать неудач. Им не стоит надеяться на то, что кто-то им поможет. Может быть, я и не могу многого для них сделать, но я могу стать живым примером того, кто добился чего-то, несмотря на то, что сам был выходцем из так называемых неблагополучных социальных слоев. Я не лучше, чем многие из них.

Думая о чернокожей молодежи, я также хочу сказать, что много наших острых расовых проблем сможет решиться, когда мы, меньшинство, встанем на ноги и откажемся ждать, пока кто-то другой поможет нам выбраться из проблем. Культура, в которой мы живем, делает особое ударение на том, чтобы стать лидером. Мы можем требовать от себя лучшего, в то же время протягивая руку помощи другим, не перенимая этой эгоцентрической системы ценностей.

Я вижу проблески надежды. К примеру, я заметил, что вьетнамцы, приехавшие в США, часто сталкивались с предвзятостью со стороны всех – белых, черных и латиноамериканцев. Но они не умоляли о помощи и часто брались за самую черную работу. Даже высокообразованные люди не гнушались подметать полы, если за это платили.

Сегодня многие из тех вьетнамцев владеют недвижимостью и являются предпринимателями. Это весть, которую я хочу донести до умов молодежи. Одинаковые возможности открыты для всех, но мы не можем сразу же стать вице-президентом компании. Даже если бы мы и получили

такое место, нам бы это не принесло ничего хорошего, ведь мы бы не знали, как делать свою работу. Лучше начинать с того, что по силам, и постепенно продвигаться вверх.

Мой рассказ был бы неполным, если бы я не добавил, что во время интернатуры в общей хирургии у меня произошел конфликт с одним из главных ординаторов, мужчиной из Джорджии по имени Томми. Он никак не мог смириться с тем, что в госпитале Джонса Хопкинса работает чернокожий интерн. Он никогда прямо этого не говорил, но постоянно делал мне язвительные замечания, закрывал рот, игнорировал, а порой был просто груб.

Как-то раз этот скрытый конфликт стал явным, когда я спросил:

– Зачем нам брать у этого пациента кровь? У нас еще есть...

– Потому что я так сказал! – взорвался Томми.

Я сделал то, что он мне велел.

В тот день несколько раз, когда я задавал вопросы, особенно если они начинались со слова «зачем», он бросал тот же ответ.

Позже тем вечером произошло кое-что не по моей вине, но он был зол, и я по опыту знал, что это надолго. Томми развернулся ко мне, начиная, как обычно, со слов «вообще я человек добрый, но...». Я достаточно быстро начал понимать, что его дальнейшие слова перечеркивают образ доброго человека.

На этот раз он набросился на меня. «Ты думаешь, что что-то собой представляешь, если тебя досрочно приняли в нейрохирургическое отделение, да? Все постоянно повторяют, какой ты молодец, но я думаю, ты и яйца выеденного не стоишь. Я считаю, что ты никчемный. А еще, Карсон, хочу, чтобы ты знал: я могу вышвырнуть тебя из нейрохирургии», – он еще несколько минут разражался тирадами.

Я просто смотрел на него, не говоря ни слова. Когда Томми наконец остановился, я спросил его самым спокойным тоном, на который был способен:

– Вы закончили?

– Да!

– Хорошо, – ответил я спокойно.

Это все, что я сказал, – все, что было необходимо, – и он умолк. Томми так ничего и не сделал, хотя я и не переживал относительно его влияния. Хотя он и был старшим ординатором, я знал, что решения принимали заведующие отделениями. Я твердо решил не позволить ему заставить меня выйти из себя, ведь тогда бы он победил.

Вместо этого я выполнял свои обязанности наилучшим образом. Никто больше на меня не жаловался, поэтому я не слишком беспокоился относительно его мнения.

В отделении общей хирургии я столкнулся с несколькими напыщенными хирургами. Меня это волновало, и я хотел уйти от этого всего. Когда я перевелся в нейрохирургию, все было иначе. Доктор Донлин Лонг, заведующий отделением нейрохирургии с 1973 года, – самый приятный человек на свете. Если кто и заслужил быть напыщенным, так это он, поскольку он знает все и его техника – одна из лучших (если не самая лучшая) в мире. Тем не менее у него всегда есть время на людей, и он относится ко всем хорошо. С самого начала, даже когда я был младшим интерном, он всегда был готов ответить на мои вопросы.

Он невысокого роста и среднего телосложения. В начале моей интернатуры у него в волосах кое-где серебрилась седина. Теперь же его волосы почти белые. У него глубокий голос, и сотрудники из Хопкинса всегда его копируют. Лонг знает, что так делают, и сам смеется над этим, потому что у него отличное чувство юмора. Этот человек стал моим наставником.

Я восхищался им с первой нашей встречи. Когда я пришел в Университет Хопкинса в 1977 году, там было мало

чернокожих сотрудников, и ни один из них не был в преподавательском составе. Одним из главных ординаторов в кардиохирургии был чернокожий Леви Уоткинс, а я был одним из двух чернокожих интернов в общей хирургии, вторым был Мартин Гоинес, тоже из Йеля.¹⁰

Многие проходят интернатуру в общей хирургии, но намного меньше – в нейрохирургии. Бывают годы, когда никто с программы общей хирургии Хопкинса не идет на нейрохирургию. К концу года моей интернатуры только пятеро из нашей группы в 30 человек проявили интерес к нейрохирургии. Конечно, было еще 125 человек из других городов страны, желающих занять одно из мест. В тот год госпиталь Хопкинса предоставлял только одно свободное место.

После года интернатуры мне предстояли шесть лет ординатуры: еще год общей хирургии и пять нейрохирургии. Я должен был пройти два года общей хирургии, поскольку собирался стать нейрохирургом, но я не хотел. Мне не нравилась общая хирургия, и я хотел как-то ее избежать. Я настолько не любил общую хирургию, что был готов даже пожертвовать возможностью получить место в отделении нейрохирургии госпиталя Хопкинса и пойти куда угодно, если они откажутся брать меня после года практики.

Я получил чрезвычайно хорошие рекомендации на всех этапах интернатуры. Я заканчивал месяц практики в нейрохирургии и даже собирался написать в другие университеты.

Однако доктор Лонг позвал меня в свой офис.

– Бен, – сказал он, – ты замечательно справлялся как интерн.

– Спасибо, – ответил я, довольный услышать такие слова.

¹⁰ Мартин Гоинес сейчас отоларинголог и заведующий отделением в Синайском госпитале в Балтиморе.

– Что ж, Бен, мы отметили, что ты очень хорошо справлялся с работой на практике. Весь персонал (т. е. хирурги) был впечатлен твоей работой.

Хотя я и хотел сохранить на лице спокойное выражение, однако непроизвольно все шире и шире улыбался.

– Поэтому, – сказал он и немного наклонился вперед, – мы хотели бы, чтобы ты присоединился к нам в нейрохирургии в следующем году, а не проходил еще один год общей хирургии.

– Спасибо вам, – сказал я, понимая, как слабо эти слова отражают то, что я чувствую.

Его предложение было явным ответом на мои молитвы.

Я был ординатором в клинике Джонса Хопкинса с 1978 по 1982 год включительно. В 1981 году я был старшим ординатором в Балтиморском городском госпитале (теперь Медицинский центр Френсиса Кея), принадлежавшем Джонсу Хопкинсу.

В один знаменательный день в Балтиморский госпиталь на скорой привезли пациента, которого очень сильно избили по голове бейсбольной битой. Это произошло во время проведения съезда Американской ассоциации нейрохирургов в Бостоне. Большинство персонала было на съезде, включая сотрудника, отвечающего за Балтиморский городской госпиталь. За все больницы должен был отвечать дежурный из госпиталя Джонса Хопкинса.

Состояние пациента, уже находящегося в коме, быстро ухудшалось. Естественно, я был очень обеспокоен, чувствуя, что мы должны что-то делать, но я все еще был относительно неопытным. Я звонил и звонил, но никак не мог найти дежурного сотрудника госпиталя. С каждым звонком я все больше нервничал. В конечном итоге я понял, что мужчина умрет, если мы ничего не

предпримем, а это означало лобэктомию¹¹, которую я никогда не делал.

Что мне было делать? Я начал думать о всевозможных препятствиях, таких как медицинско-правовые последствия того, что пациента заберут в операционную в отсутствие дежурного хирурга (по закону нельзя было проводить операцию без дежурного хирурга).

«А что, если я вскрыю и начнется кровотечение, которое я не смогу контролировать?» – думал я. – Или если столкнусь с еще какой-нибудь проблемой, с которой не сумею справиться? Если что-то пойдет не так, другие люди потом будут думать: “Зачем ты это сделал?”».

Потом я подумал: «А что будет, если я сейчас не проведу операцию?». Я знал очевидный ответ: мужчина умрет.

Помощник врача Эд Розенквист, который был на дежурстве, знал, что я чувствую. Он сказал мне всего три слова:

– Давай, сделай это.

– Вы правы, – ответил я.

Как только я решился, на меня снизошло спокойствие. Мне нужно было сделать операцию, и я старался изо всех сил.

Надеясь, что выгляжу уверенным и компетентным, я сказал старшей медсестре:

– Отвезите пациента в операционную.

Мы с Эдом приготовились. К началу операции я был совершенно спокоен. Я вскрыл голову мужчины и удалил лобную и височную доли с правой стороны, поскольку они очень распухли. Это была серьезная операция, и вы, возможно, удивитесь, как человек может жить без этих частей мозга. Дело в том, что этими долями мозга наиболее легко можно пожертвовать. Во время операции у нас не было проблем. Спустя несколько часов мужчина пришел в себя, и потом у него все было нормально по неврологии, без осложнений.

¹¹ Лобэктомия – удаление лобной доли, тогда как лоботомия – разрезание некоторых волокон.

Однако это происшествие вызвало во мне большое беспокойство. Еще несколько дней после операции меня преследовала мысль о возможных неприятностях. У пациента мог возникнуть ряд осложнений, и мне бы сделали выговор за то, что провел операцию. Как оказалось, никто не собирался меня ругать. Все понимали, что тот мужчина умер бы, если бы я поспешно не отвез его в операционную.

* * *

Ключевым моментом во время моей ординатуры стало исследование, которое я проводил на протяжении пятого года. Я все больше интересовался опухолями мозга. Я хотел заниматься исследованиями в этой области, но у нас не было соответствующих животных, которым можно было бы вживить опухоли мозга. Работая с маленькими животными, исследователи давно установили: как только они добиваются достоверных результатов, могут в итоге использовать полученные результаты для изобретения лекарств, а затем предложить больным людям помощь. Это – одна из наиболее результативных форм исследований с целью получения лекарств от болезней.

Исследователи много работали с мышами, приматами и собаками, но сталкивались с проблемами. Испытания на собаках показывали противоречивые результаты, приматы были непозволительно дорогими, грызуны (крысы и мыши) были достаточно недорогими, но такими маленькими, что мы не могли их оперировать. Также их плохо получалось сканировать на КТ¹² и МРТ¹³.

¹² Полное название – компьютерная томография, производимая при помощи высокотехнологического компьютера, который позволяет просвечивать рентгеновскими лучами под разными углами.

¹³ В магнитно-резонансном томографе используется не рентгеновское излучение, а магнит, который намагничивает протоны (микрочастицы), а компьютер затем регистрирует энергетические сигналы, исходящие от этих возбужденных протонов, и трансформирует их в изображение.

МРТ дает четкое, точное изображение внутренних жидкостей, отображая картинку, полученную намагничиванием протонов. К примеру, протоны в воде будут магнититься иначе, чем в костях, мышцах или крови.

Чтобы провести то исследование, которое я хотел, мне нужно было справиться с тремя проблемами:

- найти относительно недорогую подопытную модель;
- она должна быть консистентной;
- она должна быть достаточно большой, чтобы ее оперировать и делать снимки.

Моей целью было поработать с одним видом животных и в дальнейшем взять это за основу (или модель) нашего исследования развития опухолей мозга. Ряд онкологов и исследователей, которые уже разработали такие модели, напутствовали меня: «Бен, если ты возьмешься за исследование опухолей мозга, будь готов провести по крайней мере два года в лаборатории со своим проектом».

Когда я приступил к выполнению проекта, я был готов работать и дольше. Но каких же мне использовать животных? Хотя сначала я работал с крысами, но они были слишком малы для наших целей. К тому же я ненавижу крыс! Возможно, они вызывали слишком много воспоминаний о моей жизни в бостонских трущобах. Вскоре я понял, что крысы не обладали необходимыми для хорошего исследования качествами, и начал искать другое животное.

В течение следующих нескольких недель я общался со многими людьми. В чем преимущество госпиталя Джонса Хопкинса – там работают эксперты, знающие в своей сфере практически все. Я обращался к разным исследователям, спрашивая: «Каких животных вы используете? А вы не думали взять какой-то другой вид?»

После того как я задал множество вопросов и понаблюдав, мне в голову пришла идея использовать новозеландских белых кроликов. Они прекрасно подходили по всем моим трем критериям.

Кто-то из коллег подсказал мне, что доктор Джим Андерсон в то время работал с новозеландскими кроли-

Все протоны дают разные сигналы, и компьютер, используя их, делает изображение.

ками. Заходя в лабораторию в здании Блейлок, я трепетал. Внутри я увидел просторное помещение с рентгеновским аппаратом, рядом с ним – операционный стол, холодильник, инкубатор и глубокую раковину. В другом небольшом отделении лежали анестетики. Я представился доктору Андерсону и сказал:

– Я так понимаю, вы работаете с кроликами.

– Да, работаю, – ответил он и рассказал о результатах, которые получил, работая с веществом, которое он назвал VX2. Оно вызывало опухоли в печени и почках. Спустя некоторое время его исследование дало достоверные результаты.

– Джим, я интересуюсь исследованиями опухолей мозга и думал о том, чтобы поработать с кроликами. Знаете ли вы, какие опухоли могут образовываться в мозгу кроликов?

– Ну, – сказал он, размышляя вслух, – VX2 может действовать и на мозг.

Мы еще немного поговорили, и я вернулся к теме:

– Вы действительно думаете, что VX2 сработает?

– Я не вижу причин, почему нет. Если опухоль растет на других участках, существуют большие шансы, что она может вырасти и в мозгу, – он сделал паузу и добавил: – Если хотите, можете попробовать.

– Я в деле.

Джим Андерсон в большой степени помог мне с исследованием. Сначала мы попробовали механическую диссоциацию, то есть использовали небольшие экраны, чтобы натирать опухоли, как сыр натирают на терку. Но они не росли. Тогда мы вживили большие куски опухолей в мозг кроликам, и на этот раз они выросли.

Чтобы протестировать опухоли на жизнеспособность, я обратился к доктору Майклу Колвину, биохимику из онкологической лаборатории, а он направил меня к другому биохимику – доктору Джону Хилтону.

Хилтон предложил применить энзимы, чтобы растворить соединительную ткань, а раковые клетки остались

бы нетронутыми. Спустя несколько недель экспериментов с различными комбинациями энзимов Хилтон подобрал для нас нужную. Вскоре мы достигли хорошей жизнеспособности клеток – почти 100 % клеток выживало.

После этого мы начали концентрировать клетки в тех количествах, которые требовались. Улучшая эксперименты, мы также разработали способ имплантации опухолей в мозг при помощи иглы. Вскоре почти 100 % опухолей вырастали. Все кролики умирали от опухоли мозга на двенадцатый-четырнадцатый день.

Когда исследователи добиваются такой систематичности, они могут приступить к изучению того, как растут опухоли мозга. Мы смогли сделать КТ-сканирование и обрадовались, когда опухоли наконец проявились. Магниторезонансная визуализация, которую изобрели в Западной Германии, была на тот момент новой технологией, и нам она была недоступна.

Джим Андерсон отвез в Германию несколько кроликов, сделал им МРВ и смог увидеть опухоли. Хотел бы я поехать с ним и поехал бы, вот только у меня не было денег на поездку.

Затем нам дали в пользование ПЭТ¹⁴ в 1982 году. Госпиталь Джонса Хопкинса стал одним из первых мест в стране, где он появился. Первые сделанные на нем снимки принадлежали кроликам с опухолями мозга. Наша работа получила широкое освещение в медицинских журналах. Многие люди, как в госпитале Джонса Хопкинса, так и в других местах, до сегодняшнего дня пользуются этой моделью опухолей мозга.

Если бы все шло обычным чередом, то для завершения такого исследования потребовались бы годы, но я объединил усилия с другими специалистами из Хопкинса, ко-

¹⁴ В ПЭТ (позитронно-эмиссионном томографе) используются радиоактивные вещества, которые метаболизируются клетками и излучают радиоактивные сигналы, которые можно зарегистрировать и преобразовать. Как в магнитном резонансе визуализация собирает электронные сигналы, так и здесь собираются радиоактивные сигналы и преобразуются в картинку.

торые помогли сгладить все проблемные места, и модель была готова спустя шесть месяцев.

Я выиграл награду «Ординатор года» за эту исследовательскую работу. Также это означало: вместо того чтобы еще два года работать в лаборатории, в следующем году я стал старшим ординатором.

Мой год старшей ординатуры начался с тихого восторга. Это был длинный, порой сложный путь. Долгие-долгие часы работы, время вдали от Кэнди, учеба, пациенты, неотложные ситуации, еще больше учебы, больше пациентов – я был готов взять в руки хирургические инструменты и наконец научиться делать микрохирургические операции быстро и результативно. К примеру, я научился вырезать опухоли мозга и клипировать аневризмы. Разным аневризмам требуются клипсы разных форм, и часто их нужно ставить под необычным углом. Я практиковался до тех пор, пока клипирование не стало для меня простым делом, пока мои глаза и чутье не начали вмиг подсказывать, какой вид клипсы использовать.

Я научился исправлять патологии костей и тканей, а также делать операции на позвоночнике. Научился держать в руках пневматическую дрель, чувствовать ее вес, пробовать ее, а затем сверлить ею отверстия в кости в миллиметрах от нервов и тканей мозга. Я научился понимать, когда нужно действовать решительно, а когда переждать.

Я научился делать операцию, которая помогает скорректировать судорожные припадки, научился, как работать у стволовой части мозга. На протяжении этого насыщенного событиями года старшей ординатуры я приобрел особые навыки, благодаря которым хирургические инструменты в моих руках, а также мои глаза и интуиция способствовали исцелению больных.

Я окончил ординатуру. Передо мной была новая, еще не открытая глава моей жизни, но, как это всегда бывает перед судьбоносными событиями, я об этом не догадывался. Сама идея вначале показалась мне нереальной.

ОСОБЕННЫЙ ГОД

Я не объяснял Брайанту Стоуксу настоящих причин. Я думал, он знал их сам, и мне не нужно было говорить об этом вслух. Вместо этого я отвечал: «Наверное, это хорошее место». В другой раз я сказал: «Кто знает? Может быть, когда-нибудь». «Это отличное место для тебя», – настаивал он.

Каждый раз, когда он упоминал об этом, я находил для Стоукса новую отговорку, но все же размышлял о том, что он говорил. Особенно меня привлекало одно преимущество: «Там ты за год получишь такой опыт в нейрохирургии, как здесь за пять лет».

Мне казалось странным, что Брайант Стоукс так настаивал на этой идее, но он продолжал это делать. Мы с Брайантом, который работал старшим нейрохирургом в США, а сам был родом из Перта в Западной Австралии, сразу же подружились. Брайант часто говорил: «Ты должен поехать в Австралию и стать старшим ординатором в нашем учебном госпитале».

Я всячески пытался изменить тему: «Спасибо, но это не совсем то, чем я хотел бы заниматься». Или же в другой раз я сказал: «Да вы шутите. Австралия же на другом конце мира. Если начать бурить в Балтиморе, то выйдешь на поверхность в Австралии».

Он рассмеялся и сказал:

– Или же можно полететь на самолете и быть там через 20 часов.

Я попытался уклончиво шутить:

– Если там есть вы, то зачем я или еще кто-либо?

Причина, глубоко беспокоившая меня, о которой я, естественно, не упоминал, состояла в том, что мне годами говорили: в Австралии ситуация с апартеидом еще хуже, чем в Южной Африке. Я не мог туда поехать, ведь я чернокожий, а у них там была политика «только белых».

Я отвергал всю эту затею. Помимо расового вопроса, с моей точки зрения, я ничего не выигрывал в карьерном плане, поехав на год в Австралию, хотя это, конечно же, было интересно.

Если бы Брайант не был так настойчив, я бы больше и не задумывался об этом. Практически в каждой нашей беседе он обязательно делал ненавязчивые намеки: «А знаешь, тебе бы понравилось в Австралии».

У меня были другие планы, поскольку доктор Лонг, заведующий отделением нейрохирургии и мой наставник, уже сообщил мне, что я могу остаться в команде госпиталя Джонса Хопкинса после окончания ординатуры. Тот факт, что он добавил: «Я был бы очень рад, если бы ты остался нами», – делал это предложение еще более заманчивым.

Я не представлял чего-то более захватывающего, чем остаться в госпитале Хопкинса, где проводилось так много исследований. Для меня Балтимор стал центром Вселенной.

И все же, как ни странно, хотя я и отвергал Австралию, эта тема меня преследовала. Казалось, куда бы я ни пошел, я обязательно встречал кого-нибудь, кто говорил мне с характерным австралийским акцентом: «Добренький¹⁵, дружище, как жизнь?».

¹⁵ Австралийцы любят сокращать слова и соединять несколько слов в одно – прим. переводчика.

Включая телевизор, я попадал на рекламу, призывавшую «отправиться в Австралию и посетить страну коал». По всем телеканалам рекламировали горящие туры в «землю вверх ногами».

Наконец я спросил Кэнди:

– Да что же это творится? Неужели Бог нам что-то пытается сказать?

– Я не знаю, – ответила она, – может, нам стоит поговорить об Австралии?

Я сразу же подумал о массе проблем, главной из которых была политика «только белых». Я попросил Кэнди пойти в библиотеку и полистать книги об Австралии, чтобы мы лучше узнали об этой стране.

Кэнди позвонила мне на следующий день.

– Я нашла об Австралии кое-что, что тебе следовало бы знать.

В ее голосе слышалась необычная оживленность, поэтому я попросил ее скорее рассказать мне.

– Политика «только белых», которая тебя беспокоила, – сказала она, – уже не актуальна в Австралии. Они отменили этот закон в 1968 году.

Я замер. Что происходило?

– Может, нам стоит серьезно подумать над этим предложением? – сказал я ей. – Возможно, нам нужно ехать в Австралию?

Чем больше мы с Кэнди читали, тем больше нам нравилась эта затея. Вскоре мы уже начали ею загораться. Потом мы обсудили тему Австралии с друзьями. За несколькими исключениями, наши друзья, знавшие больше, чем мы, отговаривали нас. Один из них спросил: «Почему вы хотите ехать в такое место?»

Другой сказал: «И думать забудьте об Австралии, через неделю примчитесь обратно».

«Ты ведь не заставишь Кэнди проходить через это, правда? – спросил еще один. – Ей и так сейчас нелегко. Там будет еще хуже».

Я не мог не улыбнуться словам этого друга. То, о чем он переживал, было нашей радостью и в то же время мучительным беспокойством. Кэнди была беременна, и действительно казалось глупым в это время лететь на другой конец света. Проблема состояла в том, что в 1981 году, когда я был старшим ординатором, Кэнди забеременела двойней. К сожалению, на пятом месяце у нее произошел выкидыш, а теперь, спустя год, она снова была беременна. Из-за случившегося ранее врач положил ее на сохранение после четвертого месяца. Кэнди уволилась и серьезно заболела о своем здоровье.

Когда заходил вопрос о ее положении, Кэнди каждый раз улыбалась, но твердила одно: «В Австралии тоже есть квалифицированные врачи».

Наши друзья не понимали этого, но мы уже решили ехать, хотя еще сами этого до конца не осознали. Мы уже прошли формальности, подав заявку в госпиталь сэра Чарльза Гардинера при Медицинском центре королевы Елизаветы II, главном учебном центре Западной Австралии и единственном центре ординатуры по нейрохирургии.

Спустя две недели я получит ответ: меня приняли. «Угадай, каков ответ», – сказал я Кэнди. К тому времени она была даже больше полна энтузиазма, чем я. Мы должны были вылетать в июне 1983 года и приложили все усилия, чтобы сделать этот рискованный шаг.

Нам пришлось пожертвовать всем, поскольку, чтобы купить билеты, мы потратили все до цента – это был билет в один конец. Мы бы не смогли вернуться, даже если бы нам там не понравилось. Я в любом случае должен проработать год старшим ординатором.¹⁶

¹⁶ Эта должность немного отличается от американской, это нечто среднее между старшим ординатором и младшим врачом. В Австралии старшие ординаторы руководят обслуживанием и работают под кураторством консультанта. Консультант в Австралии, по примеру британских медицинских учебных заведений, является самым главным членом персонала. При такой системе врач остается старшим ординатором много лет.

Были некоторые причины, почему эта авантюра стала нам особенно интересна, и одной из них была денежная сторона вопроса. В Австралии я бы получал хорошую зарплату – намного больше, чем вообще когда-либо, – 65 000 долларов в год¹⁷, а мы остро нуждались в деньгах.

Хотя расовый вопрос был улажен, мы с Кэнди все равно летели в Перт с большой тревогой. Мы не знали, как нас там примут, и у нас были на то веские причины, ведь я был неизвестным хирургом, прибывшим в новую больницу. Как бы Кэнди ни храбрилась, мы все же постоянно думали о возможном осложнении в ее положении.

Однако австралийцы приняли нас тепло. Наша принадлежность к Церкви адвентистов седьмого дня открыла много дверей. В первую же субботу в Австралии мы пошли в церковь и до начала богослужения познакомились с пастором и несколькими членами Церкви. Во время служения пастор объявил: «Сегодня с нами семья из США, они пробудут здесь год». Затем он представил нас с Кэнди и призвал членов Церкви нас приветствовать.

И они так и сделали! По окончании богослужения все столпились вокруг нас. Видя, что моя жена в положении,

Доктор может стать консультантом только тогда, когда умрет его предшественник. Правительство предоставляет ограниченное количество таких должностей.

Хотя в Западной Австралии тогда было всего четыре консультанта, они все были чрезвычайно хорошими специалистами, самыми одаренными хирургами, которых я когда-либо видел. Каждый специализировался в своей области. Я перенял у них особенные приемы, которые помогли мне развить способности нейрохирурга.

¹⁷ Зарплата была такой привлекательной потому, что мне не нужно было платить непомерно высокую страховку от медицинской халатности. В Австралии она составляла всего 200 долларов в год. Я знаю много выдающихся врачей, которые платят от 100 000 до 200 000 долларов в год в Америке. Разница в том, что в Австралии случается сравнительно мало прецедентов халатности. По австралийским законам медицинскую халатность запрещено рассматривать как тяжкое преступление. Люди, которые хотят судиться, платят издержки из своего кармана. Следовательно, в суд идут только те, в случае которых врачи совершили самые ужасные ошибки.

многие женщины спрашивали: «Что вам необходимо»? Мы ничего не привезли с собой для подготовки к появлению ребенка, поскольку размер багажа, который мы могли везти из США, был ограничен, а эти замечательные люди начали приносить нам плетеные люльки, одеяла, ходунки и памперсы (которые они называли пампиками). Нас постоянно звали в гости.

Сотрудники из госпиталя никак не могли понять, каким образом спустя всего две недели после прибытия мы познакомились со множеством людей и постоянно получали приглашения.

Один из моих коллег-ординаторов, который пробыв там уже пять месяцев, спросил: «Что вы делаете сегодня вечером»?

Я сказал, что мы ужинаем с одной семьей. Этот коллега знал, что всего несколько дней назад другая семья возила нас на прогулку по живописной местности за Пертом.

– Но откуда же вы знаете столько людей? – спросил он. – Вы здесь пробыли-то всего две недели. Я с таким количеством людей познакомился спустя месяцы.

– Мы из большой семьи, – сказал я.

– То есть у вас есть родственники в Австралии?

– Что-то вроде этого, – ответил я и рассмеялся, а потом пояснил: – Мы в Церкви все считаем себя частью Божьей семьи. Это значит, что мы относимся к людям в собрании как к братьям и сестрам – членам нашей семьи. Люди из Церкви относятся к нам как родным, кем мы и являемся.

Он никогда раньше такого не слышал.

С первого же дня после приезда я полюбил Австралию – не только людей, но и саму страну, атмосферу. То, что меня приняли на работу как старшего ординатора, означало, что я должен был брать большинство пациентов. Эта ответственность усилила во мне чувство при-

знательности за возможность побывать на «земле вверх ногами». Кэнди тоже начали активно задействовать в качестве первой скрипки в Недландском симфоническом оркестре и вокалистки в профессиональной группе.

Не прошло и месяца, как нам попался невероятно сложный пациент, и это изменило направление моей работы в Перте. Старший консультант диагностировал у молодой женщины невриноу слухового нерва, опухоль, которая растет в основании черепа. Она приводит к потере слуха, ослаблению мышц лица и постепенно доходит до паралича конечностей. Пациентка также страдала от частых и очень сильных головных болей.

Опухоль была настолько большой, что, решив ее удалить, консультант сказал пациентке, что не сможет сохранить ни одного черепно-мозгового нерва.

Услышав этот прогноз, я спросил его:

– Вы не будете против, если я попытаюсь применить микроскопическую технику? Если сработает, то, возможно, мне удастся сохранить нервы.

– Я уверен, попытаться стоит.

Хотя эти слова были довольно вежливыми, их истинное значение явственно чувствовалось. Он подразумевал: «Ты, самонадеянный мальчишка, попробуй и с треском провалишься». И я не мог осуждать его.

Операция длилась десять часов без перерыва. Естественно, когда я закончил, то был изнурен, но также и ликовав. Я вырезал опухоль полностью и сохранил черепно-мозговые нервы пациентки. Старший консультант мог сказать ей, что теперь она, скорее всего, полностью восстановится.

Вскоре после операции эта женщина забеременела. Когда ребенок родился, она назвала его в честь консультанта в знак благодарности, поскольку думала, что это он удалил ей опухоль и сохранил нервы. Она не знала, что это я проделал такую тонкую работу. Вообще-то зачастую так и происходит. В Австралии старший ординатор

работает под руководством консультанта, и тот получает благодарность за успешную операцию независимо от того, кто на самом деле ее сделал.

Остальной персонал, конечно же, знал. После операции другие старшие консультанты начали меня уважать. Время от времени кто-нибудь из них приходил ко мне с просьбой: «Слушай, Карсон, ты не мог бы сделать для меня операцию?».

Желая учиться и приобретать больше опыта, я не помню, чтобы отказывался браться за пациента. Из-за этого я был невероятно загружен, далеко не так, как при обычной работе. Меньше чем через два месяца пребывания в стране я проводил две, а то и три краниотомии в день – вскрывал головы пациентам, удалял тромбы и устранял аневризмы.

Чтобы так много оперировать, нужна большая физическая выносливость. Хирурги проводят на ногах у операционного стола часы напролет. Я мог переносить длительные операции, поскольку на практике у доктора Лонга я научился его философии и техникам, которые открывали, как можно продолжать оперировать час за часом, не поддаваясь усталости. Я внимательно наблюдал за тем, что делал Лонг, и был благодарен, что он удалил так много опухолей мозга. Австралийские хирурги не знали этого, но я знал хирургию мозга очень хорошо. Консультанты постепенно давали мне все больше свободы, чем обычно полагалось старшему ординатору. Поскольку я хорошо справлялся и был рад получить больше опыта, вскоре я уже не знал, куда записывать операции в своем плотном графике. Конечно, это не совсем, как конвейер, ведь каждый пациент отличается, но вскоре я стал местным экспертом в этой области.

Спустя несколько месяцев я понял, что у меня была особая причина поблагодарить Бога за то, что Он привел нас в Австралию. За один год там я получил столько хирургической практики, что отточил свои навыки, чув-

ствовал себя высококомпетентным и спокойно работал с мозгом. Вскоре я понял, насколько мудрым решением было провести год в Австралии. Где бы еще я получил такую уникальную возможность делать длительные операции сразу же после интернатуры?

Я занимался многими сложными пациентами, некоторые случаи были просто впечатляющими. И я часто благодарил Бога за опыт и практику. Например, у начальника пожарной охраны Перта была чрезвычайно большая опухоль, затрагивавшая все основные кровеносные сосуды вокруг передней части основания его мозга. Мне пришлось оперировать этого мужчину трижды, чтобы полностью избавиться от опухоли. Течение болезни начальника пожарных было сложным, но в конечном итоге у него все наладилось.

И еще один важный момент: Кэнди родила нашего первого сына Мюррея Недландз Карсона (Недландз – название пригорода, где мы жили) 12 сентября 1983 года.

Не успели мы оглянуться, как год пролетел, и мы с Кэнди начали собираться домой. Что мне делать дальше? Куда идти работать? Вскоре после возвращения мне позвонил заведующий отделением хирургии в госпитале Провидент, Балтимор.

– Бен, вы же не хотите оставаться в госпитале Хопкинса? – спросил он. – С нами вам будет намного лучше.

Госпиталь Провидент предоставлял услуги в основном чернокожим.

– В госпиталь Джонса Хопкинса вам никто не будет направлять пациентов, – сказал заведующий хирургией, – ведь это заведение пропитано расизмом. Вы закончите тем, что зря потратите свои таланты, загубите карьеру в этом расистском учреждении и ничего не добьетесь.

Я подумал: «Возможно, вы правы».

Я выслушал все, что он хотел сказать, но мне нужно было принять решение самостоятельно.

– Спасибо за ваше беспокойство, – сказал я, – я не знал о предубеждениях относительно меня в госпитале Хопкинса, но, может быть, вы правы. И все же мне нужно разобраться самому.

– Вам, возможно, придется пройти через отторжение и боль, чтобы разобраться, – продолжил он.

– Может, вы правы, – повторил я, польщенный тем, как сильно он хотел, чтобы я приехал в Провидент. И все же я знал, что госпиталь Хопкинса был тем местом, где я хотел работать.

Тогда он попробовал другой подход:

– Бен, нам здесь нужен кто-то с вашими способностями. Подумайте, сколько добра вы можете сделать для чернокожих.

– Я ценю предложение и вашу заинтересованность, – сказал я ему.

И это была правда. Я не хотел разочаровывать его и не решался сказать, что я хотел помогать людям разных рас – просто людям. Все, что я сказал:

– Я посмотрю, что будет в следующем году. Если у меня не будет складываться, то я приму ваше приглашение.

Я так больше и не связался с ним.

Я сам не знаю, чего ожидал после возвращения из Австралии в госпиталь Джонса Хопкинса, но никакого предубеждения со стороны других врачей я не увидел, даже наоборот. Спустя несколько недель я начал получать много предложений. Вскоре у меня было так много пациентов, что я не знал, что с ними делать.

После возвращения в Балтимор летом 1984 года я увидел, что другие приняли меня как доктора, компетентного и способного хирурга. Я благодарил Господа за то, что Он благословил меня большим опытом за один год в Австралии, чем у многих врачей за всю их медицинскую практику.

Спустя несколько месяцев после моего возвращения заведующий отделением детской нейрохирургии уволился, чтобы занять место председателя хирургического факультета в Университете Брауна. К тому времени я уже и так делал большинство нейрохирургических операций детям. Доктор Лонг предложил правлению, чтобы я стал новым заведующим этим отделением.¹⁸

Он сказал правлению, что, хотя мне было только 33 года, но у меня уже был большой опыт и бесценные способности. «Я уверен, что Бен Карсон может делать эту работу», – пересказал он мне позже свои слова.

Ни один из членов правления этого «расистского учреждения» не протестовал.

Когда доктор Лонг сообщил мне о назначении, радости моей не было предела! Также я чувствовал глубокую благодарность и признательность. Я днями повторял себе: *«Я не могу поверить, что это случилось»*. Думаю, я был похожим на ребенка, чья сокровенная мечта только что исполнилась. *«Посмотрите на меня, вот я – заведующий отделением детской нейрохирургии в госпитале Джонса Хопкинса в 33 года. Неужели это происходит со мной?»*

Окружающие тоже не могли в это поверить. Родители привозили к нам в отделение нейрохирургии тяжелобольных детей, часто преодолевая большие расстояния. Когда я входил в кабинет, многие из них смотрели на меня и спрашивали:

– А когда придет доктор Карсон?

– Он уже здесь, – отвечал я с улыбкой, – я и есть доктор Карсон.

Забавно было наблюдать, как они пытаются скрыть свое удивление. Я не знал, насколько это удивление вызвано тем, что я чернокожий или что молодой, скорее всего, это было и то и другое.

¹⁸ Моя официальная должность – доцент нейрохирургии, заведующий отделением детской нейрохирургии в госпитале при Университете Джонса Хопкинса.

Как только мы обменивались приветствиями, я начал беседовать о проблеме их ребенка. К концу консультации они осознали, что я знал, о чем говорю. Никто никогда от меня не уходил.

Однажды, когда я собирался делать одной малышке шунтирование, ее бабушка спросила:

– Доктор Карсон, а вы уже делали такое раньше?

– Нет, – ответил я с непроницаемым лицом, – но я очень хорошо умею читать. У меня много медицинских книжек, и я беру их с собой в операционную.

Она смущенно рассмеялась, понимая, как глупо прозвучал ее вопрос.

– Вообще-то, – шутливо продолжил я, – я сделал приблизительно тысячу таких операций. Иногда по 300 в неделю.

Я сказал это с улыбкой, потому что не хотел, чтобы ей было неловко.

Тогда она рассмеялась, понимая по выражению моего лица и тону голоса, что я все еще подшучивал над ней.

– Думаю, – сказала она, – поскольку занимаете эту должность, то, должно быть, вы хороши.

Она меня не обидела. Я знал, что она сильно любила свою внучку и хотела быть уверена, что ребенок в хороших руках. Я предположил, что на самом деле она говорила: «Вы выглядите, как будто еще не поступили в медицинский университет». После нескольких подобных бесед я настолько привык к такой реакции, что начал даже ожидать ее.

Чаще всего негативную реакцию я получал от чернокожих пациентов, в частности, от старших. Они не могли поверить, что я – заведующий отделением детской нейрохирургии, или считали, что я не заслужил этой должности. Сначала они подозрительно смотрели на меня, размышляя, а не дали ли мне должность случайно, просто из-за политики «равенства и братства». В таком

случае, предполагали они, я, наверное, не особо знал свое дело. Однако спустя несколько минут консультации они расслаблялись, и улыбки на их лицах говорили мне, что я получил одобрение.

Как ни странно, с белыми пациентами, даже теми, в которых я четко видел предубежденность, было легче работать. Я мог наблюдать, как усиленно работает их мозг, но в конечном итоге они приходили к выводу: *этот парень, должно быть, очень хорош, если занимает такую должность.*

Сегодня я уже не сталкиваюсь с такой проблемой, поскольку большинство пациентов знает, кто я и как выгляжу, еще до визита. Но это было довольно забавно. Теперь проблема противоположна, поскольку я известен в своей сфере и многие говорят: «Но мы хотим оперироваться только у доктора Карсона. Мы не хотим никого другого». Следовательно, мой график операций заполнен на месяцы вперед.

У меня есть право отказаться от пациентов, и, конечно же, мне приходится это делать. Порой необходимо говорить «нет», ведь я, естественно, не могу делать все операции. Также я считаю, что нужно спрашивать других врачей, не хотели бы они взяться за это. Я бы никогда не получил тех навыков, что имею сегодня, если бы другие хирурги не хотели передать мне интересные и бросающие вызов случаи.

Спустя год после моего назначения в госпитале Джонса Хопкинса мне попался один из самых трудных, но интересных случаев в моей жизни. Ни маленькая девочка по имени Маранда, ни я не знали, какое влияние она окажет на мою карьеру. Результаты ее лечения также оказали мощное влияние на отношение профессиональной медицины к одному спорному оперативному вмешательству.

ДЕВОЧКА ПО ИМЕНИ МАРАНДА

— Только в вашем госпитале мы наконец получили реальную надежду, — сказала Терри Франциско. Она с трудом сдерживала дрожь в голосе. — Мы обращались ко многим врачам и во множество больниц, но они лишь говорили, что ничего не могут сделать для нашей дочери. Пожалуйста, пожалуйста, помогите нам.

Прошло три кошмарных года, и по мере того как месяцы сливались в годы, страх превратился в отчаяние. В отчаянии, что ее дочь может скоро умереть, миссис Франциско позвонила доктору Джону Фриману в госпиталь Хопкинса.

В 1985 году, когда я впервые встретился с темно-волосой Марандой Франциско, я и подумать не мог, какое влияние она окажет на направление моей карьеры: Маранде я сделал свою первую гемисферэктомию¹⁹ (удаление одного полушария мозга).

¹⁹ Процедуру, известную как гемисферэктомия, впервые попробовал сделать доктор Уолтер Дэнди, один из первых нейрохирургов госпиталя Джонса Хопкинса, около 50 лет назад. В истории нейрохирургии фигурируют три наиболее выдающихся имени: Харви Кушинг, Уолтер Дэнди и А. Эрл Уолкер. Они последовательно замещали друг друга на посту заведующего отделением нейрохирургии в госпитале Хопкинса в конце 80-х годов.

Хотя она родилась здоровой, первый генерализированный эпилептический припадок случился с Марандой Франциско в 18 месяцев, это были характерные эпилептические конвульсии, которые мы иногда называем электрическим штормом в мозге. Двумя неделями позже Маранда пережила второй припадок, и врач прописал ей антиконвульсивный препарат.

К ее четвертому дню рождения припадки случались все чаще. Они также изменились, внезапно начав затрагивать только правую часть тела. Девочка не теряла сознания, припадки были фокальными (полугенерализованными); возникая в левом полушарии ее мозга, они нарушали работу только правой части тела. После каждого припадка правая сторона тела Маранды настолько ослабевала, что она не могла нормально разговаривать в течение двух часов. В то время, когда я ознакомился с ее ситуацией, у Маранды случалось до 100 припадков в день с частотой раз в три минуты, вследствие чего правая часть ее тела становилась недееспособной. Приступ начинался с подергивания правого уголка рта, затем начинала дрожать вся правая часть лица, а за ней — правая рука и нога, пока вся правая часть тела не начинала бесконтрольно дергаться и в конце не ослабевала.

Дэнди попробовал сделать гемисферэктомию пациенту с опухолью, и тот умер. С 1930 по 1940 год ряд хирургов начал делать такую операцию, однако побочные эффекты и смертность вследствие операции были настолько высоки, что гемисферэктомию признали нецелесообразным хирургическим вмешательством. В 1950 году гемисферэктомию начали снова рассматривать как возможную меру при детской гемиплегии, вызывающей припадки. Опытные нейрохирурги снова начали делать эту операцию, опираясь теперь уже на помощь электроэнцефалографа, и, как оказалось, у многих пациентов аномальная электрическая активность была только в одном из полушарий мозга. Хотя результаты предыдущих гемисферэктomий были неутешительными, хирурги думали, что теперь у них получится лучше, а осложнений будет меньше. Итак, они пытались и сделали около 300 таких операций. Но процент осложнений и смертности снова был довольно высок. Многие пациенты просто истекали кровью на операционном столе, у не-

«Она не могла есть», – сказала нам ее мать и наконец перестала позволять дочери пытаться это делать. Опасность, что девочка подавится, была слишком велика, поэтому ее начали кормить через назогастральный зонд. Хотя судороги затрагивали только правую часть тела, Маранда начинала забывать, как ходить, говорить, есть и учиться, и ей постоянно требовались лекарства. Как написал в своем очерке в «Вашингтон Пост» Дон Колберн, Маранда «проживала свою жизнь в короткие интервалы между припадками». Только во сне она могла отдохнуть от судорог. Когда приступы стали усугубляться, родители Маранды начали водить ее от врача к врачу и получали разные диагнозы. Несколько врачей ошибочно поставили ей диагноз: умственная отсталость и эпилепсия. Каждый раз, когда семья обращалась к следующему врачу или в новую клинику с надеждой, они уходили разочарованными. Они пробовали лекарства, диеты и, по рекомендации одного из врачей, по чашке крепкого кофе дважды в день.

– Моя дочь была на 35 разных лекарственных препаратах в какой-то период, – сказала Терри. – Часто ей давали такую дозу, что она меня не узнавала.

И все же Луис и Терри Франциско отказались терять надежду на излечение своего единственного ребенка. Они задавали вопросы, читали всю литературу, какую могли достать. Луис Франциско был менеджером в су-

которых развивалась гидроцефалия или же оставались сильнейшие неврологические повреждения, вследствие которых они либо умирали, либо становились физически недееспособными.

Однако в 1940 году Теодор Расмуссен, доктор из Монреаля, открыл кое-что новое о том недуге, которым была больна и Маранда. Он обнаружил, что болезнь поражает только одно полушарие мозга и заставляет страдать противоположную сторону тела (поскольку левая часть тела практически полностью находится под контролем правого полушария и наоборот). Врачи до сих пор не могут понять, почему воспаление локализуется только в одном полушарии мозга и не распространяется на второе. Расмуссен, считавший гемисферэктомию эффективным методом, продолжал делать такие операции, когда все отказались.

В 1985 году, когда я заинтересовался гемисферэктомией, доктор Расмуссен делал их все реже и сталкивался с малым количеством проблем. Я предположил

пермаркете, поэтому доход у них был средним, но их это не останавливало.

– Если есть на земле место, где Маранде могут помочь, мы найдем его, – говорили они.

Зимой 1984 года родители Маранды наконец узнали название заболевания своей дочери. Доктор Томас Рейли из Центра детской эпилепсии при Детской больнице в Денвере, проконсультировавшись с другим детским неврологом, предположил возможное объяснение: энцефалит Расмуссена, чрезвычайно редкое воспалительное заболевание тканей головного мозга. Болезнь прогрессирует медленно, но непрерывно.

Если диагноз был верным, Рейли знал, что времени было мало. Энцефалит Расмуссена постепенно приводит к полному параличу половины тела, умственной отсталости, а затем смерти. Только операция на мозге давала возможность спасти Маранду. Врачи из Денвера ввели ребенка в искусственную кому на 17 часов, надеясь, что, как только активность мозга полностью остановится, приступы прекратятся. Когда они разбудили Маранду, у нее тут же снова начались судороги. Это по крайней мере показало им, что причиной ее эпилепсии были не сбои электрических импульсов в мозге, а прогрессирующее ухудшение. Это еще больше свидетельствовало в пользу Расмуссена.

Рейли договорился о постановке диагноза в медицинском центре Калифорнийского университета в Лос-двух причины высокого количества неудачных исходов этой операции ранее. Во-первых, врачи выбирали больных, которым не подходило такое оперативное вмешательство, поэтому исход был плачевным. Во-вторых, тем врачам не хватало опыта и умений. Гемисферэктомию снова впала в немилость. Эксперты решили, что эта операция была, возможно, страшнее самой болезни, поэтому разумнее и гуманнее не браться за подобное.

По сей день никто не знает причин возникновения этого болезнетворного процесса. Эксперты лишь предполагают возможные причины: последствия инсульта, врожденная аномалия, низкоклеточная опухоль или же один из наиболее часто встречаемых вариантов - вирус. Доктор Джон М. Фриман, заведующий детской неврологией в госпитале Хопкинса, сказал: «Мы не уверены, что причиной является вирус, хотя это заболевание оставляет следы, как он».

Анджелесе, ближайшем госпитале, где был опыт лечения Расмуссена. Биопсия мозга подтвердила диагноз. Затем семья Франциско получила самый жестокий удар:

– Это неоперабельно, – сказали им врачи, – мы ничего не можем сделать.

На этом история Маранды могла бы закончиться, если бы не ее упорные родители. Терри Франциско хваталась за любую возможность, какую могла найти. Как только она узнавала о ком-то, кто был экспертом в области судорожных припадков, она связывалась с ним. Если же тот человек не мог ей помочь, она спрашивала:

– А вы знаете кого-нибудь еще? Кто бы мог нам хоть как-нибудь помочь?

Наконец кто-то посоветовал ей связаться с доктором Джоном Фриманом из госпиталя Джонса Хопкинса, поскольку у него была вполне заслуженная репутация хорошего специалиста в области судорожных припадков. Терри Франциско объяснила все по телефону заведующему отделением детской неврологии. Когда она договорила, то услышала самые воодушевляющие слова за последние месяцы.

– Похоже, у Маранды есть все шансы на проведение гемисферэктомии, – сказал доктор Фриман.

– Вы серьезно? Вы думаете... что можете ей помочь? – спросила она, боясь сказать слово «вылечить» после стольких разочарований.

– Я думаю, есть хорошие шансы, – сказал он, – пришлите мне ее медицинскую карту, компьютерные томограммы и все, что у вас есть.

Джон работал в госпитале при Стэндфордском университете, пока гемисферэктомия не впала в немилость. Хотя сам он ни одной не провел, однако знал о двух успешных гемисферэктомиях и был убежден, что они являются целесообразными хирургическими вмешательствами.

Едва смея надеяться, мать Маранды сделала копии всех результатов анализов, которые у нее были, и отпра-

вила их в тот же день. Когда Джон Фриман получил материал, он внимательно все изучил, а затем пришел ко мне.

– Бен, – сказал он, – я бы хотел, чтобы вы на это взглянули.

Он протянул мне результаты анализов, дал время тщательно с ними ознакомиться, а затем сказал:

– Существует такая процедура – гемисферэктомия, о которой, думаю, вы никогда не слышали...

– Я слышал о ней, – сказал я, – но я, конечно, никогда не делал такого.

Я слышал о ней совсем недавно. Когда в поисках определенных материалов я перелистывал медицинский журнал, то увидел материал по гемисферэктомии и бегло просмотрел его. Эта информация не была особо оптимистичной относительно такой операции.

– Я верю, что гемисферэктомия могла бы спасти этого ребенка, – сказал мне доктор Фриман.

– Вы действительно настолько уверены в этой процедуре?

– Да, – он поймал мой взгляд, – как думаете, сможете ли вы сделать этой девочке гемисферэктомию? – спросил он.

Пока я раздумывал, как ответить, Джон изложил мне логическое обоснование своей уверенности в том, что такое хирургическое вмешательство можно провести без тяжелых последствий.

– Звучит резонно, – ответил я, радуясь такой сложной задаче. Тем не менее я не собирался бросаться сломя голову в новый вид хирургии, не узнав о ней больше, да и Джон Фриман этого бы не хотел.

– Давайте я возьму определенную литературу, прочитаю и потом уже дам вам окончательный ответ.

Начиная с того дня, я читал статьи и научные публикации, в которых детально описывались проблемы, вызывающие высокий уровень осложнений и смертности. Затем я много размышлял об этой процедуре, изучал снимки КТ Маранды и другие результаты анализов. Наконец я мог сказать:

– Джон, я не уверен, но, думаю, это возможно. Позвольте мне еще немного это обдумать.

Мы с Джоном поговорили и продолжили изучать записи в медкарте, и наконец он позвонил семье Франциско. Мы оба пообщались с миссис Франциско и объяснили, что рассматриваем проведение гемисферэктомии. Мы не давали женщине никаких гарантий, и она это понимала.

– Привезите ее к нам на осмотр, – сказал я, – только тогда мы сможем дать вам окончательный ответ.

Я очень хотел познакомиться с Марандой и был рад, когда спустя несколько недель ее родители привезли ее в госпиталь Джонса Хопкинса для более тщательного обследования. Я помню, что подумал о том, какая же она красивая и как грустно мне было, что этот ребенок болен. Маранде было четыре года, она была из Денвера или, как она сама говорила: «Я из Денверадо».

После обширного обследования, многочисленных консультаций с Джоном Фриманом и несколькими другими специалистами я наконец был готов сообщить им о своем решении. Отец Маранды улетел домой, потому что ему нужно было работать, так что я провел встречу с Терри Франциско.

– Я хочу сделать гемисферэктомию, – сказал я ей, – но вы должны знать, что я ни разу не делал такую операцию. Важно, чтобы вы понимали...

– Доктор Карсон, делайте все... все, что возможно. Все остальные отказались.

– Это опасная операция. Маранда может даже умереть на операционном столе, – я довольно легко произнес эти слова, но почувствовал, как ужасно они, должно быть, прозвучали для матери. И все же я считал, что необходимо рассказать ей обо всех возможных негативных последствиях. – У нее могут возникнуть значительные осложнения, включая сильное повреждение мозга, – я продолжал говорить спокойно, не желая напугать женщину и в то же время не желая дать ей ложную надежду.

Миссис Франциско посмотрела мне в глаза.

– А если мы не согласимся на эту операцию, что будет с Марандой?

– Ей станет хуже, и она умрет.

– Тогда выбор не так уж велик, не так ли? Если для дочери есть шанс... пусть даже маленький... – на ее искреннем лице ясно читались эмоции, которые она испытывала, подходя к нелегкому решению, – да, пожалуйста, оперируйте.

Согласившись на операцию, Терри и Луис поговорили со своей дочерью. Терри показала Маранде на кукле, где я буду разрезать ее голову, и даже нарисовала эти линии.

– А еще у тебя потом будет короткая стрижка.

Маранда захихикала. Ей понравилась эта идея.

Убедившись, что ее дочь поняла достаточно для своего возраста, Терри сказала:

– Милая, если ты хочешь что-то особенное после операции, скажи мне.

Карие глазки Маранды смотрели на лицо матери.

– Чтобы приступы прошли.

Терри обняла дочь со слезами на глазах. Она так крепко обняла ее, словно боялась отпустить.

– Мы тоже этого хотим, – сказала она.

Вечером перед операцией я зашел в детскую игровую. Мистер и миссис Франциско сидели на краю площадки для игр, которая очень нравилась детям. В другом конце комнаты стоял маленький жираф на колесах, на полу были разбросаны машинки. Кто-то усадил мягкие игрушки в ряд у стены. Миссис Франциско спокойно и радостно со мной поздоровалась. Я был поражен ее спокойствием и тем, как светились ее глаза. Ее умиротворенность ободрила меня, значит, она была спокойна и готова принять все, что бы ни случилось. Маранда играла с какими-то игрушками неподалеку.

Хотя я и предупредил родителей о возможных осложнениях, когда они давали согласие, я хотел убедиться, что

они отдают себе полный отчет в своих действиях. Я сел на край площадки для игр рядом с парой и обстоятельно, не спеша, описал каждую фазу операции.

– Вы, конечно же, уже получили информацию о том, что нам будет нужно сделать, – сказал я, – ведь вы поговорили с детским невропатологом. По нашим предположениям операция продлится около пяти часов. Существует большая вероятность, что Маранда может истечь кровью и умереть на столе. Есть вероятность, что она останется парализованной и не сможет больше говорить. Существует множество вероятностей кровотечения, заражения и других неврологических осложнений. С другой стороны, все может пройти очень хорошо и у нее больше не будет припадков. Не существует хрустального шара, с помощью которого можно предсказать будущее.

– Спасибо, что разъяснили все, – сказала миссис Франциско, – я понимаю.

– Вам нужно знать еще кое-что, – добавил я. – Я бы хотел, чтобы вы понимали, что если мы ничего не сделаем, то ее состояние будет ухудшаться до тех пор, пока она не окажется прикованной к больничной койке. А затем она умрет.

Терри кивнула, не решаясь говорить в преизбытке чувств, но я понял, что она полностью осознала все, что я сказал.

– Риск для Маранды осложняется еще и тем, – продолжил я, – что пораженный участок находится с левой стороны, а это ее доминирующее полушарие мозга (у большинства правшей левое полушарие отвечает за речь, язык и координацию движений правой стороны тела). Я хочу подчеркнуть, – сказал я и остановился, желая увериться, что они хорошо меня понимают, – основной риск, даже если девочка переживет операцию, состоит в том, что она может потерять способность говорить или же у нее будет парализована правая сторона. Я хотел бы, чтобы вы четко осознавали, на какой риск идете.

– Доктор Карсон, мы знаем, какой это риск, – сказал Луис, – чему быть, того не миновать. Это наш единственный шанс, доктор Карсон. Иначе она может умереть в любой момент.

Я поднялся и сказал родителям:

– А теперь у меня есть для вас домашнее задание. Я даю его всем пациентам и членам семьи перед операцией.

– Все что угодно, – сказала Терри.

– Все, что пожелаете, – сказал Луис.

– Помолитесь. Я думаю, это действительно помогает.

– О да, да, – сказала Терри и улыбнулась.

Я всегда говорю это родителям, поскольку сам в это верю, и еще не было тех, кто бы со мной не согласился. Хотя я и стараюсь уклоняться от дискуссий на тему религии с пациентами, однако люблю напоминать им о том, что Бог в Своей любви присутствует с нами. Я думаю, нескольких слов вполне достаточно.

Я немного нервничал, возвращаясь домой тем вечером, думая о предстоящей операции и возможной трагедии. Я говорил об этом с доктором Лонгом, который сказал, что однажды проводил гемисферэктомию. Шаг за шагом я разобрал с ним эту процедуру. Только позже я осознал, что не спросил его, была ли та единственная операция успешной.

С Марандой могло случиться так много всего плохого, но годами ранее я пришел к выводу, что Господь никогда не заставит меня пройти через то, из чего Он не сможет меня вывести, так что я не собирался тратить время на переживания. Я решил для себя, что если кто-то умрет, если мы ничего не сделаем, то мы ничего не теряем, если попытаемся. Нам действительно не было чего терять в случае Маранды. Даже если бы мы не провели гемисферэктомию, смерть была неизбежной. Мы по крайней мере давали шанс на жизнь красивой маленькой девочке.

– Боже, если Маранде суждено умереть, пусть умрет, но мы хотя бы сделаем для нее все возможное, – с этой мыслью я успокоился и лег спать.

РАЗБИТОЕ СЕРДЦЕ

В некотором смысле я шел к тому, чтобы снова ввести в практику спорное хирургическое вмешательство, если все пройдет успешно. Хирурги отмечали так мало случаев полного функционального восстановления, что большинство врачей не считали гемисферэктомии приемлемой.

Я собирался приложить все усилия и шел на операцию, прояснив два момента. Во-первых, если бы я не прооперировал ее, Маранде Франциско стало бы хуже и она бы умерла. Во-вторых, я сделал со своей стороны все, чтобы подготовиться к этой операции, и теперь мог вручить ее исход в руки Божьи.

Ассистировать я попросил доктора Невилла Наки, одного из наших старших ординаторов, с которым познакомился в Австралии. Невилл приехал в госпиталь Джонса Хопкинса в аспирантуру, и я считал его чрезвычайно способным.

С самого начала операции у нас возникли проблемы, поэтому вместо ожидаемых пяти часов мы пробыли в операционной ровно в два раза больше. Нам требовалось много крови для переливания. Мозг Маранды был сильно воспален, и чего бы ни коснулся скальпель, у нее начиналось кровотечение. Эта операция была не только

длительной, но и одной из самых сложных, которые я когда-либо делал.

А началось все просто – с разреза скальпа. Ассистирующий хирург убрал кровь ручным отсосом, пока я прижигал маленькие сосуды один за другим, а по краям разреза были наложены зажимы, чтобы он не закрывался. В маленькой операционной было прохладно и тихо.

Затем я сделал надрез глубже, рассекая последующие слои мягких тканей черепа, и снова маленькие сосуды были коагулированы, а трубка отсоса убрала кровь.

Я просверлил шесть отверстий, каждое размером с пуговицу на рубашке, в черепе Маранды. Они образовывали полукруг, который начинался перед ее левым ухом, изгибался вдоль черепа вверх и вниз за ухом. Каждое отверстие было заполнено очищенным пчелиным воском, чтобы предотвратить костное кровотечение и смягчить вибрацию от пилы. Затем я соединил их при помощи пневматической дрели в одну линию и поднял левую часть черепа Маранды, чтобы открыть мозг с его оболочкой.

Мозг был набухшим и аномально твердым, что усложняло операцию. Анестезиолог ввел ей через капельницу препарат для уменьшения отека. Затем Невилл ввел тонкий катетер в мозг к центру головы, в желудочковую систему откуда откачивал лишнюю жидкость.

Медленно и осторожно я сантиметр за сантиметром на протяжении восьми утомительных часов удалял левое полушарие мозга Маранды. Маленькие хирургические инструменты двигались осторожно, по миллиметру отделяя ткань от жизненно важных кровеносных сосудов, стараясь не затрагивать и не повредить остальные незащищенные части ее мозга. Большие вены вдоль основания мозга обильно кровоточили, пока я искал плоскость – тонкую линию, разделяющую мозг и сосуды. Особенно нелегко было отделять мозг от вен, которые снабжали ее маленькое тело жизнью.

Во время операции Маранда потеряла почти пять литров крови. Мы перелили около двух объемов ее крови. На протяжении этих долгих часов медсестры сообщали родителя Маранды обо всем, что происходило. Я подумал о том, как они ждут и волнуются. Когда в мыслях я обращался к Богу, я благодарил Его за мудрость и то, что Он направлял мои руки.

Наконец мы закончили. Череп Маранды был закрыт крепкими нитями. Мы с Невиллом отошли. Операционная медсестра забрала у меня из рук последний инструмент. Я позволил себе роскошь расправить плечи и покрутить головой. Мы с Невиллом и остальные члены бригады знали, что успешно удалили левое полушарие мозга Маранды. «Невыполнимое» было выполнено. *«Что будет теперь?»* – думал я.

Мы не знали, прекратятся ли припадки. Мы не знали, будет ли Маранда ходить и говорить снова. Все, что мы могли сделать, – это ждать и наблюдать. Мы с Невиллом отошли, пока медсестры убирали стерильные простыни, а анестезиолог отсоединял различные приборы, показывавшие жизненные показатели Маранды. Ее отключили от аппарата искусственной вентиляции легких, и она начала дышать сама.

Я пристально следил за малышкой, ожидая любого целенаправленного движения. Их не было. Она слегка пошевелилась, очнувшись в операционной, но не откликнулась, когда медсестра позвала ее по имени. Девочка не открыла глаз. *«Еще рано, – подумал я, бросая взгляд на Невилла. – Рано или поздно она очнется».* Но очнется ли? Мы не могли знать этого точно.

Семья Франциско провела более десяти часов в комнате ожидания для семей пациентов хирургии. Они отказывались от предложения выйти, чтобы выпить воды или прогуляться, оставаясь там, молясь и надеясь. Эти комнаты уютные, они обставлены в светлой гамме. По-

всюду лежат журналы, книги, даже пазлы, чтобы помочь скоротать время. Но, как сказала мне позже одна из медсестер, когда наступило утро, супруги Франциско совсем затихли. Застывшее выражение обеспокоенности на их лицах говорило само за себя.

Я сопровождал каталку Маранды из операционной. Она выглядела такой маленькой и уязвимой под бледно-зеленой простыней, когда санитарка везла ее по коридору в отделение детской реанимации и интенсивной терапии. С шеста на каталке свисала капельница. Глазки девочки опухли после пребывания под анестезией на протяжении 10 часов. Смещение жидкости в ее организме нарушило работу лимфосистемы и вызвало отек. Из-за того, что у нее в горле была респираторная трубка на протяжении 10 часов, губки Маранды сильно распухли, а лицо выглядело жутко.

Семья Франциско, чутко прислушиваясь к каждому звуку, услышала скрип каталки в коридоре и выбежала нам навстречу.

– Подождите, – мягко окликнула Терри. Она была бледной, а глаза у нее покраснели. Подойдя к каталке, она склонилась и поцеловала свою дочь.

Веки Маранды задрожали и на секунду приоткрылись.

– Я люблю вас, мамуля и папуля, – сказала она.

Терри расплакалась от счастья, а Луис утер глаза ладонью.

– Она заговорила! – вскрикнула медсестра. – Она заговорила!

А я просто стоял там, удивленный и восхищенный, молча разделяя с ними тот невероятный момент.

Мы надеялись на выздоровление, но ни один из нас подумать не мог, что она так быстро придет в сознание. Я мысленно поблагодарил Бога за возвращение жизни этой прекрасной маленькой девочке. Внезапно у меня перехватило дух от изумления, когда до моего сознания дошла значимость их разговора.

Маранда открыла глаза. Она узнала своих родителей. Она говорила, слышала, думала, реагировала.

Мы удалили левую половину ее мозга, доминантную часть, которая контролирует речевой центр. И тем не менее Маранда говорила! Она была немного беспокойной, ей было неудобно на узкой каталке, и она вытянула правую ножку, пошевелила правой ручкой – стороной, которая контролировалась той половиной мозга, которую мы удалили!

Новость пронеслась по коридору, и весь персонал, включая дежурных медсестер и санитарок, подбежал к нам, чтобы увидеть это своими глазами.

– Невероятно!

– Разве это не чудесно?

Я даже услышал, как одна женщина сказала:

– Слава Господу!

Успех операции был чрезвычайно важен для Маранды и ее семьи, но мне и в голову не приходило, что это было достойно освещения в прессе. Хотя это было большим достижением, я считал его неизбежным. Если бы я не достиг успеха, то со временем это сделал бы другой нейрохирург. Тем не менее все думали, что это важный материал для новостей. Начали приходить и звонить репортеры, желавшие сделать фото и получить информацию. Дон Колберн из Вашингтона взял у меня интервью и написал длинную, чрезвычайно точную передовую статью, подробно описывая операцию и следуя за семьей дальше. Телепередача *Evening Magazine* (в некоторых регионах ее называли *PM Magazine*) сняла серию из двух частей о гемисферэктомиях.

Впоследствии у Маранды возникла инфекция, но мы быстро устранили ее антибиотиками. Девочка продолжала выздоравливать и отлично справлялась. После операции в августе 1985 года исполнилось единственное жела-

ние Маранды: у нее больше не было припадков. Однако у нее все же недостаточно хорошо работают пальцы правой руки и она слегка прихрамывает, но до операции хромала сильнее. Сейчас девочка берет уроки чечетки.

Маранда участвовала в шоу Фила Донахью. Продюсеры хотели, чтобы там был и я, но я отказался по нескольким причинам. Во-первых, я беспокоюсь о том, какое произвожу впечатление. Я не хочу становиться персоной шоу-бизнеса или быть известным как «звездный» доктор. Во-вторых, я знаю о том, насколько коварны все эти приглашения, признания и восхищение на телевидении. Основная их опасность в том, что если ты достаточно часто слышишь, какой ты прекрасный, то начинаешь верить в это, как бы ни старался этому сопротивляться.

В-третьих, хотя я сдал письменную часть экзамена на получение сертификата нейрохирурга, я еще не сдал устную. На устном экзамене кандидаты садятся перед комиссией нейрохирургов и те целый день задают всевозможные вопросы. Здравый смысл подсказал мне, что вряд ли они хорошо отнесутся к тому, кого будут считать медийной личностью. Я посчитал, что больше потеряю от появлений на ток-шоу, чем приобрету, поэтому отказался.

В-четвертых, я не хотел вызывать зависть у других профессионалов, чтобы потом мои коллеги не говорили: «А, это тот мужчина, который считает, что он лучший доктор в мире». Такое случалось с другими хорошими врачами из-за их появления в СМИ.

Я поговорил с Джоном Фриманом об этих публичных выступлениях, поскольку он тоже был причастен к делу. Джон старше меня, уже заслуженный профессор и человек, которого я высоко ценю и уважаю.

– Джон, – сказал я, – вам никто не сможет ничего сделать, и не важно, что может подумать о вас какой-нибудь завистливый врач. Вы заслужили свою репутацию, и вас уже уважают. Почему бы вам не пойти?

Джон не горел особым желанием появляться на телевидении, но он понимал мои мотивы.

– Хорошо, Бен, – сказал он.

Он пошел на шоу Донахью и объяснил, как проводилась гемисферэктомия.

Хотя это была моя первая встреча с медиа, я старался избегать определенных видов освещения в СМИ: по телевидению, радио и в прессе. Каждый раз, когда со мной связываются представители медиа, я внимательно изучаю предложение, прежде чем решить, достойное ли оно. «Какова цель этого интервью?» – вот основной вопрос, на который я хочу получить ответ. Если ключевым моментом является разрекламировать меня или же сделать развлекательный материал, я говорю им, что не хочу иметь с этим дела.

Маранда хорошо справляется без левой половины мозга благодаря феномену, который мы называем феноменом пластичности. Мы знаем, что две половины мозга не разделены строго пополам, как считалось раньше. Хотя у обеих различные функции: одна половина в основном отвечает за языковые способности, а вторая – за художественные, но в мозге детей происходит значительное взаимное наложение. Благодаря пластичности функции, которыми управляла одна группа клеток мозга, перенимаются другой группой клеток. Никто не понимает до конца, как именно это работает.

Моя теория, с которой соглашаются несколько других коллег из нашей области медицины, заключается в том, что когда люди рождаются, у них есть недифференцированные клетки, которые еще не превратились в то, чем должны стать. Как я иногда говорю: «Они еще не выросли». Если что-то случается с уже дифференцированными клетками, у этих неопределенных клеток еще есть способность измениться и заменить те, которые были уничтожены, а также перенять их функцию. По мере нашего взросления эти

мультипотентные, или тотипотентные, клетки дифференцируются сильнее, и потому остается меньше тех из них, которые могут измениться во что-то другое.

К моменту достижения ребенком 10-12 лет большинство этих потенциальных клеток уже сделало свою работу и они больше не могут переключать функции одной области мозга на другую. Вот почему пластичность работает только у детей.

Тем не менее я смотрю не только на возраст пациента, но также принимаю во внимание время возникновения болезни. К примеру, из-за трудноизлечимых припадков я сделал гемисферэктомию 21-летней Кристине Хатчинз.

В случае Кристины припадки начались, когда ей было семь, и прогрессировали медленно. Я теоретически предположил – и это оказалось верным, – поскольку ее мозг медленно разрушался с семилетнего возраста, были шансы, что многие из функций переключались в ходе этого процесса. Хотя она и была старше других моих пациентов, мы решили сделать гемисферэктомию.

Сейчас Кристина вернулась в школу, и ее средний балл аттестата – 3,5 (по четырехбалльной шкале).

Двадцать один пациент из двадцати двух прооперированных мной были женщины или девочки. Я не могу объяснить этот факт. Теоретически не доказано, что опухоли мозга у женщин случаются чаще. Я думаю, это случайность, и с течением времени показатели сравняются.

Кэрол Джеймс, моя помощница и правая рука, часто дразнит меня, говоря: «Это все потому, что женщинам достаточно и одной половины мозга, чтобы думать так же хорошо, как мужчины. Поэтому ты можешь делать эту операцию такому множеству женщин».

Я подсчитал, что у 95 % детей после гемисферэктомии больше не случаются припадки. У остальных 5 % случа-

ются, но изредка. Более 95 % улучшили умственные способности, ведь они больше не страдают от постоянных атак приступов и им не нужно принимать много лекарств.

Я сказал бы, что 100 % их родителей довольны. Конечно же, когда родители довольны результатом, нам тоже становится светлее на душе.

Сейчас гемисферэктомию все больше принимают. Ее начинают делать и в других больницах. К примеру, я знаю, что к концу 1988 года хирурги в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе сделали по крайней мере шесть таких операций. Насколько я знаю, я сделал больше, чем кто-либо из активно практикующих врачей (доктор Расмуссен еще жив, но уже не практикует).

Одной из основных причин наших высоких показателей успешности в госпитале Хопкинса является то, что у нас здесь тот уникальный случай, когда детская неврология и нейрохирургия сообща работают чрезвычайно хорошо. В отличие от того, что я несколько раз наблюдал в Австралии, в нашей ситуации мы не зависимы от какого-то «светила» медицины. В тот год за границей я заметил, что многие консультанты не были заинтересованы в том, чтобы кто-то другой преуспевал, поэтому казалось, что их подчиненные не всегда прилагали все усилия.

Также я высоко оцениваю совместную работу в нашем отделении детской интенсивной терапии. На самом деле эта общность распространяется на каждого участника нашей программы здесь, включая офисный персонал. Мы – друзья, мы хорошо вместе работаем, мы посвящаем себя облегчению боли, а еще нас волнуют проблемы друг друга.

Мы – команда, и Бен Карсон – всего лишь ее часть.

Только один из всех прооперированных мною пациентов умер после гемисферэктомии. После этого я сделал еще приблизительно тридцать. Самым маленьким ребенком,

которому я делал эту операцию, была трехмесячная Кери Джойс. Операция проходила нормально, однако после нее у девочки было сильное кровотечение из-за недостатка тромбоцитов в крови. Это повлияло на оставшееся здоровое полушарие, но как только проблема была решена, девочка начала выздоравливать и у нее больше не было припадков.

Наиболее болезненным в эмоциональном плане для меня был случай Дженнифер.²⁰

Первую операцию мы сделали, когда ей было пять месяцев.

У Дженнифер были ужасные припадки, и ее бедная мать была очень подавлена. Приступы начались спустя всего несколько дней после рождения.

После электроэнцефалограмм, КТ, МРТ и других обычных процедур мы обнаружили, что аномальная активность происходит в основном в задней части правого полушария малышки Дженнифер. Тщательно все изучив, я решил удалить только заднюю часть.

Операция казалась успешной. Девочка восстановилась быстро, а частота припадков существенно снизилась. Малышка начала реагировать на наши голоса и набиралась сил.

Однако приступы начались снова. Второго июля 1987 года я снова ее прооперировал и удалил все правое полушарие. Операция прошла легко и без проблем. Маленькая Дженнифер очнулась и могла шевелить всеми частями тела.

Операция заняла всего восемь часов, намного меньше, чем у многих других. Но я думаю, поскольку ей было всего 11 месяцев, эта работа вымотала меня намного больше, чем обычно. Покидая операционную, я был сильно изможден, что для меня большая редкость.

Вскоре после операции я поехал домой, дорога занимала 35 минут. За три километра до дома у меня начал пиджер. Хотя причин для этого сигнала о срочной

²⁰ Это вымышленное имя.

помощи могло быть десятки, я почувствовал, что что-то случилось с Дженнифер.

– О нет, – простонал я, – только не этот ребенок.

Поскольку я уже подъезжал, я рванул к дому, вбежал внутрь и позвонил в госпиталь. Главная медсестра сказала мне:

– Вскоре после вашего отъезда у Дженнифер остановилось сердце. Ее сейчас реанимируют.

Быстро объяснив Кэнди неотложность ситуации, я прыгнул в машину и за 20 минут пролетел 35-минутный путь.

Когда я приехал, команда все еще возвращала к жизни малышку. Я присоединился к ним, делая все возможное. *«Боже, пожалуйста, не дай ей умереть. Пожалуйста».*

Спустя полтора часа я посмотрел на медсестру и увидел в ее глазах то, что уже знал и сам.

– Она не вернется, – сказал я.

Мне потребовалась вся сила воли, чтобы не разрыдаться от потери этого ребенка. Я быстро развернулся и поспешил в комнату, где ждали ее родители. Они посмотрели на меня испуганными глазами.

– Простите... – это все, что я смог сказать. Впервые за свою взрослую жизнь я начал плакать при посторонних. Мне было очень жаль родителей, и я сочувствовал их ужасной утрате. Они прошли такие «американские горки» переживаний, веры, отчаяния, оптимизма, надежды и горя за 11 месяцев жизни Дженнифер!

– Она была одной из тех детей, которые борются до конца, – я услышал себя словно со стороны. – Почему ей не удалось?

Наша команда хорошо поработала, но порой мы встречаемся с обстоятельствами, которые медицине не подвластны.

Смотреть на застывшие от горя лица родителей Дженнифер было выше моих сил. Дженнифер была их

единственным ребенком, у матери тоже были серьезные проблемы со здоровьем, и она лечилась в Национальном институте здоровья в Вифезде. Глядя на ее личные проблемы и проблемы ее маленькой девочки, я подумал: *«Разве это не напоминает испытания библейского Иова?»*

Оба родителя расплакались, и мы пытались утешить друг друга. В комнату вошла доктор Пэтти Вайнинг, один из детских неврологов, которая была со мной во время операции. Эта утрата так же сильно ранила ее, как и меня. Мы вдвоем пытались утешить семью, преодолевая и свою боль.

Я не помню, чтобы чувствовал такую ужасную утрату ранее. Мне было так больно, будто все, кого я любил в жизни, умерли в один миг.

Семья была убита горем, но, к их чести, они были понимающими людьми. Я восхищался их мужеством, когда они сумели пережить смерть Дженнифер и двигаться дальше. Они знали, на какие риски мы шли, но также знали и то, что гемисферэктомия была единственным возможным способом спасти жизнь их дочери. Оба родителя были умными людьми и задавали много вопросов. Они хотели просмотреть записи и не раз беседовали с анестезиологом. После того как мы с ними встретились еще несколько раз, они сказали мне, что удостоверились в том, что мы сделали все возможное для их маленькой девочки.

Мы так и не узнали, почему Дженнифер умерла. Операция была успешной. На аутопсии не было признаков, что что-то не так. Так иногда случается, причина ее смерти остается загадкой.

Хотя я продолжал работать, последующие несколько дней я жил в состоянии депрессии и боли. Даже сегодня, когда я позволяю себе подумать о смерти Дженнифер, все те чувства всплывают снова и подступают слезы.

Самым тяжелым заданием для меня, хирурга, является встреча с родителями, когда я сообщаю плохие новости об их ребенке. Когда я сам стал родителем, стало еще труднее, ведь теперь я понимаю, что чувствуют родители, когда их ребенок болен. Думаю, именно поэтому так тяжело. Особенно когда новости плохие, а я ничего не могу сделать, чтобы улучшить ситуацию.

Я знаю, что чувствовал бы, если бы у одного из моих сыновей обнаружили опухоль мозга. Я бы чувствовал себя тонущим посреди океана, умоляющим кого-нибудь бросить мне спасательный круг. За словами, рациональными размышлениями стоит страх. Я вижу в госпитале Хопкинса много родителей в таком отчаянии.

Даже сегодня я не могу сказать, что полностью оправился от смерти Дженнифер. Каждый раз, когда пациент умирает, я получаю эмоциональный шрам, как люди получают душевные раны, когда умирает кто-то из их родных.

Я вышел из тьмы депрессии, напоминая себе о том, что есть еще много других людей, нуждающихся в помощи, и это нечестно по отношению к ним – сосредоточиваться на неудачах.

Размышляя о своей реакции, я также осознаю: когда оперирую и происходит что-то, из-за чего у пациента возникают проблемы, я остро чувствую ответственность за последствия. Наверное, так реагируют все врачи, которых глубоко волнует судьба их пациентов. Несколько раз я изводил себя мыслями о том, что *если бы не сделал операцию, то ничего бы не произошло, или же если бы ее сделал кто-то другой, результаты были бы лучше.*

Я знаю, что должен относиться к таким вещам рационально. Часто я нахожу успокоение в осознании, что пациент все равно бы умер, а мы сделали попытку спасти его. Оглядываясь на свою историю операций и работу, которую мы делаем в госпитале Хопкинса, я напоминаю

себе, что тысячи пациентов умерли бы, если бы мы их не прооперировали.

Некоторые люди легче справляются со своими неудачами, чем другие. Думаю, исходя из того, что я рассказывал вам о своей потребности достигать и быть лучшим, становится очевидно, что я не особо хорошо справляюсь с неудачами. Я не раз говорил Кэнди: «Думаю, Господь знает это, поэтому Он не позволяет такому случаться со мной часто».

Несмотря на то, что мне потребовались дни, чтобы заглушить скорбь по Дженнифер, я не разделяю идею эмоциональной отстраненности от пациента. Я работаю с людьми, оперирую их, и все они – творения Божьи, страдающие от боли и нуждающиеся в помощи. Я не знаю, как можно работать над мозгом маленькой девочки, держать ее жизнь в своих руках и при этом оставаться беспристрастным. Я ощущаю сильную привязанность к детям, которые кажутся такими беззащитными и не получили шанса пожить полноценной жизнью.

МАЛЫШКА БЕТ

Бет Ашер упала с качелей в 1985 году и получила небольшой ушиб. Ничего серьезного не произошло, о чем тогда стоило волноваться. Вскоре после этого из-за ушиба у нее случился первый незначительный припадок. Что еще могло быть причиной? Бет, родившаяся в 1979 году, была здоровым ребенком.

Припадок – это пугающая вещь, особенно для родителей, которые никогда такого не видели. Медики, с которыми они созвонились, сказали, что беспокоиться не о чем. Бет не *выглядела* больной, не вела себя как больная, и врачи успокаивали.

– Такое может быть после травмы, – сказали они, – припадки пройдут.

Припадки не прошли. Спустя месяц у Бет случился второй. Ее родители начали волноваться, и их врач прописал девочке лекарства от приступов, только тогда они успокоились. Все теперь будет хорошо. Однако спустя несколько дней у Бет снова были судороги. Лекарство не помогало. Несмотря на активное лечение, приступы начали случаться все чаще.

Брайан Ашер, отец Бет, был помощником футбольного тренера в Университете Коннектикута, а ее мать Кэти Ашер помогала управлять клубом привлечения инвести-

Глава 16. Малышка Бет

ций кафедры спорта. Брайан и Кэти искали всю возможную медицинскую информацию, общались с людьми на территории университета и вне его с твердым намерением найти способ вылечить свою дочь. Однако, что бы они ни делали, припадки только учащались.

К ее чести, Кэти Ашер – неутомимая исследовательница. Однажды, сидя в библиотеке, она прочла статью о гемисферэктомиях, которые мы проводили в госпитале Джонса Хопкинса. В тот же день она позвонила доктору Джону Фриману:

– Я бы хотела получить больше информации о гемисферэктомиях, – начала она.

Спустя несколько минут Кэти уже изливала ему печальную историю Бет.

Джон назначил им встречу на июль 1986 года, и родители привезли Бет в Балтимор. В тот день мы встретились и долго беседовали о девочке. Мы с Джоном обследовали ее и изучили историю болезни.

Тогда Бет чувствовала себя неплохо. Припадки были менее частыми, около десяти в неделю. Она была смысленной и жизнерадостной красивой маленькой девочкой.

Я рассказал родителям обо всех возможных осложнениях, будучи уверенным: когда люди знают все факты, они могут сделать мудрый выбор.

Услышав все, Кэти Ашер спросила:

– Как мы можем решиться на это? Бет, кажется, становится лучше.

Мы с Джоном Фриманом понимали их отказ и не пытались навязать другое решение. Было чрезвычайно сложно отважиться подвергнуть их веселого, счастливочного ребенка такому радикальному хирургическому вмешательству. Ее жизнь была под угрозой. Бет все еще была в хорошей форме, что делало ее ситуацию необычной. Когда ребенок находится на волоске от смерти, родители меньше колеблются, принимая решение. Они обычно за-

канчивают словами: «Она может умереть. Если мы ничего не сделаем, то точно потеряем ее, а благодаря операции у нее по крайней мере есть шанс».

Однако в случае Бет ее родители решили: «У нее все еще довольно хорошо. Лучше нам не делать этого».

Мы не стали давить на них и настаивать на операции.

Ашеры вернулись в Коннектикут с надеждой, но в нерешительности и волнениях. Недели шли за неделями, и припадки у Бет постепенно учащались. Когда они стали более частыми, девочка частично потеряла контроль над телом.

В октябре 1986 года семья вернулась в госпиталь Хопкинса для дальнейшего осмотра Бет. Я увидел серьезное ухудшение состояния всего за три месяца. Ее речь стала невнятной. Мы хотели узнать, взяло ли на себя здоровое полушарие контроль над речью Бет. Мы попытались выяснить это, отключить больное полушарие, усыпить его, но, к сожалению, уснул весь мозг, и мы не могли установить, лишит ли операция Бет возможности говорить.

Еще с осмотра в июле мы с Джоном оба были убеждены, что гемисферэктомия была единственным выходом для Бет. Увидев, что ее состояние ухудшилось, ее родители склонялись сказать: «Да, попробуйте гемисферэктомия».

На этот раз мы с Джоном Фриманом не только побуждали их выбрать операцию, но один из нас сказал: «Чем раньше, тем лучше для Бет».

Бедные Ашеры не знали, что делать, – и я понимал их дилемму. Пока Бет была жива, хотя ей определенно становилось хуже. Если же ей сделают операцию и она не будет успешной, девочка может впасть в кому или стать полностью парализованной, а может и умереть.

– Поезжайте домой и обдумайте это, – предложил я, – будьте уверены в своем решении.

– Скоро День благодарения, – сказал Джон, – хорошо проведите время вместе. Пусть она встретит Рождество

дома, но... – добавил он мягко, – пожалуйста, потом не затягивайте.

Бет планировала участвовать в рождественской постановке в школе, и эта роль для нее была всем. И вот, добросовестно отрепетировав роль, она вышла на сцену – и прямо там у нее случился припадок. Девочка была безутешна, как и ее родители.

В тот день они решились на гемисферэктомию.

В конце января 1987 года супруги привезли Бет в госпиталь Джонса Хопкинса. Ашеры были все еще немного напряжены, но сказали, что решились на операцию. Мы снова повторили им, что может случиться. Я еще раз объяснил все риски, что она может умереть или стать парализованной. Глядя на их лица, я видел, что они пытаются справиться с тем, что им придется пойти на операцию и, возможно, потерять дочь. Я всем сердцем сочувствовал им.

– Мы должны согласиться, – наконец сказал Брайан Ашер, – мы знаем, что это ее единственный шанс.

Итак, дата была выбрана. В назначенное время Бет отвезли в операционную и подготовили. Ее родители ждали, молясь с надеждой.

Операция прошла хорошо, без осложнений. Однако после нее Бет была сонной и ее было сложно разбудить. Такая реакция меня беспокоила, и в тот же вечер я запросил КТ-сканирование. Оно показало, что ствольная часть ее мозга была отекающей, что не является чем-то аномальным, поэтому я попытался успокоить ее родителей:

– Ей должно стать лучше через несколько дней, когда спадет отек.

Несмотря на то, что я старался утешить Ашеров, я видел по их лицам, что они не верили моим словам. Я не мог винить их в том, что они думали, будто я просто использую старый добрый утешительный прием. Если бы они знали меня лучше, то поняли бы, что я такими методами не пользуюсь. Я действительно ожидал, что Бет станет лучше.

Кэти и Брайан Ашер, однако, уже начали винить себя за то, что позволили своему ребенку пройти через это радикальное хирургическое вмешательство. Они подошли к стадии раскаяния, начиная спрашивать друг друга: «А что, если бы...?»

Родители изводили себя, мысленно возвращаясь в тот день, когда с Бет случился несчастный случай, и говорили:

- Если бы я только тогда был рядом с ней...
- Если бы мы не разрешили ей играть на качелях...
- Если бы мы не согласились на эту операцию, может, ей и стало бы хуже, может, она бы и умерла, но у нас был бы еще год-два, чтобы побыть с ней. А теперь ее уже не вернуть.

Они часами стояли у ее постели в реанимации, глядя на ее застывшее личико, наблюдая, как вздымается и опускается ее маленькая грудная клетка, а их слезы растворялись в шуме аппарата искусственного дыхания, который помогал малышке дышать.

– Бет. Бет, дорогая.

Наконец, последний раз грустно взглянув на ее личико, они ушли.

Я чувствовал себя ужасно. Эти люди не сказали мне ничего негативного – ни жалоб, ни упреков. Однако с годами большинство врачей учится понимать невысказанные эмоции. Мы также понимаем то, через что так больно проходить родственникам. Моя душа болела за маленькую Бет, но я не мог ничего для нее сделать. Все, что я мог, это поддерживать ее жизненные показатели и ждать, пока ее мозг заживет.

Мы с Джоном оба были настроены оптимистично и пытались уверить родителей, говоря:

- Она очнется. У Бет просто отекла стволочная часть мозга, такое случается у детей при сильных травмах головы. Иногда они лежат без сознания дни, даже недели или месяцы, но они приходят в себя.

Родители хотели поверить мне, и я видел, что они цеплялись за каждое слово утешения, которое доктор Фриман, я или медсестры говорили. И все же я не думал, что они нам верили.

Несмотря на тот факт, что мы с Джоном верили в то, что говорили родителям Бет, мы не могли точно сказать, очнется девочка или же просто уйдет от нас. У нас еще не было такой ситуации, и все же мы не могли судить по состоянию Бет точно ни о чем, кроме того, что стволочная часть ее мозга была травмирована.

Ее состояние не было настолько плохим, чтобы девочка не оправилась. Тем не менее проходили дни, а Бет не поправлялась. Она пролежала в коматозном состоянии две недели.

Изо дня в день я осматривал Бет и проверял ее показатели. С каждым днем становилось все сложнее заходить в комнату ожидания и встречаться с ее родителями. Они смотрели на меня с отчаянием, больше не осмеливаясь надеяться. Каждый раз мне приходилось говорить:

- Пока без изменений.

И я действительно имел в виду *пока*, несмотря на происходящее.

Каждый из наших сотрудников проявлял участие, постоянно подбадривая Ашеров. Также они поддерживали меня, когда я начал беспокоиться. Другие врачи и даже медсестры приходили ко мне и говорили:

- Все будет хорошо, Бен.

Когда другие люди пытаются помочь, это всегда вдохновляет. Они знали меня, и по одному моему молчанию понимали, что меня беспокоит. Несмотря на их оптимистичные слова, это было тяжелое время для всех нас, занимавшихся Бет Ашер.

Наконец Бет стало немного лучше, так что ей больше не нужен был аппарат искусственного дыхания, но она все еще находилась в коме. Мы перевели ее из реанимации в обычную палату.

Ашеры проводили с дочерью как можно больше времени, постоянно разговаривая с ней или показывая ей видео. Особенно Бет любила сериал «Соседство мистера Роджерса», поэтому они включали его. Узнав о Бет, Фред Роджерс лично приехал навестить девочку. Он встал у ее кровати, взял за руку, заговорил с ней, но ее личико не шелохнулось, она не очнулась.

В одну из ночей ее отец лежал на койке в палате дочери и не мог уснуть. Было около двух часов ночи.

– Папуля, у меня нос чешется.

– Что? – вскрикнул он, спрыгивая с койки.

– У меня нос чешется.

– Бет заговорила! Бет заговорила! – Брайан Ашер бежал в коридор, такой взволнованный, что даже не заметил, что на нем одни трусы. Думаю, на это все равно никто не обратил внимания.

– У нее нос чешется! – крикнул он медсестре.

Медицинский персонал побежал за ним в палату. Бет лежала тихо, с улыбкой на лице.

– Он действительно чешется. Сильно.

Эти слова были началом выздоровления Бет. Девочке становилось лучше с каждым днем.²¹

Каждая из проводимых нами гемисферэктомий – это целая история. Взять хотя бы тринадцатилетнюю Денис Бака из Нью-Мексико. Денис приехала к нам в эпилептическом статусе. Это означало, что у нее постоянные конвульсии. Поскольку у девочки были непрекращающиеся

²¹ В 1988 году родители Бет сообщили мне, что ее состояние продолжает улучшаться. Она была лучшей в классе по математике.

Бет слегка хромот на левую ногу. Как это случается при всех гемисферэктомиях, у нее слегка ухудшено периферийное зрение с одной стороны, поскольку зрительный центр является билатеральным – одно полушарие управляет зрением второго. По каким-то причинам зрительная функция не переключается. Хромота наблюдается у всех пациентов, переживших эту операцию.

припадки на протяжении двух месяцев, ей нужен был аппарат искусственного дыхания. Так как Денис была не в состоянии контролировать свое дыхание из-за постоянных конвульсий, ей сделали трахеотомию. Теперь, будучи парализованной на одну сторону, она не говорила несколько месяцев.

Несколькими годами ранее Денис была нормальным ребенком. Ее родители возили дочь по всем медицинским центрам Нью-Мексико на обследования, а затем и в другие регионы страны. Все эксперты сходились на том, что первичный судорожный очаг находится в речевом центре (центре Брока) и двигательной зоне коры головного мозга – двух самых важных отделах ее доминантного полушария.

– Ей никак нельзя помочь, – наконец сказал доктор родителям девочки.

Это могли быть последние слова, если бы подруга семьи не прочла одну из статей о Маранде Франциско. Она тут же позвонила родителям Денис, а мать девочки, в свою очередь, позвонила в госпиталь Джонса Хопкинса.

– Привезите Денис сюда, и мы оценим ее состояние, – сказали мы.

Перевезти девочку из Нью-Мексико в Балтимор было нелегкой задачей, поскольку Денис была на аппарате искусственного дыхания, а это означало, что ей потребуется транспортировка на специально оснащенной вертолете. Однако родители это сделали.

После осмотра Денис в госпитале Хопкинса развернулась дискуссия относительно того, делать девочке гемисферэктомию или нет. Несколько неврологов искренне полагали, что будет сумасшествием делать такую операцию, и у них были веские причины так думать. Во-первых, Денис была слишком взрослой. Во-вторых, конвульсии начинались в тех областях мозга, которые делали операцию рискованной, если не невозможной. В-третьих, девочка была в ужасном состоянии из-за

припадков. У Денис также были проблемы с легкими, так как в них попадала жидкость при вдыхании.

Один из оппонентов прогнозировал:

– Да она скорее умрет на столе от других своих проблем со здоровьем, чем от гемисферэктомии.

Он не пытался усложнить ситуацию, просто высказал свое мнение, поскольку был искренне и глубоко обеспокоен.

Доктора Фриман, Вайнинг и я были не согласны. Будучи теми тремя людьми, которые постоянно занимались гемисферэктомиями в госпитале Хопкинса, мы имели достаточно опыта и были уверены в том, что знаем об этой операции больше, чем кто-либо. Мы аргументировали, что могли бы оценить шансы девочки лучше, чем кто-либо другой в госпитале Хопкинса. Без операции она определенно умрет. При этом, несмотря на другие проблемы со здоровьем, она все еще была подходящим кандидатом на гемисферэктомию. И в конце мы резюмировали, что именно нам троим решать, кому можно делать эту операцию.

Мы поговорили с критично настроенными коллегами на трех конференциях, поддерживая свои аргументы доказательствами и опытами прошлых пациентов. У нас есть конференц-зал, куда мы приглашаем гостей, поэтому мы пригласили всех желающих обсудить данную тему. На протяжении нескольких дней мы представляли всевозможные доказательства и вовлекли в этот процесс тех сотрудников госпиталя, которые, по нашему мнению, могли бы заинтересоваться состоянием Денис.

Из-за разногласий мы отложили операцию. Обычно мы бы просто сразу ее сделали, но мы столкнулись с таким сильным сопротивлением, что на этот раз не спешили и подошли к делу с осторожностью. Наши оппоненты заслуживали возможности изложить свою точку зрения, хотя мы настаивали на том, что последнее слово за нами.

Тот критично настроенный невролог дошел до того, что написал письмо заведующему нейрохирургией, а копии отправил заведующему хирургией, президенту госпиталя и еще нескольким людям. Он заявил, что, по его мнению, госпиталь Джонса Хопкинса не должен позволить делать такую операцию ни при каких обстоятельствах. Затем он обстоятельно изложил свои доводы.

Наверное, было неизбежным, что случай Денис вызовет неприятные чувства. Когда такие вопросы поднимаются на высшем уровне, очень сложно сдерживать личные чувства. Поскольку я верил в искренность врача-оппонента, в его желание не вовлекать госпиталь Хопкинса ни в какие экстраординарные и героические авантюры, я не воспринимал его аргументы как личные оскорбления. Тогда как я оставался в стороне от каких-либо личностных разногласий, некоторые члены нашей команды и поддерживающие меня друзья отстаивали свои позиции.

Несмотря на все приведенные им аргументы, мы вдвоем были убеждены, что единственный шанс Денис – это операция. Нам не запретили оперировать, и никто из правления не предпринял никаких действий, нам была дана свобода принимать решение самим. И все же мы сомневались, не желая превращать это в сведение личных счетов, чувствуя, что если мы так сделаем, то это противостояние дойдет до точки кипения и отразится на моральном климате всего коллектива госпиталя.

Я днями просил Бога помочь нам решить эту проблему. Я размышлял об этом по пути на работу и домой. Молился об этом, совершая обходы и опускаясь на колени у кровати перед сном. И все равно не видел, как можно было бы разрешить эту ситуацию.

А потом проблема решилась сама собой. Наш оппонент уехал за границу на пятидневную конференцию. Пока он был в отъезде, мы решили сделать операцию. Это казалось прекрасной возможностью, ведь никто бы не устроил скандала.

Я сказал миссис Бака то же, что и остальным:

– Если мы ничего не сделаем, она умрет. Если мы что-то сделаем, она может умереть, но у нас по крайней мере есть шанс.

– Операция дает дочери шанс побороться, – сказала ее мать.

Родители были сговорчивыми, причем с самого начала. Они прекрасно понимали суть вопроса. У Денис были такие сильные припадки и ее мозг так разрушался, что это уже становилось гонкой со смертью.

После гемисферэктомии Денис была в коме несколько дней, а затем очнулась. У нее прекратились припадки. Когда семья Бака была готова ехать домой, дочь начала говорить. Спустя несколько недель Денис вернулась в школу, и с того момента ее состояние только улучшалось.

У меня не было никакой злобы на сотрудника, который начал препирательства, поскольку он был глубоко убежден, что операцию делать неправильно. Он был вправе выдвигать возражения. Протестуя, он считал, что защищает интересы пациента, а также нашего учреждения.

Ситуация с Денис научила меня двум вещам. Во-первых, она заставила меня почувствовать, что добрый Господь не позволит мне попасть в ситуацию, из которой Он бы не смог меня выволить. Во-вторых, я еще раз убедился в том, что если люди знают свои возможности и свой материал (или работу), то неважно, кто выступает против них. Несмотря на репутацию критиканов, их популярность, власть или знания, их мнения стали неважными. Я, положив руку на сердце, не сомневался относительно операции Денис.

В последующие месяцы, хотя тогда я еще этого не знал, я сделал даже более спорные операции. Оглядываясь назад, я верю, что Бог использовал спор относительно Денис для того, чтобы заранее подготовить меня к следующим шагам.

ТРИ ОСОБЕННЫХ РЕБЕНКА

Ординатор выключил фонарик в форме авторучки и выпрямился у больничной койки Бо-Бо Валентайн.

– Вы не думаете, что пора отказаться от этой малышки? – спросил он, кивая в сторону четырехлетней девочки.

Было раннее утро понедельника, и я делал обходы. Когда я зашел к Бо-Бо, семейный врач описал мне ситуацию:

– Все, что у нее осталось, это реакция зрачков, – сказал он (это означало, что зрачки реагируют на свет).

Он посветил ей в глаза и увидел, что у девочки повышенное внутричерепное давление. Врачи ввели Бо-Бо в барбитуратную кому и сделали гипервентиляцию, но все равно не смогли снизить его.

Малышка Бо-Бо была одной из многих детей, которые выбегают на улицу и попадают под машину: девочку сбил грузовик. Она пролежала в реанимации все выходные в коматозном состоянии с подключенным регистратором внутричерепного давления. У девочки постепенно повышалось давление, исчезали все функции, осмысленные движения и стимул-реакции.

Прежде чем ответить ординатору, я наклонился над Бо-Бо и поднял ее веки. Зрачки были застывшими и расширенными.

– Кажется, вы сказали, что ее зрачки еще реагируют? – спросил я удивленно.

– Да, – начал оправдываться он, – они двигались до вашего прихода.

– То есть вы хотите сказать, что это случилось только что? Неужели у нее зрачки расширились только сейчас?

– Наверное!

– Экстренная ситуация «четыре плюс», – крикнул я громко, но спокойно, – нужно срочно что-то делать!

Я повернулся к стоявшей позади медсестре:

– Готовьте операционную.

– Экстренная ситуация «четыре плюс»! – закричала она еще громче и быстро побежала по коридору.

Ситуация «четыре плюс» – большая редкость и означает критическую ситуацию, в которой все срочно мобилизуются. Операционная бригада очищает зал и начинает готовить инструменты. Они работают тихо, продуктивно и быстро. Никто не спорит, ни у кого нет времени на объяснения.

Два работника клиники схватили койку Бо-Бо и почти бегом бросились в коридор. К счастью, плановая операция одного из пациентов еще не началась, и мы «втиснулись» со своей.

По пути в операционную я столкнулся с другим нейрохирургом – старшим мужчиной, которого я уважал за его работу с пациентами после несчастных случаев. Пока персонал все готовил, я объяснил нейрохирургу, что произошло и что собирался делать.

– Не делайте этого, – сказал он, уходя, – вы только зря потратите время.

Меня поразило его отношение, но я не стал на этом сосредоточиваться. Бо-Бо Валентайн была еще жива. У нас

был шанс – ничтожно маленький, но все же шанс спасти ей жизнь. Я решил, что все же прооперирую девочку.

Бо-Бо бережно уложили на так называемый «яичный лоток» – мягкий, эластичный матрас на операционном столе – и укрыли бледно-зеленой простыней. Спустя несколько минут медсестры и анестезиолог подготовили ее и я мог начинать.

Я сделал девочке трепанацию черепа. Сначала я сделал трепанацию его передней части. Кость черепа была помещена в стерильный раствор. Затем я вскрыл покрытие мозга девочки – твердую мозговую оболочку, ту часть, которая заходит в продольную щель большого мозга между двумя полушариями и называется серпом. Проведя рассечение серпа, можно было добиться того, что оба полушария смогут взаимодействовать и уравнивать давление. Я пришел вокруг ее мозга твердую мозговую оболочку, взятую у умершего человека. Благодаря этому мозгу было куда увеличиваться, не получая лишних повреждений, а затем он бы мог заживать. Как только я покрыл пораженный участок, я закрыл трепанационное окно. Операция заняла около двух часов.

Бо-Бо оставалась в коме несколько последующих дней. Сердце разрывается, когда смотришь на родителей, сидящих у постели ребенка в коме, и мне было искренне их жаль. Все, что я мог им дать, – это надежда, я не мог обещать выздоровления Бо-Бо. Одним утром я остановился у ее кровати и заметил, что зрачки девочки начали немного двигаться. Помню, как подумал: *«Может, это признак выздоровления»*.

Спустя еще два дня Бо-Бо начала слегка двигаться. Время от времени она выпрямляла ножки или подвигалась, словно стараясь лечь удобнее. Спустя неделю девочка начала реагировать на окружающих. Когда стало очевидно, что она выздоровеет, мы снова сделали ей операцию, и я поставил на место часть черепа, которую убирал. Спустя

шесть недель Бо-Бо снова была нормальной четырехлетней девочкой – подвижной, задорной и милой.

Вот еще один пример, когда я был рад, что не послушал оппонента.

Я сделал еще одну трепанацию черепа после того случая и снова столкнулся с сопротивлением.

Летом 1988 года у нас была похожая ситуация, но десятилетний Чарльз²² был в худшем состоянии. Его сбила машина.

Когда главная медсестра сказала мне, что зрачки Чарльза застыли и расширились, это означало, что нужно было принимать меры. В тот день клиника была особенно загружена, поэтому я послал старшего ординатора объяснить матери, что, по моему мнению, нам нужно немедленно везти Чарльза в операционную. Мы удалим часть мозга в последней попытке спасти его жизнь.

– Это может и не сработать, – сказал ей ординатор, – но доктор Карсон считает, что стоит попытаться.

Бедная мать была убита горем и шокирована.

– Ни за что, – закричала она. – Я не позволю вам сделать это. Вы не сделаете этого с моим мальчиком! Просто дайте ему спокойно умереть. Вы не будете экспериментировать над моим ребенком.

– Но у нас есть шанс...

– Шанс? Мне нужно больше, чем шанс, – она продолжала отрицательно качать головой. – Оставьте его в покое.

Ее реакция была оправданной. К тому времени Чарльз уже не реагировал ни на что.

Всего тремя днями ранее мы с сожалением сообщили ей, что состояние Чарльза настолько серьезное, что он, скорее всего, не оправится и что ей нужно смириться с неминуемым концом. И вот внезапно перед ней появля-

²² Имя изменено из соображений конфиденциальности.

ется человек, который просит ее дать согласие на радикальную процедуру. Ординатор не мог заверить ее, что Чарльз выздоровеет или ему хотя бы станет лучше.

Когда ординатор вернулся и пересказал разговор, я сам пошел к матери Чарльза. Я долго и подробно объяснял ей, что мы не собираемся резать мальчика на кусочки. Она все еще сомневалась.

– Позвольте рассказать вам о похожей ситуации, которая была у нас, – сказал я. – Она произошла с милой маленькой девочкой по имени Бо-Бо.

Закончив рассказ, я добавил:

– Послушайте, я не уверен относительно этой операции. Она может ничего не дать, но я не думаю, что стоит сдаваться, когда у нас все еще есть искорка надежды. Может, это и наименьший шанс, но мы не можем его просто отбросить, правда же? Худшее, что может случиться, – это то, что Чарльз умрет, а это произошло бы в любом случае.

Как только она правильно поняла, что я собираюсь делать, женщина сказала:

– То есть вы хотите сказать, что шанс действительно есть? Чарльз может выжить?

– Шанс есть, только если мы сделаем операцию. Без этого нет никаких шансов.

– В таком случае, – сказала она, – конечно же, я хочу, чтобы вы попытались. Я просто не хотела, чтобы вы его резали, если это ничего бы не изменило...

Я не стал защищать нас, говоря, что мы такого не делаем, а лишь снова сделал акцент на том, что это единственный шанс, который мы можем ей предложить. Женщина сразу же подписала бланк согласия на операцию, и мы быстро повезли мальчика в операционную.

Так же, как и с Бо-Бо, нужно было удалить часть свода черепа, разрезать твердую мозговую оболочку между двумя полушариями мозга, накрыть отекший мозг твер-

дой мозговой оболочкой умершего человека и защитить над ними мягкими тканями.

Как и ожидалось, Чарльз оставался в коме после операции и неделю ничего не менялось. Многие сотрудники говорили мне:

– Все кончено. Мы зря теряем время.

Кто-то представил случай Чарльза на нашей нейрохирургической клинической конференции. Это еженедельные конференции, на которые приходят все нейрохирурги и ординаторы, чтобы разобрать интересные случаи. Я не мог присутствовать, поскольку у меня была плановая операция, но мне рассказали, что говорили те, кто был на конференции.

– Что вы об этом думаете? – спросил лечащий врач одного из интернов.

– Разве это не выходит за рамки служебных обязанностей?

Другой сказал вполне уверенно:

– Я думаю, глупо было делать это.

Остальные согласились.

Один из нейрохирургов, знавший о состоянии мальчика, заявил:

– Такие ситуации обычно ничем хорошим не заканчиваются.

Другой сказал:

– Этот пациент еще не пришел в себя и не придет. Я считаю, делать декомпрессию краниектомии было нецелесообразно.

Выражали бы они свое мнение так же смело, если бы там был я? Не уверен, но все же они говорили по собственному убеждению. А поскольку прошло семь дней и ничего не менялось, их скептицизм был понятен.

Возможно, я просто упрямый или же внутренне чувствовал, что у мальчика все еще был шанс побороться. В любом случае я не был готов сдаваться.

На восьмой день медсестра заметила, что у Чарльза подрагивают веки. История Бо-Бо повторилась. Вскоре Чарльз начал разговаривать. Не прошло и месяца, как мы отправили его на реабилитацию. С того момента он достиг больших успехов, и мы верили, что в конечном итоге у него все будет хорошо.

У Бо-Бо припадков не будет, но у Чарльза они могут появиться. Он был в худшем состоянии, он старше и не так быстро пришел в себя, как Бо-Бо. Спустя шесть месяцев после этого (тогда я в последний раз контактировал с этой семьей) Чарльз все еще не выздоровел полностью, хотя был активным, говорил, ходил и становился динамичной личностью. Больше всего мама Чарльза благодарна, конечно же, за то, что ее сын жив.

Другой случай, который, думаю, я никогда не забуду, произошел с Даниэлой из Детройта. Когда я впервые ее увидел, девочке было пять месяцев. Она родилась с опухолью в голове, которая продолжала расти. К моменту нашей встречи опухоль вылезла из черепа и была такого же размера, как и голова. Опухоль разрушила кожу, и из нее сочился гной.

Друзья советовали матери:

– Отправь ребенка в специальную клинику и дай умереть.

– Нет! – ответила она. – Это мой ребенок, моя плоть и кровь.

Мать Даниэлы прилагала невероятные усилия, заботясь о ней. Она меняла повязки девочке два-три раза в день, чтобы раны были чистыми.

Мать позвонила в мой офис, потому что прочитала статью обо мне в *Ladies Home Journal*, в которой говорилось, что я часто делал операции, за которые никто другой не взялся бы. Она поговорила с моей ассистенткой Кэрол Джеймс.

– Бен, – сообщила Кэрол позже в тот день, – я думаю, на это стоит посмотреть.

Выслушав подробности, я согласился.

За неделю я все изучил и сразу же понял, что это было безнадежное положение. В мозге была патология, опухоль распространилась повсюду, и мы не знали, как быть с кожей.

Я позвонил своему другу Крейгу Дюфрену, прекрасному пластическому хирургу, и мы попытались вместе найти способ удалить опухоль и закрыть череп. Также мы консультировались с доктором Питером Филипсом, одним из наших детских нейроонкологов, специализировавшемся на лечении детей с опухолью мозга.

Вместе мы наконец разработали план: мы удалим опухоль, затем доктор Дюфрен возьмет лоскуты кожи со спины девочки и попробует покрыть ими голову. Как только рана заживет, доктора Питер Филипс и Льюис Штраус начнут химиотерапию, чтобы убить оставшиеся злокачественные клетки.

Мы предполагали, что это будет тяжелый случай и потребуются огромное количество времени. Мы были правы. Операция по удалению опухоли и пришиванию лоскутов заняла 19 часов. Мы не обращали внимания на время, но были сосредоточены на результате.

Мы с доктором Дюфреном отлично сделали операцию в команде. Мне нужна была почти половина операционного времени на удаление опухоли. Затем Дюфрен провел остальные девять часов, покрывая череп девочки лоскутами кожи. Ему удалось полностью все закрыть.

Приблизительно на середине операции я сказал Дюфрену:

– Думаю, мы выйдем сухими из воды.

Он кивнул, и я видел, что он так же уверен в этом, как и я.

Операция была успешной. Как мы предполагали, спустя несколько недель после удаления опухоли Да-

ниэллу пришлось снова оперировать, чтобы сдвинуть лоскуты кожи для снижения давления на некоторые области и улучшения циркуляции крови в месте хирургического вмешательства.

Первое время Даниэлле начало становиться лучше, и она реагировала как нормальный ребенок. Я наблюдал, как на лицах ее родителей появляется удовольствие, когда они видели маленькие движения, которые большинство родителей принимает как само собой разумеющиеся. Ее крохотная ручка сжала один из их пальцев. На лице появилась легкая улыбка. А потом все пошло по наклонной. Сначала у Даниэллы начались небольшие проблемы с дыханием, а за ними – с пищеварением.

Когда мы их устранили, отреагировали почки. Мы не знали, были ли эти проблемы связаны с опухолью.

«Господь
все держит
в Своих руках».

Врачи и медсестры детской реанимации работали круглосуточно, пытаясь поддерживать работу легких и почек Даниэллы. Они так же активно участвовали в ее судьбе, как и мы.

В результате было сделано все, что возможно, но девочка умерла. Мы сделали аутопсию и обнаружили, что опухоль дала метастазы в легкие, почки и желудочно-кишечный тракт. Операция по удалению опухоли на голове была сделана поздно. Если бы мы сделали ее на месяц раньше, пока не появились метастазы, то, возможно, спасли бы ее.

Родители Даниэллы и бабушка с дедушкой приехали из Мичигана и остановились в Балтиморе, чтобы быть с ней. На протяжении недель ожиданий и надежд на ее выздоровление они были чрезвычайно посвященными, понимающими и поддерживали нас во всех наших попытках. Когда девочка умерла, я поразились их зрелости.

– Мы хотим, чтобы вы знали: мы не держим никакого зла на вас за то, что вы здесь, в госпитале Хопкинса, сделали, – сказали родители Даниэллы.

– Мы просто невероятно благодарны, – сказала бабушка девочки, – что вы все равно согласились взяться за случай, который остальные считали безысходным.

Особенно запомнились мне слова матери Даниэллы. Едва слышным голосом, сдерживая свою горе, она сказала:

– Мы знаем, что вы – человек Божий и что Господь все держит в Своих руках. Мы также верим, что вы сделали все возможное с человеческой стороны, чтобы спасти нашу дочь. Несмотря на такой исход, мы всегда будем благодарны за все, что было сделано здесь.

Я делюсь историей о Даниэлле, потому что не все случаи заканчиваются успехом. Но плохие исходы я могу сосчитать на пальцах.

КРЭЙГ И СЬЮЗЕН

В палате Крэйга Варника собралось около 25-30 человек, и они проводили молитвенную встречу, когда я вошел. Все эти люди по очереди просили Бога о чуде, когда Крэйг отправился на операцию. Было удивительно не только видеть так много столпившихся в комнате людей, но что более поразительно, они все пришли помолиться с Крэйгом и о нем.

Я остался на несколько минут и тоже помолился. Когда я уходил, Сьюзен, жена Крэйга, проводила меня до дверей. Она тепло улыбнулась мне.

– Помните, что сказала вам ваша мать.

– Я не забуду, – ответил я, прекрасно помня слова мамы, ведь однажды я процитировал их Сьюзен: «Бенни, если ты попросишь Господа о чем-то, веря, что Он сделает это, то Он это совершит».

– И вы помните их тоже, – сказал я.

– Я верю, – сказала Сьюзен, – действительно верю.

Даже если бы она не сказала этого, я видел, что женщина уверена в хорошем исходе операции.

Идя по коридору, я думал о Сьюзен и Крэйге и обо всем, что случилось в их жизни. Они уже прошли через многое, но это был еще далеко не конец.

Сьюзен Варник – очень хорошая медсестра в нашем отделении детской нейрохирургии. У ее мужа болезнь Гиппеля-Линдау (цереброретинальный ангиоматоз). У людей, страдающих этим редким заболеванием, в мозге и сетчатке глаза появляется множество опухолей. Это наследственная патология. На протяжении нескольких лет у отца Крэйга развилось четыре опухоли мозга.

Мучения Крэйга начались в 1974 году, когда он учился в старших классах школы. Он узнал, что у него появилась опухоль. О болезни Гиппеля-Линдау знали немногие, и поэтому ни один из медиков, осматривавших Крэйга, не предвидел других опухолей. Мы с Крэйгом еще не встретились. Другой хирург сделал операцию и удалил опухоль.

Идя по коридору, я подумал о том, что мы сделали за прошедшие 13 лет. Затем мои мысли обратились к Сьюзен. В каком-то смысле она прошла через то же, что и Крэйг. Я восхищался ее посвященностью в уходе за мужем и тем, как она заботилась, чтобы для него было сделано все. Бог послал ему идеальную спутницу жизни.

Сьюзен как-то сказала, что они с Крэйгом знали с самого начала, что у них особая, посланная Небом любовь. Они познакомились в старших классах, когда ей было 14, а он был на два года старше. Ни он, ни она не рассматривали никого другого в качестве спутника жизни. Они оба стали христианами в старших классах благодаря служению *Young Life*. С того момента они возросли в вере и являются активными членами своей церкви.

Когда Крэйгу исполнилось 22 года, они наконец узнали название его редкого заболевания, а также о возможности повторного возникновения опухолей. После того он перенес операцию на легких, адrenaэктомию, две резекции опухолей мозга и опухолей сетчатки. Несмотря на все физические препятствия, с которыми он столкнулся, Крэйг продолжал учиться в колледже между госпита-

лизациями. После первой операции у молодого человека появились проблемы с равновесием и глотанием – и эти симптомы так и не прошли полностью.

В 1978 году Крэйг начал страдать рвотой и головными болями. Оба симптома продолжали появляться с нарастающей частотой. Еще до того как Крэйг снова прошел обследование, они со Сьюзен знали, что у него появилась еще одна опухоль. Однако врач Крэйга (первый терапевт) не догадался, что это еще одна опухоль, и, как рассказали мне Варники, развеял их страхи.

Анализы подтвердили, что Варники были правы. Доктор назначил вторую операцию. Вечером накануне операции нейрохирург из Балтимора сказал матери Крэйга:

– Боюсь, я не смогу удалить опухоль, не покалечив его.

Хотя они и хотели знать, чего ожидать в худшем случае, они были разбиты, когда врач особо не обнадежил их.

Последнее, что этот же доктор сказал Сьюзен вечером 19 апреля 1978 года, в ночь перед второй операцией, было:

– Завтра после операции я буду в реанимации. Хорошо?

Он собрался уходить, а потом повернулся и добавил:

– Надеемся, он выживет.

Это был один из немногих случаев, когда Сьюзен боролась с сомнениями относительно выздоровления Крэйга.

Крэйг пережил операцию, но у него появился целый ряд осложнений, включая двоение в глазах и неспособность глотать. У него настолько ухудшилось равновесие, что он не мог даже сесть. Крэйг был в ужасном физическом состоянии, депрессии и готов сдаться, но Сьюзен не сдавалась и не позволяла ему прекращать борьбу.

– Ты выздоровеешь, – постоянно твердила она.

Несколько месяцев спустя Крэйга приняли в реабилитационный госпиталь «Добрый самаритянин». В силу множества факторов было чудом, что Крэйга туда взяли.

Последующие два года он получал самое лучшее лечение, и его состояние существенно улучшилось.

– Спасибо Тебе, Боже, – молились Сьюзен, Крэйг и их семьи, вознося благодарение любящему Богу за каждый намек на прогресс. Однако для Сьюзен с Крэйгом просто улучшения было недостаточно.

– Отче Небесный, – молились они ежедневно, – исцели Крэйга.

Крэйг восстанавливался тяжело, было множество осложнений. Когда-то рослый и крепкий парень, теперь он похудел на 34 килограмма и выглядел, как высокий, обтянутый кожей скелет.

Состояние Крэйга продолжало улучшаться, но ему все еще предстоял долгий путь к выздоровлению. Он научился самостоятельно есть. В основном из-за проблем с глотанием Крэйгу требовалось полтора часа на прием пищи. Он не мог ходить и ездил в инвалидном кресле. Однако во время этого периода восстановления он показал невероятную целеустремленность, продолжив учебу в колледже.

Вера этих двоих была удивительной, особенно вера Сьюзен.

– Он будет ходить, – говорила она людям, – Крэйг снова будет ходить.

Спустя два года физиотерапии Крэйг пошел со Сьюзен к алтарю, опираясь на палочку, они поженились 7 июня 1980 года. *Baltimore Sun* написала большую статью об этих отношениях, построенных на любви, и о том, как они вырвали Крэйга из лап смерти.

Крэйг с головой ушел в учебу в колледже и наконец окончил его в январе 1981 года. Он нашел работу в федеральном правительстве по квоте для инвалидов.

Но не все было так радужно. В конце 1981 года у Крэйга развились опухоли надпочечников. Ему сделали операцию по удалению надпочечников, и теперь он должен всю жизнь принимать лекарства.

Вскоре после этого Сьюзен встретила с доктором Нейлом Миллером, офтальмологом из госпиталя Джонса Хопкинса, который сказал ей:

– По крайней мере вы теперь знаете название болезни. Это болезнь Гиппеля-Линдау, или БГЛ, – он улыбнулся. – Она названа в честь ученого, который ее обнаружил.

Он протянул Сьюзен статью об этой болезни.

Когда она начала читать, доктор Миллер сказал ей, что болезнь Гиппеля-Линдау поражает одного из 50 000 людей. Чаще всего БГЛ вызывает опухоли в легких, почках, сердце, селезенке, печени, надпочечниках и поджелудочной железе.

В тот момент Сьюзен осознала, какой отпечаток наложит это заболевание на остаток жизни Крэйга. Она оторвалась от чтения и встретила взглядом с доктором Миллером. У них обоих в глазах стояли слезы.

Позже она говорила:

– То, что доктор плакал, утешило меня больше, чем все, что он мог бы сказать. Я была так поражена тем, что, оказалось, среди медиков есть люди, глубоко сопереживающие своим пациентам. То, что доктор не скрывал слез, свидетельствовало, что он меня понимает и ему не все равно.

Сьюзен тогда узнала название и характеристики болезни. Это помогло ей понять, чего ожидать в будущем, – опухоли будут снова появляться.

– Эта болезнь не уйдет. Следующая операция не будет последней, – сказала она скорее себе, чем доктору Миллеру. – Нам придется жить с этим до конца дней, верно?

У него на глаза снова навернулись слезы. Он кивнул и хрипло ответил:

– По крайней мере теперь вы знаете, с чем имеете дело.

Сьюзен решила не рассказывать об этом мужу. Крэйг по природе тихий, а в тот момент у него была глубокая депрессия. Она подумала: если он узнает, какое мрачное будущее его ждет, это только усугубит его душевные муки.

Сьюзен держала эту информацию в тайне, но не успокаивалась. Ей нужно было знать больше. Следующие 18 месяцев Сьюзен читала, исследовала и писала всем, кто, по ее мнению, мог дать дополнительную информацию.

Сьюзен утверждает, что владеет одной из самых больших библиотек по БГЛ в мире, и я ей верю! Она обзвонила все клиники США, ища место, где занимались изучением БГЛ. За время болезни Крэйга Сьюзен стала практически экспертом по БГЛ и продолжает следить за последними достижениями медицины.

Болезнь Гиппеля-Линдау сопровождается предотвращаемой слепотой. Поскольку это заболевание доминантного типа наследования, это значит, что у 50 % детей, чьи родители больны БГЛ, оно тоже со временем проявится. Сестре Крэйга сейчас 40, у нее была опухоль после двадцати лет, но, похоже, больше у нее их не будет.

Когда Сьюзен наконец рассказала Крэйгу о БГЛ, он просто сказал:

– Я знал, что это что-то серьезное, да и опухоли снова появлялись.

В то время Сьюзен вспомнила, как сострадание доктора Миллера помогло ей справиться. Тогда она решила стать медсестрой. После выпуска в 1984 году Сьюзен подала резюме и получила место в отделении детской нейрохирургии госпиталя Джонса Хопкинса, где и работает до сих пор. Ни для кого не удивительно, что она стала прекрасной медсестрой.

В сентябре 1986 года Сьюзен поняла, что у ее мужа появились симптомы еще одной опухоли мозга. Тогда она попросила меня лечить Крэйга.

Я согласился, и мы сделали ему компьютерную томографию, после которой я сказал им, что, оказывается, у Крэйга еще три опухоли. Мы подготовились, я удалил опухоли, и, к счастью, у Крэйга не было никаких послеоперационных осложнений. Однако у него проявились

эндокринологические проблемы, на устранение которых потребовалось несколько недель. Вскоре у Крэйга развилась еще одна опухоль: в центре мозга с кистой внутри.

Мне ассистировал талантливый ординатор по имени Арт Вонг. Операция была сложной, поскольку нам пришлось разрезать мозолистое тело, соединяющее две половины мозга, чтобы добраться до центра и удалить новообразование.

Операция прошла хорошо. Крэйг быстро восстанавливался. Они молились, чтобы это была последняя операция, зная, что статистика работает против них. Крэйг продолжал выздоравливать – медленно, но уверенно.

Однако в 1988 году пришли плохие новости: у Крэйга развилась новая опухоль, на этот раз в стволовой части мозга. Она была в варолиевом мосту – области, которая считается неоперабельной. И все же кто-то должен был попытаться. Крэйг и Сьюзен попросили меня сделать операцию.

– Простите, – сказал я им, – но я никак не могу втиснуть Крэйга в мой операционный график.

Сьюзен прекрасно знала, что я был загружен пациентами до отказа. Хотя я считал, что сделал правильный выбор, мне было сложно говорить «нет».

– Я бы хотел, чтобы вы обратились к одному из других нейрохирургов, он специализируется на сосудистых заболеваниях, – сказал я, – поскольку эти опухоли – сосудистые.

– Мы бы очень хотели, чтобы именно вы это сделали, – сказал Крэйг тихо.

– Если бы только это было возможно, – сказала Сьюзен, – мы знаем, как вы заняты, и мы понимаем...

После долгой беседы, применив всевозможные методы убеждения, я уговорил Крэйга обратиться к другому нейрохирургу. Тот доктор хотел испробовать новую методику под названием гамма-нож. Однако, поговорив с ее

изобретателем-шведом, он решил, что эта операция, возможно, не будет эффективной при том типе опухоли, что была у Крэйга. Им нужно было обдумать другие варианты.

Однако Крэйгу стремительно становилось хуже. Он потерял способность глотать, у него настолько ослабели мышцы лица, что он их перестал чувствовать, также начались жуткие головные боли. Девятнадцатого июня 1988 года Крэйга привезла скорая.

Сьюзен позвонила мне. Слушая ее, я знал, что не могу остаться в стороне и позволить, чтобы Крэйгу стало еще хуже. Мне нужно было что-то предпринять. Я умолк, стараясь разделить эмоции и профессионализм, а затем услышал себя будто со стороны:

– Хорошо, я кого-нибудь подвину в расписании. Мы прооперируем Крэйга.

Мы назначили ему операцию на следующий день, 20 июня, в 18 часов.

Супруги оба пришли в восторг. Наверное, я в жизни не видел более счастливых людей. Казалось, само знание, что операцию буду делать я, успокаивало их.

– Все в Божьих руках, – сказал я им.

– Но мы верим, что вы даете Богу руководить вашими руками, – сказал Крэйг.

Хотя я и согласился сделать операцию, мне пришлось объяснить Крэйгу и Сьюзен, что эта опухоль предположительно находится в стволе мозга.

– Я не могу утверждать точно, пока не проникну внутрь и не исследую это место, – сказал я. – Но если она в стволовой части... – я умолк, не желая говорить им, что ничего не смогу сделать.

– Мы понимаем, – сказал Крэйг.

Сьюзен кивнула.

Они понимали, в какой ситуации находятся.

– Но, – добавил я, – любую часть опухоли, которая не в стволе мозга, я удалю.

– Все будет хорошо, – сказала Сьюзен.

И она действительно так считала. Было немного странно, что жена пациента ободряла меня, – непривычно быть стороной, получающей моральную поддержку.

Хотя я согласился на операцию, я все еще не знал, как лучше действовать. Я проконсультировался с другими нейрохирургами. Никто не знал, что делать с этой опухолью.

– Я проникну внутрь и хотя бы исследую, – наконец сказал я. Я ничего не обещал Варникам – да и как я мог? Им, казалось, не требовалось дополнительных заверений – они были более умиротворенными, чем я.

Именно тогда, поздним вечером перед операцией, я обнаружил в палате Крэйга группу молящихся людей.

Это была сложная операция. У опухоли было так много аномальных кровеносных сосудов, входящих и исходящих из нее, что мне пришлось пользоваться микроскопом, чтобы точно увидеть, где начиналась она сама, и удалить ее. Я смотрел на ствол мозга под всеми возможными углами, но не обнаружил ничего, кроме того, что ствол был очень гиперемирован.

Я думал: «Опухоль должна быть там, внутри ствола мозга». Поэтому я воткнул в него иглы. Ствол мозга считается неприкосновенным, поскольку в нем располагается так много важных структур и волокон, что даже малейшее раздражение может привести к значительным осложнениям. Я уже предполагал, что в опухоли есть киста. Если бы я смог достать до кисты и откачать немного жидкости, это снизило бы давление на мозг Крэйга.

Я не нашел кисту, зато спровоцировал ужасное кровотечение из мест проколов. Спустя восемь часов, около 2:30 ночи, мы зашили Крэйга и отправили в реанимацию. Он прошел через многое, и я предполагал, что он будет измучен.

Войдя в палату следующим утром, я был поражен. Крэйг вел себя так, словно его вообще не оперировали.

ли. Хотя он и лежал в постели, но улыбался, двигался и даже шутил.

Как только прошел шок, я сказал им со Сьюзен, что, по моему мнению, опухоль точно в центре варолиева моста – части ствола мозга.

– Я хочу вскрыть мост, – сказал я, – но прошлой ночью не смог, поскольку оперировал восемь часов и был уставшим. Я бы, наверное, уже не смог мыслить ясно. Я хотел бы приступить к неизведанной области, будучи в ясном уме и всеоружии, а не пробовать делать это ночью.

– Сделайте это, – сказал Крэйг.

– У нас не такой уж большой выбор, правда? – спросила Сьюзен.

– Существует риск, приблизительно 50 на 50, что Крэйг умрет прямо на операционном столе, – сказал я паре.

Эти слова было нелегко произносить, но все же я должен был сказать им все, даже неприятное.

– А если он не умрет, его может парализовать или же у него будут необратимые неврологические нарушения.

– Мы понимаем, – сказала Сьюзен, – но хотим, чтобы вы все равно сделали это. Мы молимся о чуде. Мы верим, что Бог собирается совершить его через вас.

– Что нам терять? – добавил Крэйг. – В любом случае – смерть.

Я назначил операцию через несколько дней.

Хотя я уже знал, что Крэйг и Сьюзен – сильные в вере христиане, тогда я увидел доказательство этому. Они постоянно повторяли:

– Мы хотим увидеть чудо, и мы верим, что оно произойдет. Мы молимся, чтобы Бог послал нам его.

Санитар отвез Крэйга в операционную, и процедура началась. Крэйг лежал лицом вниз на операционном столе, его голова была зафиксирована скобой, чтобы он не двигался. Медперсонал снова побрил и обработал его голову. Медсестра накрыла Крэйга стерильной просты-

ней с маленьким пластиковым окошком вокруг операционного поля. Операция началась.

Все снова шло тяжело. Наконец я добрался до боковой части ствола мозга.

– Я собираюсь сделать небольшое отверстие в стволе, – тихо сказал я своему персоналу.

Я взял биполярный пинцет (маленький электрический коагулятор) и вскрыл ствол мозга. Он начал обильно кровоточить, и так было каждый раз, когда я его касался. Мой ассистент продолжал откачивать кровь, чтобы поле было чистым, а я в это время спрашивал себя: *«Что мне делать дальше»?* Я тихо и ревностно молился: *«Боже, помоги мне понять, что делать».*

Я всегда молюсь перед любой операцией, пока мою руки, стоя у стола перед началом. На этот раз я остро осознал, что молюсь в процессе всей операции: *«Господи, все зависит от Тебя. Ты должен что-то сделать. Я понятия не имею, что предпринять».*

Я остановился, глядя в пространство, говоря Богу: *«Крэйг умрет, если Ты не покажешь мне, что делать».* Спустя несколько мгновений я знал, как поступить, – какое-то интуитивное знание наполнило мой разум.

– Дайте мне лазер, – сказал я технику.

Я попросил лазер просто потому, что это казалось наиболее логичным выбором. С его помощью я попробовал проделать небольшое отверстие в стволе. Лазер помог мне коагулировать некоторые кровеносные сосуды, пока я пробирался внутрь. Наконец я сделал крохотное отверстие при минимальном кровотечении и проник внутрь. Почувствовав что-то аномальное, я вытащил наружу краешек. Наверное, это была часть опухоли, но она

«Господи, все зависит от Тебя. Ты должен что-то сделать. Я понятия не имею, что предпринять».

застряла. Я осторожно потянул, но ничего не вышло. Я снова колебался, не желая действовать слишком напористо, а сделать больший надрез я не мог, поскольку уже проник в ствол мозга.

Анестезиологи посмотрели на мониторы, фиксирующие активность вызванных потенциалов, и увидели, что электрическая активность мозга снижается.

– Вызванные потенциалы исчезли, – сказал один из них.

«Вызванные потенциалы исчезли» – это как прямая линия ЭКГ при остановке сердца. Эта прямая линия показывала, что с одной стороны его мозга не было никаких волн активности, – это признак сильного повреждения.

«Боже, я просто не могу сдать-ся. Пожалуйста, направляй мои руки».

Мозг работает благодаря электрической активности, а активность, проходившая через ствол мозга с той стороны, прекратилась, хотя другая сторона оставалась нетронутой.

– Нам нужно поднажать, – сказал я, не позволяя себе думать о том, насколько сильными могут быть повреждения. «Боже, я просто не могу сдать-ся. Пожалуйста, направляй мои руки». Я продолжал работать у отверстия в стволе, ослабив руки, молясь, умоляя, осторожно продолжая тянуть. Наконец опухолевое образование начало выходить. Я мягко потянул, и внезапно все оно выскочило одним гигантским комом.

Ствол тут же сузился до нормальных размеров. Хотя я и был доволен, что достал опухоль, однако это причинило вред Крэйгу. Я старался не думать о том, что произойдет, но знал слишком хорошо. Даже если Крэйг выживет (что было крайне маловероятно), он будет «овощем». Он определенно будет в коме и, скорее всего, парализован. И все равно я продолжал операцию, зная, что это было правильно.

Операция длилась еще четыре часа. Когда мы зашили Крэйга, я чувствовал себя ужасно. Вслух я сказал: «Что ж, мы сделали со своей стороны все». Я знал, что так и было, но собственные слова не успокаивали.

Остальную часть истории рассказывает Сьюзен, которая позже напечатала о том, что произошло с Крэйгом, включая свой опыт во время первой операции в 1988 году, которую я только что описал.

СЬЮЗЕН ВАРНИК:

Многие друзья и члены семьи пришли побыть со мной во время операции той ночью, и я была благодарна им за присутствие. Когда люди не обращались ко мне, я почти все время читала Библию. Я хотела довериться Богу и отбросить все сомнения. Но они не уходили, продолжая мучить меня. Я не могла постичь, что происходило, и понять, почему падаю духом. А ведь я так долго была твердо уверена в Боге. Я была уверена, что произойдет чудо. На протяжении этих лет каждый раз, когда у Крэйга появлялись признаки уныния, я была рядом, чтобы поддержать его, дать ему понять, что я с ним и что вместе мы сможем выстоять, ведь нашими жизнями руководит Бог. Я была такой сильной, а в тот момент «разваливалась на части».

Той ночью ничто не могло вывести меня из депрессии. Помню, как говорила некоторым людям в комнате:

– Я раньше не говорила такого и не чувствовала себя так, но в данный момент я чувствую себя полностью разбитой. Может, Бог хочет, чтобы я поняла, что достаточно бороться. Может быть, мы с Крэйгом больше не сможем справиться. Может... Может, даже лучше, если все закончится вот так.

Конечно же, они пытались утешить меня, но я ничего не могла делать, кроме как ждать и волноваться.

Ближе к середине ночи я подняла голову и увидела, что в комнату ожидания, где мы с семьей находились, зашел доктор Карсон. Он рассказал о расположении опухоли, повреждении мозга и сказал:

– Как я говорил ранее, была большая вероятность такого исхода. В лучшем случае Крэйг проживет еще несколько месяцев, а затем умрет.

О докторе Карсоне говорили, что он невозмутим и не показывает эмоций, разговаривая с семьями. У него мягкий, добрый голос, такой тихий, что людям часто приходится напрягать слух, чтобы услышать его. Он всегда очень спокоен.

Я застыла, слушая фактически смертный приговор Крэйгу. Чем больше доктор Карсон говорил мне, тем больше я расстраивалась. Я не плакала, но начала дрожать всем телом. Я чувствовала, что дрожу, но чем больше пыталась унять ее, тем сильнее дрожь становилась. *Крэйг умрет...* Эта фраза звучала в моей голове снова и снова.

Доктор Карсон сказал, что попробует убрать опухоль, если мы с Крэйгом согласимся на повторную операцию, но также он сказал мне, что Крэйг определенно станет парализованным на одну сторону... и что существует вероятность его смерти.

Несколько минут я почти не видела Бена Карсона и ничего не слышала. Крэйг был при смерти – после этого мало что доходило до меня. Доктор Карсон стоял передо мной, пытаюсь утешить, а я знала, что он никогда не найдет подходящих слов, которые принесли бы мне умиротворение. После 14 лет изучения БГЛ я отлично выучила одно: если у Крэйга появится опухоль в мосту, он умрет, поэтому я знала, к чему все шло. Мой Крэйг. Я его потеряю. Крэйг умрет.

– Опухоль находится в центре моста, – повторил доктор.

В тот момент я посмотрела на него и увидела Бенджамина Карсона – простого живого человека. Конечно же, он был измученный, я видела следы усталости у него вокруг глаз, но было кое-что большее.

«Обычно он так не выглядит, – подумала я. – Что-то в нем не так». Тогда я поняла, что доктор Карсон в унынии, он разбит.

Я поняла, что была так заиклена на собственном замешательстве и боли, что думала только о нас с Крэйгом, не задумываясь, что творилось у доктора Карсона в душе.

Передо мной был мужчина, хорошо скрывающий эмоции, однако в тот момент он плохо с этим справлялся. Я подумала: *«Этот человек удаляет половину человеческого мозга. Он делает такие операции, которые не может никто. И все же я вижу на его лице грусть и отчаяние».*

Я моментально забыла о себе и Крэйге, и мне стало жаль доктора. Он старался изо всех сил, а теперь был выбит из колеи и очень расстроен.

Доктор договорил, развернулся и пошел по коридору. Глядя ему вслед, я думала: «Мне так его жаль».

Я побежала по коридору, догнала его, обняла и сказала: – Не грустите так, Бен.

Я вернулась в палату. В тот день один из пациентов выписался, и медсестры разрешили мне занять освободившуюся комнату. Лежа на койке, я смотрела в потолок и злилась – очень злилась.

Я не помнила, когда последний раз ощущала столько эмоций.

– Боже, – шептала я в полумраке, – мы прошли через много всего. Мы видели, как все негативное оборачивалось удачей. Хотя и были моменты, когда мне было сложно, особенно в первые годы совместной жизни, но этот – наихудший. Я злюсь на Тебя, Боже. Неужели Ты позволишь Крэйгу умереть и ничего не сделаешь, чтобы

его спасти? Если Ты собирался его забрать, то почему не сделал этого в 1981 или же когда у него появилась первая опухоль? Если Ты такой любящий, то как можешь позволять такому человеку, как Крэйг, пройти через столько, чтобы в конце просто умереть? Тогда ни в чем больше нет смысла. Ты собираешься сделать меня вдовой в 30 лет. У нас с Крэйгом так и не будет детей.

Я вспомнила, как другие женщины, потерявшие мужей, подчеркивали: то, что у них после смерти супруга остались дети, давало им цель и причины жить.

– У них хотя бы есть дети! А у меня ничего нет!

Изнутри меня раздирала такая боль, что хотелось умереть.

Спустя несколько минут я пошла в ванную и увидела свое отражение в зеркале. Я не узнала лицо, смотревшее на меня. Я пристально посмотрела на незнакомку перед собой.

В постель я вернулась еще боолее несчастной. Мне казалось, что вся моя жизнь была ошибкой. «Бесполезная! Это обо мне. Все усилия, вся забота – впустую. А как мне жить без Крэйга? Как Ты хочешь, чтобы я шла дальше без него?»

Я исходила злостью. Я винила Бога в том, что Он поставил меня в обстоятельства, в которых я сделала Крэйга всем своим миром, а теперь Он собирался его забрать. Я разрыдалась и дала выход своему гневу.

Обессилев, я наконец умолкла. И в тишине Бог сказал мне кое-что. Не голосом, но все же это определенно были слова: *«Крэйг не твой и ты не можешь заявлять на него права. Он не принадлежит тебе, Сьюзен. Он – Мой».*

Когда до меня дошла эта истина, я поняла, какой была глупой. Мы с Крэйгом отдали свои жизни Иисусу Христу еще в старших классах. Мы оба принадлежали Богу, и я не имела права пытаться сейчас его удерживать.

Несколькими днями ранее я слушала христианскую радиопередачу. Проповедник рассказывал историю о том, как Авраам взял Исаака на гору и как был готов

пожертвовать им – человеком, которого любил больше всех в жизни.²³

Я подумала о той истории и сказала:

– Да, Боже, Крэйг – мой Исаак. И, как Авраам, я хочу принести его Тебе.

Меня накрыло волной умиротворения, и я уснула на скромной больничной койке.

БЕН КАРСОН:

Вечером после второй операции на стволе мозга я делал обход и зашел к Крэйгу. Я не мог поверить – он сидел в кровати. Я несколько секунд пораженно смотрел на него, а затем, чтобы скрыть свое удивление, сказал:

– Пошевелите правой рукой.

Он пошевелил.

– Теперь левой.

Снова вполне нормальная реакция.

Я попросил его пошевелить ногами и другими частями тела. Все было в норме. Я не мог объяснить, как такое может быть. У Крэйга все еще были проблемы с глотанием, но все остальное, казалось, было в порядке.

– Думаю, в этом как-то поучаствовал Бог, – сказал я.

– Бог непосредственно сделал это, – ответил он.

На следующее утро мы уже могли убрать дыхательную трубку.

– Собираетесь меня выпотрошить? – рассмеялся Крэйг.

Он сыпал шутками, будучи в хорошем настроении после всего случившегося.

– Ты получил свое чудо, Крэйг, – сказал я.

– Я знаю, – его лицо сияло.

²³ См. Бытие, глава 22.

Я был дома с семьей, когда одним вечером около шести недель спустя зазвонил телефон. Как только Сьюзен узнала мой голос, она, не позаботившись о том, чтобы представиться, закричала:

– Доктор Карсон! Вы не поверите, что только что случилось! Крэйг съел целую тарелку спагетти с фрикадельками! Он все съел. И все проглотил! Это было больше чем полтора часа назад, и он хорошо себя чувствует.

Мы немного побеседовали, и было так хорошо осознавать, что я поучаствовал в их жизни в один из особенных моментов. Это заставило меня задуматься о том, как часто мы не ценим простые вещи, например, способность глотать. Только такие люди, как Крэйг и Сьюзен, понимают, насколько это чудесно.²⁴

²⁴ Что ждет Крэйга впереди? Мы надеемся, что он вернется к дооперационному состоянию. Это означает, что он будет обладать широкими функциональными возможностями. Все то время, что я знал его, у него были неврологические нарушения. У него бывает тремор и все еще есть проблемы с глотанием в результате разрушительного влияния второй операции, во время которой он едва не умер.

К сожалению, у Крэйга могут появиться другие опухоли. Но, я думаю, шансы их повторного появления в стволе мозга невелики. Сейчас он работает над магистерской работой по пасторскому консультированию.

РАЗДЕЛЕНИЕ БЛИЗНЕЦОВ

– Я хотела убить и их, и себя, – сказала Тереза Биндер. В январе 1987 года, на восьмом месяце беременности, двадцатилетняя женщина узнала ужасную новость – она родит сиамских близнецов.²⁵

– Боже мой, – плакала она, – этого не может быть! У меня не близнецы! У меня больной отвратительный монстр!

Она практически безостановочно проплакала следующие три дня. В своей боли будущая мать рассматривала всевозможные пути избежать рождения близнецов.

Сначала Тереза думала о том, чтобы наглотаться снотворного, чтобы убить нерожденных близнецов и себя.

²⁵ Вероятность рождения сиамских близнецов составляет приблизительно один случай на каждые 70 000 -100 000 родов; срастание близнецов головами случается в одном случае на 2-2,5 млн родов. Свое название сиамские близнецы получили по месту рождения (Сиам) Чанга и Энга (1811 - 1874), которых показывал в своем цирке П. Т. Барнум по всей Америке и в Европе.

Большинство сиамских близнецов-краниопагов умирают при рождении или вскоре после него. Насколько нам известно, ранее было сделано не более 50 попыток разделить таких близнецов. Из них – менее чем после десяти операций оба ребенка были нормальными. Помимо мастерства оперирующего хирурга, успех во многом зависит от того, насколько много тканей и какого типа у детей являются общими. Сросшихся затылками близнецов-краниопагов (таких как Биндеры) никогда ранее не удавалось разделить так, чтобы оба выжили.

Других сиамских близнецов, сросшихся бедрами или грудью, разделяли успешно. Несмотря на это, когда дети рождаются сросшимися, попытка разделить их является чрезвычайно деликатной операцией, шансы выживания при которой не выше 50 на 50. У таких близнецов некоторые биосистемы являются общими, и если их повредить, это закончится смертью обоих.

– Я просто не могла спокойно жить дальше, и какое-то время это казалось единственным выходом как для них, так и для меня.

Но в конечном итоге Тереза не смогла заставить себя проглотить таблетки. Некоторые ее мысли граничили с безумием, она обдумывала, как бы сделать что-то, только бы обрести мир и покончить с этим кошмаром. Она замышляла убежать, выпрыгнуть из окна высокого здания. Что бы женщина ни задумывала, она говорила:

– Я просто хочу умереть.

На четвертое утро Тереза вдруг поняла, что себя-то она может убить, хотя это, конечно, плохо, но ее суицид будет также убийством двух других живых существ, которые имели право на жизнь.

Тереза Биндер примирилась сама с собой, зная, что ей придется встретить лицом к лицу все, что бы ни случилось. Теперь она могла перешагнуть эту трагедию и смириться с результатами, ведь другие родители смогли.

Всего несколько месяцев назад Тереза и ее 36-летний муж Йозеф были исполнены радости в ожидании малыша. На раннем сроке беременности врач сообщил, что у нее будут близнецы.

– Я была наполнена радостью, – вспоминала Тереза, – и благодарила Бога за этот чудесный двойной подарок.

В радостном ожидании рождения близнецов эта пара из Ульма в Западной Германии купила одинаковые вещи для малышей, двойную колыбельку и двойную коляску.

Близнецы Патрик и Бенджамин родились при помощи кесарева сечения второго февраля 1987 года. Вместе они весили около трех килограммов и семисот граммов и были сращены затылками.

Сразу же после родов близнецов забрали в детскую клинику, и Тереза увидела их лишь три дня спустя. Когда она наконец посмотрела на своих малышей, с ней рядом

стоял Йозеф, готовый подхватить супругу и отнести в палату, если вдруг понадобится.

Однако Тереза увидела двух крохотных мальчиков – ее детей, – и ее сердце растаяло. По щекам покатились слезы. Муж прижал ее к груди, и они вместе обняли своих сыновей.

– Вы – наши, – сказала она мальчикам, – и я уже люблю вас.

Тереза Биндер больше не лишилась материнской любви, хотя предстоящие дни были очень тяжелыми – порой душераздирающими. Она опекала и заботилась о малышах сильнее с каждым днем.

Биндерам пришлось учиться, как правильно держать детей. Поскольку их головы были развернуты в разные стороны, то, чтобы покормить их, Терезе приходилось опираться малышей на подушки и держать бутылочки с молоком в обеих руках. Хотя у близнецов не было общих жизненно важных органов, они делили часть черепа и ткани кожи, а также крупную вену, отвечавшую за отток крови из мозга и ее возврат в сердце.

Через пять недель после родов Биндеры забрали сыновей домой.

– Не было такого момента, когда бы мы их не любили, – сказал Йозеф, – ведь они были нашими сыновьями.

Из-за того, что они были сращены головами, мальчики не могли учиться двигаться, как другие младенцы, но все же они с самого начала вели себя как два отдельных человека. Один часто спал, пока другой плакал.

Биндеры жили надеждой, что однажды их пухленьких светловолосых сыновей разделят. Размышляя о будущем Патрика и Бенджамина, они узнали, что если мальчики останутся сросшимися, то они никогда не смогут сидеть, ползать, поворачиваться или ходить. Два прекрасных ребеночка будут прикованы к постели и обречены лежать всю свою жизнь. Не особо хорошая перспектива.

– Я жила мечтой, которая заставляла меня продолжать действовать, – сказала мне Тереза на первой встрече, – мечтой, что каким-то образом мы сумеем найти врачей, способных совершить чудо.

Каждый вечер, ложась спать, последнее, о чем Тереза думала перед сном, было то, как будет качать и держать на руках каждого сына отдельно, играть с ними и укладывать в разные колыбельки. Было много таких ночей, когда она лежала в постели со слезами на глазах, думая о том, а произойдет ли такое чудо с ее сыновьями. Никто еще не разделял сиамских близнецов, сросшихся затылками, так, чтобы оба выжили.²⁶

– Но я не теряла надежды. Я не могла себе этого позволить, ведь мои сыновья были главными в моей жизни, – сказала она. – Я знала, что до своего последнего вздоха буду бороться за то, чтобы у них был шанс.

Педиатр из Восточной Германии связался с нами и спросил, может ли команда детских хирургов госпиталя Джонса Хопкинса разработать план по разделению близнецов Биндер, чтобы дать им шанс на нормальную жизнь по отдельности.

Тогда в этой истории появился я.

Изучив доступную информацию, я согласился провести операцию, зная, что это будет самая рискованная и трудоемкая операция из всех, что я когда-либо делал. Но также я знал, что это даст мальчикам шанс – их единственный шанс – жить нормально. Мое согласие было только одним из этапов, поскольку эта процедура не утверждалась одним врачом единолично. Доктор Марк Роджерс, заведующий

²⁶ Шестого марта 1982 года Алекс Хэллер и один 21-летний сотрудник госпиталя Джонса Хопкинса сделали успешную операцию по разделению девочек-близнецов, родившихся у Кэрл и Чарльза Селваджо из Солсбери, Массачусетс. Она длилась десять часов. Эмили и Франческа Селваджо были сращены от верхней половины брюшной полости до груди, у них были общими пуповина, кожа, мышцы и реберные хрящи. Основной проблемой, с которой столкнулась команда Хэллера, стала кишечная непроходимость.

отделением детской реанимации в госпитале Хопкинса, координировал это масштабное предприятие. Мы собрали семь детских анестезиологов, пять нейрохирургов, двух кардиохирургов, пять пластических хирургов и много важных для дела медсестер и ассистентов – в общей сложности семьдесят человек. Нам также предстояло пройти интенсивную пятимесячную информационную и практическую подготовку к такой уникальной операции.

Крэйг Дюфрен, Марк Роджерс, Дэйвид Николс и я планировали полететь в Восточную Германию в мае 1987 года. Во время нашего четырехдневного визита Дюфрен вживил бы надувные силиконовые шарики малышам под кожу. Это устройство должно было постепенно растягивать кожу, чтобы было больше тканей для закрытия больших хирургических ран после разделения.

Когда дойдет до операции, я буду делать само разделение, а затем Донлин Лонг будет работать с одним мальчиком, тогда как я возьмусь за второго. Чтобы наши шансы на успех были выше, у меня будет лучшая команда медиков из госпиталя Джонса Хопкинса, а именно: Брюс Рейтц, заведующий отделением кардиохирургии, Крейг Дюфрен, доцент кафедры пластической хирургии, Дэйвид Николс – детский анестезиолог и Донлин Лонг – заведующий нейрохирургией совместно с Марком Роджерсом в роли координатора и пресс-секретаря.

Поскольку я видел только рентгеновские снимки детей, мне нужно было лично оценить их неврологическое состояние, поэтому я был в составе делегации, собиравшейся в Германию, чтобы определить, можно ли сделать операцию.

За две недели до отъезда наш дом ограбили. Помимо различных вещей, таких как техника, также забрали наш сейф, который не смогли открыть. В том маленьком, размером с обувную коробку, сейфе хранились все наши важные документы и бумаги, включая паспорта.

Хотя я понимал, что восстановить паспорт за две недели будет сложно, я не знал, что это будет невозможно. Когда я позвонил в Министерство иностранных дел, мягкий, но решительный голос на другом конце провода сказал:

– Простите, доктор Карсон, но за такой короткий период невозможно ничего сделать.

Тогда я обратился к следователю по нашему делу:

– Каковы шансы вернуть мои документы, в частности, паспорт?

– Да никаких, – фыркнул он. – Такие вещи никогда не возвращаются. Они их выбрасывают в мусор.

Повесив трубку, я помолился:

– Господи, если Ты хочешь, чтобы я сделал эту операцию, то нужно, чтобы Ты как-то вернул мне паспорт.

Я старался не думать о паспорте. Я был настолько поглощен другими делами из-за масштабной рабочей нагрузки, что этот вопрос вылетел у меня из головы.

Спустя два дня тот же полицейский позвонил мне в офис:

– Вы не поверите, но у нас ваши документы и паспорт.

– О, я верю, – ответил я.

Он сообщил мне, что детектив, копаясь в мусоре, нашел пластиковый пакет, в котором был документ с моим именем. Он продолжил искать и нашел все остальные вещи, каждый важный украденный документ. Благодаря этой находке им удалось раскрыть большую преступную группировку в Балтиморе, округ Вашингтон, и найти все наше оборудование, а также вещи, украденные у других семей.

Наша команда провела последующие пять месяцев за планированием и прорабатыванием всех чрезвычайных ситуаций, которые только мы могли предвидеть. Часть приготовлений состояла в переделке монтажной электрической схемы целой секции огромной операционной таким образом, чтобы в случае отключения электроэнергии у нас был аварийный источник питания. В операционной всего было по два: анестезиологических аппарата,

аппарата «сердце-легкие» и операционных стола, которые сначала должны были стоять рядом, но затем мы могли бы раздвинуть их, как только я сделаю рассечение, которое разделит мальчиков.

К концу пятимесячного периода все было настолько организовано, что иногда было такое ощущение, что мы планируем военную операцию. Мы даже продумали, где каждый член бригады будет стоять в операционном зале. В десятистраничном протоколе был детально расписан каждый этап операции. Мы бесчисленное количество раз обсуждали трехчасовые генеральные репетиции, которые делали с куклами в натуральную величину, скрепленными головами при помощи текстильной застежки.

Обсуждая операцию, мы все старались не забывать о том, что не будем ничего делать, пока не убедимся, что у нас будут большие шансы разделить мальчиков, не нарушив неврологические функции ни одного из малышей.

Ни Донлин Лонг, ни я не были уверены, что такие части важных тканей мозга, как зрительный центр, были целиком раздельными. К счастью, как мы и предполагали, общей у мальчиков была только главная дренажная система под названием верхний сагиттальный синус, жизненно важная вена.

Операция семимесячных близнецов началась 5 сентября 1987 года, в 7:15 утра. Мы выбрали этот день потому, что госпиталь был менее загружен и персонал был более свободным, чтобы помочь нам.

Марк Роджерс посоветовал родителям оставаться в отеле, пока будет длиться операция, чтобы они хоть немного отдохнули. Как я и ожидал, они этого не сделали, постоянно по очереди дежуря у телефона. На протяжении следующих 22-х часов один из врачей звонил Бин-

дерам, чтобы сообщать им новости по каждому этапу их тяжелого испытания.

После того как мальчикам сделали анестезию, кардиохирурги Рейтц и Камерон вставили тонкие, толщиной с волосок, катетеры в основные вены и артерии близнецов для мониторинга состояния малышей во время операции. Мы зафиксировали головы детей, чтобы те не обвисли после разделения, затем сделали надрез на коже головы и убрали костную ткань, соединявшую два черепа, а затем аккуратно законсервировали ее, чтобы использовать в дальнейшем для реконструкции их голов.

Далее мы вскрыли твердую оболочку мозга – его покрытие. Это было непросто из-за большого количества извилистых областей оболочки и плоскостей между их мозгами, а также огромной аномальной артерии между ними, которую тоже нужно было разделить.

Прежде чем предпринимать какие бы то ни было попытки разделить большую вену, нам нужно было сначала завершить рассечение соединения между двумя мозгами. Мы изолировали верхнюю часть синуса и нижнюю прямо под синусным стоком, местом, где все синусы сходятся воедино. Обычно это место размером с небольшую монету. К сожалению, в этом случае оно было значительно больше.

Когда мы сделали надрез под областью, где синусный сток должен был заканчиваться, неожиданно началось сильнейшее кровотечение. Мы приостановили кровь, пришив кусочки мышц к этому участку, но кровотечение было пугающим. Мы продолжили операцию, и я, помню, сказал:

– Синусный сток не растянется сильнее.

Однако дальше все шло по тому же сценарию. В конце концов мы добрались до основания черепа, где спинной мозг соединялся со стволом головного, но у нас возникла та же проблема.

Мы пришли к выводу, что синусный сток был размером не с четвертак, а охватывал всю заднюю часть обеих голов близнецов, представляя собой гигантское венозное озеро, находящееся под сильным давлением.

Эта ситуация заставила нас начать глубокую гипотермическую остановку кровообращения досрочно. На совещаниях по планированию мы тщательно рассчитывали ее по времени, чтобы за три-пять минут разделить сосудистые структуры, а остаток времени параллельно реконструировать их у обоих младенцев.

Мы подключили каждого ребенка к аппарату «сердце-легкие» и пропустили их кровь сквозь него, чтобы охладить ее с 35 °C до 20 °C.

Мы медленно откачали кровь из тел мальчиков. Такая глубокая гипотермия приводит к почти полной остановке метаболических функций организма, и это позволяло нам остановить сердца и кровообращение приблизительно на час, не причинив вреда мозгу. Нам пришлось остановить кровообращение довольно надолго, чтобы сформировать отдельные вены. В это время близнецы Биндер были в состоянии, близком к искусственной клинической смерти.

По нашим подсчетам, спустя час потребность тканей в питании, предоставляемом кровью, приведет к необратимым повреждениям. Это значило, что как только мы снизили температуру тела мальчиков, нам нужно было работать быстро. (Что интересно, этот прием можно использовать только с детьми до 18 месяцев, поскольку их мозг еще развивается и достаточно гибок, чтобы восстанавливаться после такого шока).

Спустя 20 минут после того, как мы начали снижать температуру тела, настал критический момент. Черепа уже были открыты, я приготовился рассечь тонкую голубую основную вену в затылочной части головы близнецов, которая отводила кровь от мозга. Она была последним свя-

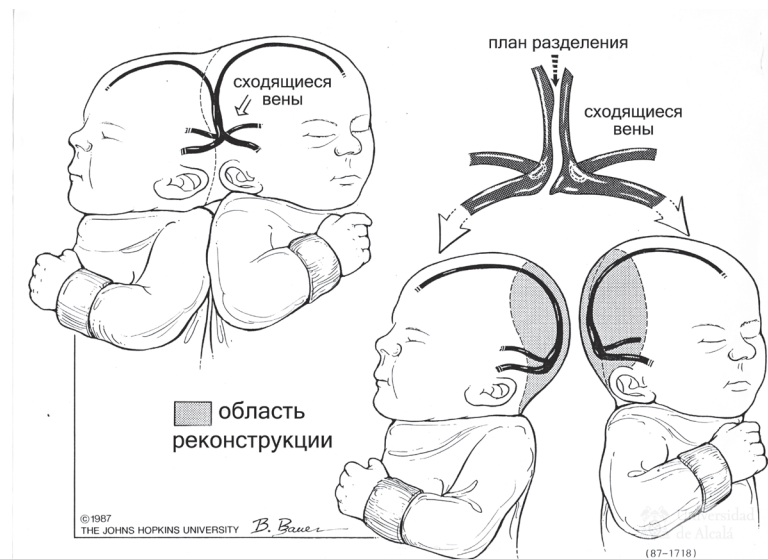
зующим звеном между этими двумя малышами. Это было сделано, и мы раздвинули столы. Лонг занялся одним мальчиком, а я – вторым. Впервые в своей жизни Патрик и Бенджамин существовали отдельно друг от друга.

Однако близнецы сразу же оказались под риском возможной смерти. Прежде чем возобновить кровообращение, мы с Лонгом, работая двумя бригадами, должны были собрать новый верхний сагиттальный синус из кусочков перикарда (внешней оболочки сердца), который был взят ранее.

Некоторые начали поглядывать на большой таймер на стене. На завершение нашей работы до запуска кровообращения у нас оставался час. Мы бежали со временем наперегонки, но я сказал медсестрам:

– Пожалуйста, не говорите мне, который час или сколько осталось времени.

Мы не хотели знать, нам не нужно было дополнительное давление, когда кто-то говорил бы: «У вас осталось только 17 минут». Мы работали так быстро, как могли.

Я дал указание:

– Когда придет время, просто снова запустите насос. Если они умрут от кровотечения, то так тому и быть, но мы будем знать, что сделали все, что могли.

Я не бессердечный человек, но я не хотел рисковать повреждением мозга. К счастью, мы с Лонгом оба привыкли работать под давлением и продолжали трудиться, не позволяя себе отвлекаться.

Начинать операцию было страшно, поскольку тела детей были настолько холодными, что, казалось, работаешь над трупом. В каком-то смысле близнецы были мертвыми. На мгновение я задумался, смогут ли они вообще снова ожить.

На планировочных совещаниях я предположил, что рассечение синусов займет от трех до пяти минут. Затем мы потратим оставшиеся 50-55 минут на реконструкцию синусов, прежде чем вернуть кровообращение.

– О нет, – пробормотал я себе под нос.

Я задел отросток. Мне потребуется больше времени, чем я рассчитывал, на то, чтобы реконструировать огромный синусный сток у моего близнеца. Сток – это сложная область для всех нейрохирургов, поскольку кровь там течет под таким давлением, что отверстие в синусном стоке диаметром с карандаш приведет к тому, что ребенок истечет кровью и умрет в считанные минуты.

Разделение всех сосудов после гипотермической остановки заняло 20 минут, а это значило, что мы превысили планируемый лимит времени приблизительно в три раза.

Мы не смогли предвидеть такую ситуацию из-за того, что давление в этом венозном озере было настолько сильным, что оно вымыло контрастное вещество при ангиограмме.

Поскольку мы потратили 20 минут на разделение сосудов, нам осталось всего 40 минут на завершение работы. К счастью, кардиохирурги наблюдали за нашей работой, и,

пока я резал синусы, они определили их размер и вырезали из перикарда кусочки точно такого же диаметра и формы.

Хотя они и делали приблизительные расчеты, эти два человека были настолько умелыми в своем деле, что, когда они дали Лонгу и мне перикард, все кусочки подошли просто идеально. Мы могли спокойно пришивать их на место поврежденных участков.

В определенный момент, наверное, где-то на 45 минуте, я понял, что время заканчивается. Даже не глядя по сторонам, я чувствовал, как уровень напряжения вокруг меня растет, все, казалось, шептали друг другу: «А мы уложимся в отведенное время?»

Лонг закончил работать над малышом первым. Я завершил работу за несколько секунд до того, как кровь снова начала циркулировать. Мы уложились.

На какое-то мгновение в операционной воцарилась тишина, я слышал только ритмичное звучание аппарата «сердце-легкие».

– Вот и все, – сказал кто-то позади меня.

Я кивнул и сделал глубокий вдох, внезапно осознавая, что задержал дыхание на тех последних критических мгновениях. Перенапряжение сказалось на нас всех, но мы отказывались ему поддаваться.

Как только мы снова запустили сердца младенцев, мы столкнулись с очередной огромной проблемой – обильным кровотечением из всех мелких сосудов в мозге, которые были задеты во время операции.

Все, что могло кровоточить, кровоточило. Последующие три часа мы пытались остановить кровь любыми известными человеку способами. В какой-то момент мы поняли, что просто не сможем этого сделать. Кровь текла литр за литром, и вскоре у нас закончились все имевшиеся под рукой запасы.

Мы ожидали кровотечения, поскольку нам пришлось применить антикоагулянты, чтобы использовать аппарат

«сердце-легкие». Когда мы снова запустили их сердца, кровь плохо сворачивалась и мы столкнулись с интенсивным кровотечением в области раны.

Травмированные мозги малышей начали сильно опухать – это, конечно, помогло запечатать некоторые из кровоточащих сосудов, но мы не хотели, чтобы из-за этого кровообращение перекрылось полностью.

Самый ужасный момент настал тогда, когда мы узнали, что запасы крови заканчиваются. Роджерс позвонил в банк крови при госпитале.

– Простите, но у нас не очень много крови в наличии, – сказал голос на другом конце провода, – мы проверили, и нигде в Балтиморе тоже больше нет.

– Я дам свою, если она подойдет, – сказал кто-то из команды, как только Марк Роджерс сообщил о ситуации.

Шестеро, а то и восемь человек из операционной тут же вызвались дать свою кровь – благородный жест, но нецелесообразный. В конце концов банк крови Хопкинса дозвонился до Американского Красного Креста, и те дали десять доз крови – именно столько, сколько нам было необходимо.

К концу операции близнецам перелили 60 доз крови – в несколько десятков раз больше их обычного объема. Длина окружности обширных ран на головах составляла около 40 сантиметров.

Пока это все происходило, кто-то из команды постоянно держал связь с родителями, которые уехали из отеля и уже сидели в комнате ожидания. У нас также был персонал, который заботился о том, чтобы всем членам операционной бригады было что поесть во время наших нечастых перерывов.

Мы планировали немедленно установить близнецам изобретение Дюфрена – титановую сетку, смазанную пастой из измельченных костей сращенного участка черепа малышей. Как только она была бы поставлена на

место, кости черепа малышей начали бы расти сквозь и вокруг сетки, и ее не нужно было бы потом убирать.

Сначала, однако, мы должны были закрыть покровные ткани черепа до того, как их опухшие мозги полностью выйдут из черепов. Мы ввели мальчиков в барбитуратную кому, чтобы замедлить интенсивность обменных процессов в мозге. Затем мы с Лонгом отошли, а Дюфрен со своей командой по пластической хирургии приступил к делу, работая быстро, пытаясь поставить покровные ткани на место. Наконец они собрали все кусочки воедино у одного мальчика, а у второго было несколько пропущенных мест.

Дюфрену теперь нужно было подождать и поставить титановые пластины позже.²⁷

Также мы столкнулись с проблемой: у нас не хватало кожных покровов для покрытия голов обоих мальчиков; мы временно закрыли голову Бенджамина хирургической сеткой. Дюфрену теперь нужно было запланировать вторую операцию, чтобы создать косметически приемлемый череп, если младенцы начнут выздоравливать.

Если младенцы начнут выздоравливать...

²⁷ Бенджамину и Патрику пришлось еще 22 раза побывать в операционной, чтобы им полностью закрыли черепа кожей. Я сделал несколько из этих операций, но большинство – Дюфрен, включая пришивание особых кожных заплаток на затылок Бенджамину.

ОКОНЧАНИЕ ИХ ИСТОРИИ

Если они выздоровеют... На каждом этапе операции это было основополагающим вопросом: если. «О Боже, – я молча молился снова и снова, – дай им выжить. Помоги все преодолеть».

Даже если они переживут операцию, пройдут недели, прежде чем мы сможем оценить их состояние в полной мере. Ожидание будет напряженным, ведь мы постоянно будем искать первые признаки соответствия нормам, в то же время боясь, что можем заметить признаки повреждения мозга.

Чтобы дать серьезно травмированным мозгам детей шанс восстановиться без продолжительных побочных эффектов, мы применили препарат фенobarбитал, чтобы ввести детей в искусственную кому. Фенobarбитал существенно снизил метаболическую активность их мозга. Мы подключили их к системам жизнеобеспечения, которые контролировали их кровообращение и дыхание. Отек мозга был сильно выраженным, но не хуже, чем мы предполагали. Мы косвенно контролировали отек, измеряя изменения сердцебиения и давления и периодически делая сканы КТ, которые давали трехмерную рентгенограмму мозга.

Операция закончилась в 5:15 утра на следующий день. Она продлилась 22 часа. Но битва еще не была окончена.

Когда наша команда вышла из операционной под аплодисменты других членов больничного персонала, Роджерс пошел прямо к Терезе Биндер и с улыбкой на лице спросил:

– Какого ребенка вы бы хотели увидеть первым?

Она открыла рот, чтобы ответить, и ее глаза наполнились слезами.

Как только мы приступили к реализации плана по разделению близнецов Биндер, отдел связей с общественностью при госпитале Джонса Хопкинса начал информировать медиа о том, что мы делаем. Это была историческая операция. Хотя мы этого и не знали, комната ожидания и коридор были переполнены репортерами. Разумеется, ни один из них не попал в операционную. Даже если бы они и попытались, их бы остановила усиленная охрана госпиталя. Несколько местных радиостанций каждый час передавало новости об операции. Естественно, что при таком освещении события бесчисленные тысячи людей внезапно оказались вовлечены в этот хирургический феномен. Позже я узнал, что многие, следившие за обновлениями, на протяжении дня останавливались и молились за наш успех.

Как только мы покинули операционную, навалилась усталость и хотелось просто упасть и лежать. В первые минуты после операции я даже думать не мог о том, чтобы отвечать на чьи-то вопросы или рассказывать о том, что мы сделали. Роджерс перенес пресс-конференцию на вечер того дня, чтобы мы могли отдохнуть и немного привести себя в порядок. Когда я вошел в конференц-зал в четыре часа, меня внезапно будто пронизало осознание масштаба этой операции. Комната была заполнена репортерами с камерами и микрофонами. Это может показаться странным, но, когда кто-то делает работу, –

неважно, какая это работа, – бывает сложно осознавать ее важность.

Тем вечером, всего несколько часов после операции, мои мысли были сосредоточены на Патрике и Бенджами-не Биндер. Внимание медиа, которое спровоцировала эта историческая операция, было последним, о чем я думал. Я сомневаюсь, что хотя бы один из нас был готов к такому отклику со стороны репортеров и миллионам вопросов, которые они задавали. Мы, должно быть, странно выглядели, стоя перед работниками СМИ в помятой одежде с изможденными лицами. Мы были уставшими, но в приподнятом настроении. Первый шаг был гигантским, и мы его сделали. Но это был лишь первый шаг на большом пути.

– Успех этой операции не в том, чтобы просто разделить близнецов, – сказал Марк Роджерс в начале пресс-конференции, – успех в том, чтобы в результате было два здоровых ребенка.

Пока Роджерс отвечал на вопросы, я думал о том, как благодарен за то, что могу быть частью этой великолепной команды. На протяжении пяти месяцев мы были одним звеном, все специалисты и другие сотрудники энергично взялись за дело. Персонал детской реанимации и консультанты детского центра отреагировали впечатляюще. Они присоединились к нам и проработали много часов безвозмездно, просто чтобы эта операция была успешной.

Я слушал, как Роджерс описывал этапы операции, и добавил:

– Меня потрясло то, что мы как команда смогли справиться и выполнить задачу такой сложности. Мы можем сделать намного больше, чем думаем, если будем мотивировать друг друга.

Хотя другие также отвечали на вопросы, Марк Роджерс как главный спикер и я ответили на большинство. Когда репортеры спросили меня о шансах выживания мальчиков, я сказал им:

– Шансы близнецов 50 на 50. Мы хорошо продумали всю процедуру. По логике вещей она должна сработать, но я знаю: когда ты делаешь то, чего до тебя никто не делал, может случиться неожиданное.

Один из репортеров поднял вопрос относительно их зрения:

- Они смогут видеть?
- В данный момент мы просто не знаем.
- Почему?
- Во-первых, – сказал я, – близнецы слишком малы, чтобы сказать нам самостоятельно!

В зале послышался смех.

– Во-вторых, – продолжил я, – их неврологическое состояние ухудшилось, и это отсрочит возможность оценить их зрительные способности. Мальчики пока еще не могли смотреть на вещи или попадающие в поле зрения объекты своими глазами.

(На следующий день пестрели заголовки по всему миру: «БЛИЗНЕЦЫ ОСЛЕПЛИ ПОСЛЕ ОПЕРАЦИИ». Мы такого не говорили и не имели в виду. Мы сказали, что пока не можем уточнить).

- Но выживут ли они? – спросил репортер.
- Смогут ли они жить нормальной жизнью? – спросил другой.
- Все это теперь – в Божьих руках, – сказал я.

Кроме этого утверждения, в которое я верил, я не знал, что сказать. Выходя из переполненного зала, я понимал, что сказал все, что следовало.

Как бы пессимистично я ни был настроен относительно окончательного результата операции, я все же чувствовал легкую гордость за возможность поработать плечом к плечу с лучшими специалистами медицинской сферы. И завершение операции не было завершением сотрудничества нашей команды. Послеоперационный уход был таким же эффектным, как и операция. Все, происходившее

в последующие за операцией недели, снова показало наше единство. Казалось, каждый, начиная с простых администраторов, санитаров и заканчивая медсестрами, был лично заинтересован в этом историческом событии. Мы были командой – чудесной, великолепной командой.

Патрик и Бенджамин пробыли в коме десять дней. Это означало, что полторы недели никто ничего не знал. Останутся ли они в коме? Очнутся ли они, чтобы начать жить нормальной жизнью? Будут ли инвалидами? Мы все ждали и думали. Наверное, большинство из нас старалось меньше волноваться и больше молиться.

Вводя детей в кому, мы не сделали ничего необычного. Мы вводили людей в барбитуратную кому и задолго до этого. К примеру, детей с сильными травмами головы нужно вводить в кому, чтобы снизить внутричерепное давление. Мы постоянно следили за жизненными показателями близнецов, трогали пересаженные кусочки кожи, чтобы проверить, насколько они натянуты. Сначала они были довольно сильно натянуты, но затем начали смягчаться – хороший знак того, что отек спадал. Время от времени, когда уровень барбитурата снижался и мы видели движение, мы говорили:

– Что ж, они могут двигаться.

На том этапе нам нужен был любой обнадеживающий знак.

– Все в руках Божьих, – говорил я, а затем напоминал себе: – И так было всегда.

На протяжении следующей недели я, как только сменялся с дежурства, ожидал, что вот-вот кто-то позвонит мне и скажет:

– Доктор Карсон! У одного из близнецов остановка сердца. Мы сейчас реанимируем его.

Дома я тоже не мог расслабиться, потому что знал: телефон может зазвонить и я услышу ужасные новости. Дело не в том, что я не доверял Богу или нашей коман-

де медиков. Просто мы ступили на неизведанную территорию и, будучи врачами, знали, что осложнений было много. Я все время готовился к плохим вестям, к счастьем, их не было.

В середине второй недели мы решили ослабить кому.

– Они двигаются, – сказал я несколько часов спустя, когда зашел посмотреть на малышей, – смотрите! Он пошевелил левой ножкой! Видите?!

– Они двигаются! – сказал кто-то позади меня. – Они оба выздоровеют!

Мы были вне себя от счастья, почти как молодые родители, которым просто необходимо исследовать каждый сантиметр тела своих новорожденных деток. Каждое движение – от зевка до шевеления пальцев – становилось причиной радости всего госпиталя.

А затем случилось то, что заставило многих из нас прослезиться.

В тот же день, как только фенотербитал прекратил действовать, оба мальчика открыли глазки и начали смотреть по сторонам.

– Он видит! Они оба могут видеть!

– Он смотрит на меня! Видите, видите, что происходит, когда я двигаю рукой.

Для того, кто не знал всей пятимесячной истории подготовки, работы, переживаний и беспокойства, мы казались бы сумасшедшими. Но мы просто обрадовались. В последующие дни я часто ловил себя на мысли: *«Это правда? Неужели это происходит?»* Я не ожидал, что они проживут больше 24 часов, а у них каждый день были стабильные улучшения. «Боже, спасибо Тебе, спасибо Тебе, – говорил я снова и снова, – я знаю, что Ты совершил это Своей рукой».

У нас были некоторые послеоперационные чрезвычайные ситуации, но ничего такого, чего бы мы быстро не взяли под контроль. Детские анестезиологи заведова-

ли отделением реанимации. Те люди, которые посвятили невероятное количество своего времени этой операции, также занимались послеоперационным уходом.

Затем встал вопрос о неврологических возможностях детей. Что они смогут делать? Смогут ли они научиться ползать, ходить, делать обычные вещи?

С каждой неделей Патрик и Бенджамин осваивали новое и взаимодействовали более осмысленно. Патрик мог играть с игрушками, поворачиваться с боку на бок и хорошо управлял ножками. Однако в один из дней, за три недели до отъезда в Германию,

Патрик, к сожалению, подавился едой, попавшей в легкие. Медсестра обнаружила его в кровати с остановкой дыхания.

Ее быстрая реакция дала возможность бригаде экстренной медицинской помощи откачать его, но никто не знал, как долго малыш был без дыхания. Он уже посинел. После этого ребенок стал другим. С грустью, не говоря этого вслух, мы понимали, что это означало определенное повреждение мозга, но мы понятия не имели, насколько сильным оно было. Мозг не может обходиться без кислорода дольше нескольких секунд. Когда близнецы покинули госпиталь Джонса Хопкинса, Патрик, несмотря на остановку дыхания, делал успехи. У Бенджамина было все хорошо, хотя его реакции сначала были более медленными. Вскоре он начал делать то же, что и Патрик до остановки дыхания, например, ворочаться с боку на бок.

Из-за соглашения, подписанного родителями с журналом *Bunte*, я больше ничего не могу писать о развитии близнецов после того, как они покинули госпиталь Джонса Хопкинса. 2 февраля 1989 года, как мне известно, двое разделенных и безгранично любимых мальчика-близнеца отпраздновали свой второй день рождения.

«Боже, спасибо Тебе, – я знаю, что Ты совершил это Своей рукой».

ДЕЛА СЕМЕЙНЫЕ

Голос Кэнди, близкий, настойчивый, пробудил меня от глубокого сна в два часа ночи.

– Бен! Бен! Просыпайся.

Я засунул голову под подушку. День выдался тяжелым. Я провел тот день – 26 мая 1985 года – в нашей церкви, принимая участие в мероприятии для бегунов под названием «Здоровый выбор». Мы предложили людям пробежать один, пять или десять километров. Вместе с другими врачами я делал быстрый осмотр, чтобы оценить состояние здоровья человека, а эксперты в это время давали советы, как вести здоровый образ жизни и как лучше бежать.

Кэнди была на последнем месяце беременности и готовилась к родам. Она слегка толкнула меня локтем и сказала:

– У меня схватки.

Я с трудом открыл глаза.

– Какой промежуток?

– Две минуты.

Я моментально осознал, что это означает.

– Одевайся, – скомандовал я, вскакивая с постели. Чтобы доставить жену в госпиталь Хопкинса, нам нужно было полчаса. Роды нашего первого сына, появившегося

Глава 21. Дела семейные

на свет в Австралии, длились восемь часов. Мы полагали, что этот ребенок появится на свет немного быстрее.

– Боли начались всего несколько минут назад, – сказала она, свешивая ноги с кровати и вставая.

На полпути из комнаты Кэнди остановилась.

– Бен, они учащаются.

Ее тон был таким спокойным, будто она рассказывала прогноз погоды.

Я не помню, что ответил. Я был относительно спокоен, продолжая одеваться.

– Кажется, ребенок выходит, – сказала Кэнди, – сейчас.

– Ты уверена?

Я подскочил к ней, схватил за плечи, помог лечь обратно на кровать и увидел, что голова уже показалась. Она лежала тихо и тужилась. Я не особо нервничал. Кэнди вела себя так, словно рожала детей каждый месяц. Помню, что в тот момент был благодарен Богу за то, что у меня был опыт принятия родов, хотя все те малыши были рождены в мир в намного лучших условиях.

За считанные минуты я уже держал в руках ребенка.

– Мальчик, – сказал я. – Еще один мальчик.

Кэнди попыталась улыбнуться, но схватки продолжались. Я ждал выхода плаценты. У нас тогда гостила моя мама, и я крикнул ей:

– Мама, принеси полотенца! Позвони 911!

Наверное, со стороны это звучало, как в больнице, когда я даю указания в экстренной ситуации.

Как только увидел плаценту, я сказал:

– Мне нужно что-то, чтобы пережать пуповину. Чем мне это сделать?

Все, о чем я тогда думал, это как пережать пуповину, и я понятия не имел, чем воспользоваться.

Ничего не ответив, Кэнди сползла с кровати и пошла в ванную, откуда вернулась с большой заколкой. Я на-

ложил ее на пуповину и сразу же услышал, что приехала скорая помощь. Они забрали Кэнди с нашим новорожденным малышом, которого мы называли Бенджамином Карсоном младшим, в местную больницу.

Позже мои друзья спрашивали:

– Вы им заплатили только за проезд до больницы?

– Слишком занят, – говорил я себе в сотый раз, – пора что-то менять.

Эти слова раздавались эхом, отражающимся от стен снова и снова.

На этот раз я точно знал, что мне пора что-то менять.

Как и другие специалисты из госпиталя Хопкинса, я столкнулся с серьезной дилеммой относительно активной карьеры нейрохирурга. Работа в госпитале при университете отнимала больше времени на лекции и пациентов, чем было бы, если бы я занимался только частной практикой.

– Как мне найти больше времени, чтобы проводить его с семьей? – спрашивал я себя.

К сожалению, нейрохирургия является одной из непредсказуемых сфер медицины. Мы никогда не знаем наперед, какие проблемы возникнут, многие из них чрезвычайно сложны и требуют огромных затрат времени. Даже если бы я целиком посвятил себя только клинической практике, я бы все равно засиживался допоздна. Добавив к этому еще и необходимость продолжать лабораторные исследования, писать научные труды, готовить лекции, оставаться вовлеченным в академические проекты, а в последнее время еще и выступать с мотивирующими речами перед молодежью, у меня на все это не хватало часов ни в одном дне недели. Это значило, что если я не буду осмотрителен, то все сферы моей жизни пострадают.

Я долго размышлял над своим графиком, обязанностями, ценностями и тем, что можно было бы сократить.

Мне нравилось все, что я делал, но я видел: пытаться делать все это вместе – невозможно. Во-первых, я решил, что моим приоритетом станет семья. Самое важное, что я мог сделать в этой жизни, – это быть хорошим мужем и отцом. Выходные я посвящу только семье.

Во-вторых, я не позволю страдать своей работе в клинике. Я решил стать наилучшим нейрохирургом и выкладываться по максимуму ради благополучия своих пациентов. В-третьих, я хотел служить хорошим примером для молодых людей.

Хотя я считал, что мое решение верное, процесс был не из легких. Это означало, что мне нужно ограничить свое время, отказаться от многого, что мне нравилось, даже от того, что помогло бы моему карьерному росту. Например, я бы хотел выпускать больше публикаций в сфере медицины, делиться тем, чему научился, и побуждать к дальнейшим исследованиям. Мне нравятся публичные выступления, и передо мной открывалось все больше возможностей выступать на национальных съездах. Эти выступления, разумеется, помогали бы мне быстро продвигаться по академическим ступеням. К счастью, многое из этого и так воплощается в жизнь, но не так быстро, как могло бы, если бы я уделял больше времени.

Важным было также проводить время в своей церкви. Сейчас я пресвитер в церкви адвентистов седьмого дня в Спенсервилле. Также я являюсь руководителем Отдела здоровья и воздержания. Это означает, что я провожу особые программы и координирую работу других медицинских сотрудников в нашей церкви. Например, мы организовываем такие мероприятия, как марафоны, и я помогаю руководить ими, а также проводить медицинские обследования. Наша деноминация уделяет здоровью особое внимание, и я содействую распространению журналов *Vibrant Life* и *Health* в нашей общине.

Также я провожу уроки во взрослом классе Субботней школы, где мы обсуждаем вопросы христианства и их важность в нашей повседневной жизни.

Первый шаг к освобождению времени я сделал в 1985 году. Мы в госпитале стали настолько загружены, что нам пришлось нанять еще одного детского нейрохирурга. Этот дополнительный член команды немного разгрузил меня. Нанять еще одного человека было большим шагом для госпиталя Хопкинса, поскольку с момента создания учреждения в прошлом веке в отделении детской нейрохирургии был только один врач. Да и сегодня только в нескольких организациях работают два специалиста. Мы в госпитале Джонса Хопкинса обсуждаем возможность нанять третьего и организовать аспирантуру в детской нейрохирургии, потому что у нас очень много пациентов на очереди, и в будущем ситуация вряд ли изменится.

Тем не менее еще один сотрудник не помог решить мою дилемму. В начале 1988 года я признался себе: как бы тяжело или усердно я ни работал, мне никогда не удавалось полностью закончить работу, даже если я оставался в госпитале до полуночи. Тогда я принял решение – то, которое я с Божьей помощью мог воплотить в жизнь. Я буду уезжать домой каждый вечер в семь часов, максимум в восемь. Так я мог хотя бы видеться с детьми перед тем, как они лягут спать.

– Я не могу закончить все, – сказал я Кэнди, которая полностью поддерживала меня, – это невозможно. Всегда находится еще немного того, что нужно доделать. Поэтому я могу оставлять работу незаконченной в семь вечера, а не в одиннадцать.

Я начал придерживаться этого графика. Я заканчиваю работу в госпитале в 19:30 и возвращаюсь в кабинет спустя 12 часов. Это все равно длинный рабочий день, но работать 11-12 часов для врача нормально, а вот 14-17 – нет.

Когда начали появляться новые возможности для выступлений, потребовалось путешествовать. Если мне нужно уезжать далеко, я беру семью с собой. Когда дети пойдут в школу, конечно, ситуация изменится. Сейчас же каждый раз, когда меня приглашают выступить, я спрашиваю, возможно ли предоставить проезд и проживание моей семье.

Мы предполагаем, что скоро с нами будет жить моя мама, и она сможет порой присматривать за нашими детьми, пока мы с Кэнди путешествуем. Как бы я ни был занят, как бы много людей ни нуждались в том, чтобы я уделил им время, для нас с Кэнди важно проводить время наедине. Без ее поддержки моя жизнь не стала бы такой успешной, какой она есть сегодня.

Еще до свадьбы я сказал Кэнди, что она будет видеть меня нечасто.

– Я люблю тебя, но я собираюсь стать врачом, а это означает, что я буду очень занят. Когда я стану доктором, то буду увлечен своим делом, которое отнимает много времени. Если ты сможешь с этим смириться, то мы поженимся, но если нет, то мы совершаем ошибку.

– Я смогу с этим справиться, – сказала она.

Звучали ли мои слова эгоистично? Затмевал ли мой идеализм преданность женщине, которая станет моей женой? Наверное, ответом будет «да» на оба вопроса, но я был реалистом.

Кэнди чрезвычайно хорошо справлялась с тем, что я работал допоздна. Может быть, благодаря ее смелости и уверенности в себе она может так хорошо меня поддерживать. Благодаря ее поддержке я легче справляюсь с обязанностями.

Пока я был интерном и младшим ординатором, я редко был рядом, поскольку работал от 100 до 120 часов в

«Моя жена и сыновья – самая важная часть моей жизни».

неделю. Естественно, Кэнди редко меня видела. Я звонил ей, а если у нее было несколько свободных минут, она приезжала и привозила мне поесть. Мы проводили вместе некоторое время, а затем она уезжала домой.

В то время Кэнди решила возобновить учебу. Она сказала:

– Бен, я каждый вечер сижу дома одна. Может, я лучше начну чем-нибудь заниматься?

У нее много творческой энергии, и она начала ее использовать. В одной общине Кенди создала хор, а в другой – инструментальный ансамбль. Когда мы год были в Австралии, она и там создала хор и инструментальный ансамбль.

Сейчас у нас трое детей. Ройс родился 21 декабря 1986 года, сделав нас большой семьей из пяти человек. Я вырос без отца и не хочу, чтобы мои сыновья росли так же. Для меня жизненно важно, чтобы они знали меня, а не только смотрели на мои фото в альбоме, газете или же видели меня по телевизору. Моя жена и сыновья – самая важная часть моей жизни.

МЫСЛИ ШИРОКО

У нас с Кэнди есть общая мечта, которая пока не осуществилась. Мы мечтаем о фонде поощрительных стипендий, основанном для молодых людей, у которых есть таланты, но нет денег. Эта стипендия поможет им получить любое образование в любом учебном заведении. Большинство благотворительных фондов политически ориентировано, и работа с ними зависит от знакомств с нужными людьми или поддержки влиятельных лиц.

Мы мечтаем о стипендиальной программе, которая бы выявляла таланты в различных областях. Мы мечтаем находить тех одаренных молодых людей, которые заслуживают шанса на успех, но никогда не смогут его достичь из-за недостатка средств.

Я бы очень хотел иметь возможность сделать что-нибудь, чтобы помочь воплотить эти мечты в жизнь.

Я практикую МЫСЛИТЬ ШИРОКО (англ. *THINK BIG*) и сам. В ходе своей жизни я хотел бы видеть, как тысячи достойных людей различных национальностей становятся лидерами благодаря своим талантам и убеждениям. Люди с мечтами и убеждениями могут сделать это возможным.

– В чем секрет вашего успеха? – спросил меня подросток с прической афро.

Этот вопрос не был для меня новым, я слышал его так много раз, что придумал ответ-акrostих.

– МЫСЛИ ШИРОКО, – ответил я ему.

Я бы хотел раскрыть эту тему, остановившись на значении каждой буквы.

THINK BIG

T (TALENT) = ТАЛАНТ

Научитесь распознавать и принимать данные вам Богом таланты (а они есть у всех нас). Развивайте эти таланты и используйте их в профессии, которую выберете. Если вы будете помнить о Т – талантах, то станете самыми лучшими в том, что Бог дает вам.

T также (TIME) = ВРЕМЯ

Осознайте важность времени. Когда вы приходите и делаете все вовремя, люди могут на вас положиться. Вы доказываете свою надежность.

Научитесь не тратить время зря, ведь время – деньги, а также усилия. Управление временем – это тоже талант. Бог дает некоторым людям способность управлять временем. Остальным нужно этому учиться. И мы это можем!

H (HOPE) = НАДЕЖДА

Не ходите с унылым лицом, ожидая, что вот-вот случится что-то плохое. Предвкушайте хорошее, ожидайте его.

H также (HONESTY) = ЧЕСТНОСТЬ

Когда вы поступаете нечестно, вам приходится затем снова поступать так же, чтобы скрыть предыдущие нечестные поступки, и ваша жизнь становится безнадежно запутанной. Это касается и лжи. Если вы честны, то вам не нужно запоминать, что вы сказали в прошлый раз. Привычка говорить правду делает жизнь невероятно простой.

I (INSIGHT) = ПРОНИЦАТЕЛЬНОСТЬ

Слушайте и учитесь у людей, которые уже дошли туда, куда хотите попасть вы. Учитесь на их ошибках, вместо того чтобы повторять их. Читайте хорошие книги, такие как Библия, ведь они открывают новые миры познания.

N (NICE) = ПРИВЕТЛИВОСТЬ

Будьте приветливы с людьми – всеми людьми. Если вы приветливы – они будут приветливыми с вами. Чтобы быть приветливым, нужно затратить намного меньше энергии, чем на то, чтобы быть злым. Будьте добрыми, дружелюбными и услужливыми.

K (KNOWLEDGE) = ЗНАНИЯ

Знания – это ключ к независимой жизни, ключ ко всем вашим мечтам, надеждам и устремлениям. Если вы более компетентны, чем другие, в определенной сфере, то станете бесценным профессионалом и не будете ни от кого зависеть.

B (BOOKS) = КНИГИ

Я подчеркиваю, что активное обучение посредством чтения лучше, чем пассивное, такое как, например, прослушивание лекций или просмотр телепередач. Когда вы читаете, ваш мозг вынужден работать над тем, чтобы соединить буквы в слова. Развивать хорошую привычку читать – это как быть чемпионом-тяжелотолкателем. Этот чемпион не пришел один раз в тренажерный зал и не начал сразу же поднимать по 250 килограммов. Он приводил свои мышцы в тонус, начиная с более легких нагрузок, постоянно наращивая вес, готовясь к большему. То же самое происходит и с интеллектуальными способностями. Мы развиваем свой ум, читая, думая, самостоятельно разбираясь в чем-то.

I (INDEPTH LEARNING) = УГЛУБЛЕННОЕ ИЗУЧЕНИЕ

Поверхностные ученики зубрят перед экзаменом, а спустя две недели уже ничего не помнят. Изучающие материал углубленно обнаруживают, что приобретенные знания становятся частью их самих. Они лучше понимают себя и свой мир. Такие люди продолжают накапливать знания, добавляя новые сведения к уже усвоенным.

G (GOD) = БОГ

Никогда не возноситеесь выше Бога. Никогда не удаляйте Бога из своей жизни.

Обычно я заканчиваю свои выступления, говоря молодежи:

– Если вы запомните это, если вы научитесь МЫСЛИТЬ ШИРОКО, ничто в этом мире не сможет помешать вам стать успешным в том, что выберете для себя.

Моя заинтересованность молодыми людьми, а особенно неблагополучной молодежью, началась еще тем летом, когда я работал рекрутером для Йеля. Когда я увидел результаты экзамена на определение академических способностей тех детей и что мало кто из них набрал хотя бы 1200, мне стало грустно. Меня это обеспокоило еще и потому, что я по своему опыту знал: эти баллы не всегда показывали, насколько человек умен. Я встретил много смысленных молодых людей, которые быстро схватывали материал, однако по различным причинам плохо сдали этот экзамен.

– Что-то не так с обществом, – не раз говорил я Кэнди, – в котором существует система, не позволяющая этим людям чего-то достичь. С должной помощью и стимулом многие неблагополучные дети могут достичь выдающихся результатов.

Я пообещал себе, что при любой возможности буду вдохновлять молодых людей. Когда я стал более извест-

ным и у меня появилось больше возможностей выступать, я решил, что моей постоянной темой станет обучение детей тому, как ставить цели и достигать их. Сегодня я получаю так много предложений, что не могу откликнуться на все. Однако я стараюсь делать все возможное для молодых людей, не пренебрегая своей семьей и обязанностями в госпитале Джонса Хопкинса.

Я принимаю близко к сердцу все вопросы, касающиеся американской молодежи, и вот один из них: я очень обеспокоен тем, что средства массовой информации делают акцент на спорте в школах. Слишком много подростков тратит всю свою энергию и время на баскетбольных площадках, желая стать вторыми Майклами Джорданами или же Регги Джексонами на бейсбольной площадке, или же О. Джей. Симпсонами на футбольном поле. Они хотят зарабатывать миллион долларов в год, не понимая, что лишь единицы из тех, кто пытается, получают такие зарплаты. В конечном итоге эти дети пускают свои жизни под откос.

Если СМИ не акцентируют на спорте, тогда это музыка. Я часто слышу о группах – и многие из них хороши, – которые вкладывают все свои силы и душу, делая карьеру, не понимая, что только одна группа из 10 000 преуспевает. Вместо того чтобы тратить все свое время и энергию на спорт или музыку, лучше бы эти дети – эти талантливые молодые люди – проводили время за книгами и занимались саморазвитием, стремясь получить хорошую профессию, когда вырастут.

Я осуждаю медиа за то, что они увековечивают эти претенциозные мечты. Я провожу немало времени, беседуя с группами первокурсников, пытаясь помочь им понять, что у них есть обязательство перед тем обществом, из которого они вышли, стать профессионалами своего дела.

Приходя в учебные заведения и разговаривая с этими молодыми людьми, я стараюсь показать им, что они могут сде-

лать и как хорошо они могут зарабатывать. Я побуждаю их равняться на представителей разных успешных профессий.

Молодым профессионалам я говорю:

– Привезите молодежь к себе домой. Покажите им, какая у вас машина, дайте им увидеть, что у вас тоже хорошая жизнь. Помогите им понять, что нужно для того, чтобы у них была такая хорошая жизнь. Объясните им, что существует множество способов жить полноценной жизнью, помимо спорта и музыки.

Многие молодые люди наивны. Я слышал, как они друг за другом повторяют: «Я буду врачом» или «юристом», или, может, «президентом компании», тогда как они понятия не имеют, какую нужно проделать работу, чтобы достичь таких должностей.

Я также беседую с родителями, учителями и людьми из их окружения, призывая их фокусироваться на нуждах подростков. Эти дети должны научиться тому, как менять свои жизни. Им нужна помощь. В противном случае они никогда не станут лучше, но только хуже.

Вот пример того, как это работает. В мае 1988 года *Detroit News* опубликовала тематическую статью обо мне в воскресном приложении. Мне написал один мужчина после того, как ее прочел. Он – социальный работник, и у него был тринадцатилетний сын, который тоже мечтал стать социальным работником. Однако дела у них шли не очень хорошо. Отца выселили из жилья, а затем он потерял работу. Они с сыном перебивались с хлеба на воду, весь его мир перевернулся. Отец был так подавлен, что готов был покончить с собой. И тогда мужчина взял газету и прочел статью. Он писал:

«Ваша история перевернула мою жизнь и дала надежду. Ваш пример вдохновил меня идти и снова прикладывать все усилия. Теперь у меня есть работа и все налаживается. Эта статья изменила мою жизнь».

Я также получил много писем от студентов различных учебных заведений, которые учились плохо, но, прочи-

тав обо мне, увидев меня по телевизору или послушав мои выступления, получили мотивацию удвоить усилия. Эти люди пытаются научиться чему-то, а это означает, что они будут лучшими.

Мать-одиночка писала, что у нее двое детей, один из которых хотел стать пожарным, а другой – врачом. Она поведала, что они прочли мою историю и вдохновились. То, что они узнали обо мне и том, как моя мать помогла мне кардинально изменить жизнь, вдохновило ее продолжить обучение. Она писала мне тогда, когда ее зачислили на юридический факультет. Ее дети подтянули оценки и учились хорошо. Такие письма очень радуют меня.

В балтиморской средней школе Олд Корт создали Клуб Бена Карсона. Чтобы стать его членом, ученики должны согласиться смотреть не более трех телевизионных передач в неделю и читать как минимум две книги. Когда я приехал в эту школу, они сделали уникальную вещь. Члены клуба узнали биографическую информацию из моей жизни и устроили соревнование. Победителями стали те ученики, которые правильно ответили на большинство вопросов обо мне. Во время моего визита шесть победителей вышли на сцену и ответили на вопросы обо мне и моей жизни. Я слушал, удивлялся тому, как много они знали обо мне, и был поражен тем, что моя жизнь затронула их.

Мне все еще кажется нереальным то, что, когда я приезжаю в разные места, люди очень рады меня видеть. Хотя я не понимаю этого до конца, но осознаю, что, в частности, для темнокожих людей в этой стране являюсь воплощением того, что многие из них никогда в жизни не видели, – кем-то из технической и научной области, кто достиг высот. Я получаю признание за свои академические и медицинские достижения, а не за то, что я звезда спорта или артист эстрады.

Хотя это случается нечасто, но все же случается, напоминая мне, что я не единственное большое исключе-

ние. У меня, например, есть друг по имени Фред Уилсон, который работает инженером в Детройте. Он чернокожий, но Форд Мотор Компани выбрала его одним из лучших восьми инженеров в мире.

Он невероятно умен и проделал огромную работу, однако мало кто знает о его достижениях. Когда я выступаю на публике, мне нравится думать, что я показываю свою жизнь и жизни всех тех, кто доказал, что принадлежать к расовому меньшинству не означает достигать меньшего.

Я рассказываю многим студентам, перед которыми выступаю, о Фреде Уилсоне и других темнокожих успешных людях, на которых не обращают внимания СМИ и они не играют заметной роли. Когда работаешь в такой сфере, как я, в таком месте, как госпиталь Джонса Хопкинса, и выкладываешься по максимуму, трудно остаться незамеченным. Как только кто-то из нас делает что-то выдающееся, средства массовой информации узнают об этом и начинают рассказывать людям. Я знаю много людей из других областей, которые совершали значимые дела, но о них почти никто не знает.

Одна из моих целей – сделать так, чтобы подростки узнавали о талантливых личностях, чтобы у них было много примеров для подражания. Когда у молодых людей есть хорошие примеры для подражания, они могут меняться и нацеливаться на более высокие достижения.

Другая цель состоит в том, чтобы побуждать подростков смотреть на себя и обнаружить данные им Богом таланты. У нас всех есть способности. Успех в жизни заключается вокруг распознавания и использования своего «сырого материала».

Я хороший нейрохирург. Это не бахвальство, а способ признать врожденную способность, которую Бог дал мне. Начав с определения и используя свои «золотые» руки, я продолжал тренироваться и оттачивать свои способности.

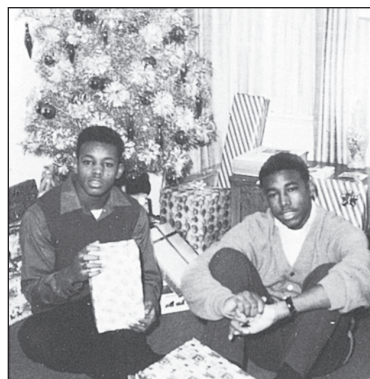
МЫСЛИТЬ ШИРОКО и использовать свои таланты не означает, что у нас не будет трудностей на пути. Они будут у всех. Как мы смотрим на эти проблемы, определяет то, чем в конечном итоге все обернется. Если мы будем рассматривать преграды на своем пути как барьеры, то перестанем пытаться. «Мы не можем победить, – стоим мы, – нам не дают выиграть».

Если же мы будем смотреть на эти преграды как на препятствия, то сможем перепрыгнуть через них. У успешных людей не меньше проблем. Однако они решили, что ничто не мешает им продвигаться вперед.

Какое бы мы ни выбрали направление, если мы осознаем, что каждое препятствие, через которое мы перепрыгиваем, делает нас сильнее и готовит к следующему, – мы уже на пути к успеху.

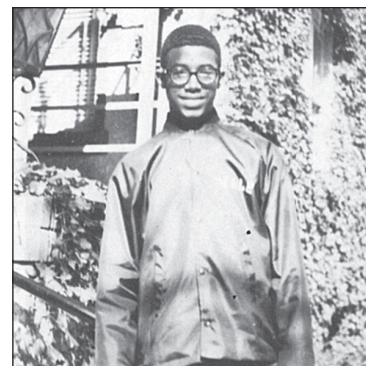
Школьный выпускной Бена. Соня Карсон, крайняя справа, и друзья семьи.

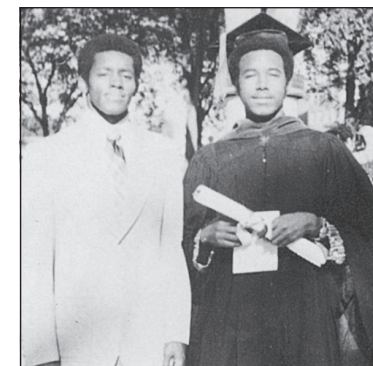
Подростки Кертис и Бен, Рождество.

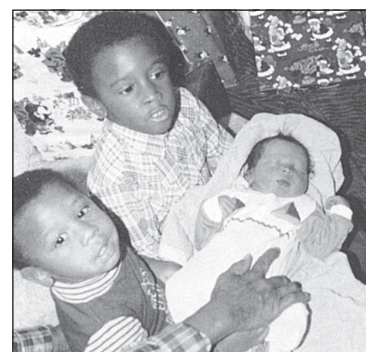
Соня Карсон держит фотографии из выпускных альбомов своих сыновей Бена (слева) и Кертиса (справа).

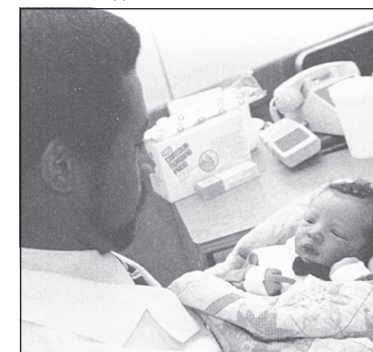
Первый год Бена в Йеле.

Бен и Кертис на выпуске Бена в медицинском колледже.

Мюррей и Бенджамин-младший получают свой рождественский подарок.

Ройс, которому исполнился один день, со своим отцом.

Бен и его жена Кэнди во время игры на фортепиано.

Серенада Карсонов. Колыбельная перед сном.

Золотые руки

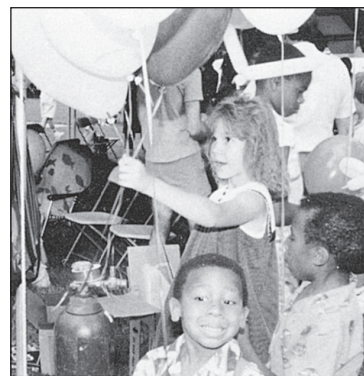

Карсоны дома: Бен, Мюррей, Ройс, Кэнди и Бен-младший.

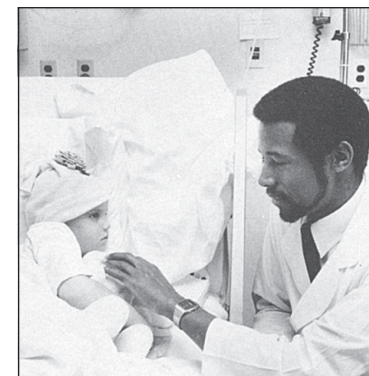

Встреча пациентов, перенесших гемисферэктомию.

Золотые руки

Маранда Фрациско, первая пациентка Бена, перенесшая гемисферэктомию, на празднике в больнице.

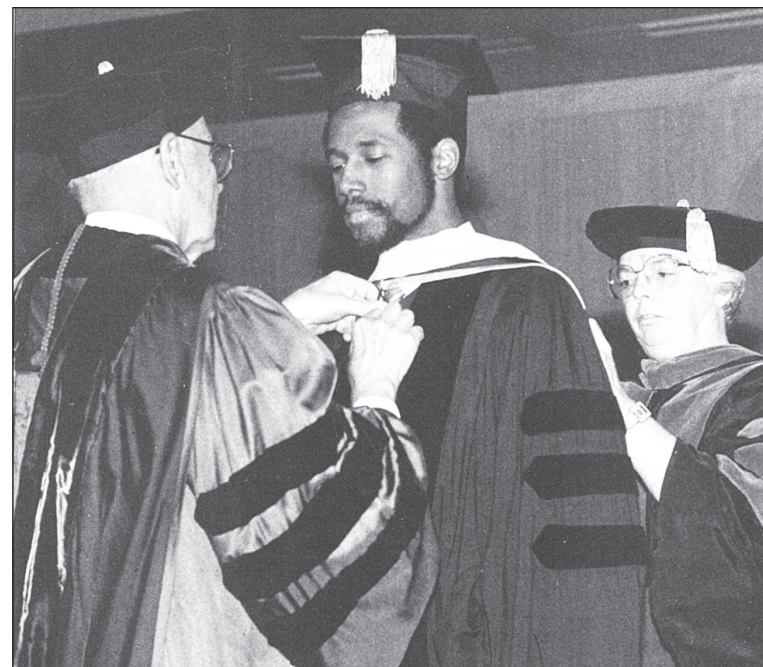
Доктор Карсон беседует с юным пациентом.

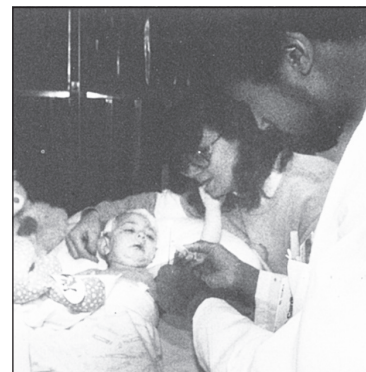
Операция близнецов Биндер при участии Бена Карсона, Реджи Дейвиса, Сэма Хассенбуша и Донлина Лонга.

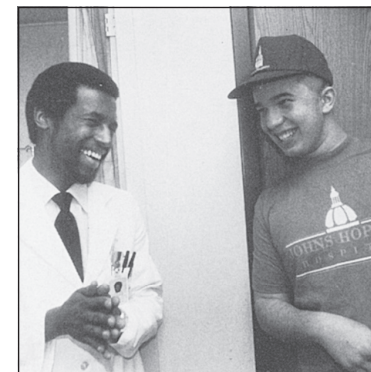
Доктор Бенджамин Карсон со своим ассистентом Кэрол Джеймс перед началом той особенной операции на мозге, которая принесла ему мировую известность.

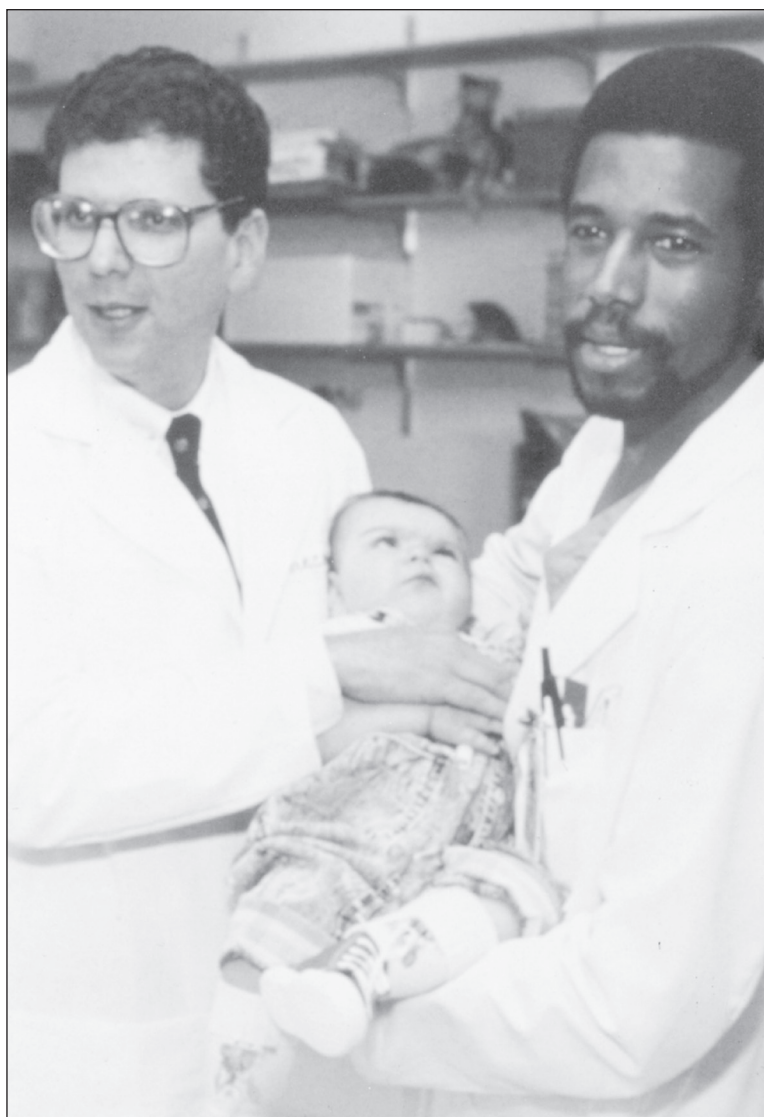
Бен Карсон получает почетную докторскую степень в Университете Эндрюса в июне 1989 года.

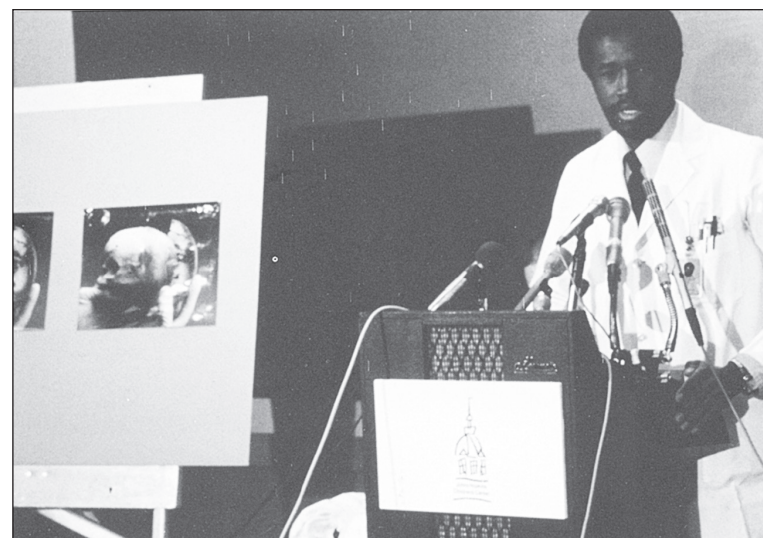
Доктор Карсон осматривает двухлетнюю Меган Виксторм во время обхода в Детском центре госпиталя Джона Хопкинса. «Никто другой так терпеливо не отвечал на сотни моих вопросов», – говорит ее мать Марджи Виксторм, в центре.

Карсон общается с Галли, шестнадцатилетним парнем из Хаммонтона, Нью Джерси, который вернулся на осмотр после удаления опухоли мозга.

Доктора Марк Роджерс и Бенджамин Карсон с одним из близнецов Биндер.

На пресс-конференции после разделения сиамских близнецов.

Основные члены команды, работавшие во время разделения близнецов.

Золотые руки

Бен Карсон

Директор издательства **Василий Джулай**

Главный редактор **Лариса Качмар**

Перевод **Марии Бадардиновой**

Медицинская экспертиза кандидата медицинских наук,
нейрохирурга **Ореста Паламаря**

Литературный редактор **Людмила Шаповал**

Корректоры: **Инна Джердж, Елена Мехоношина**

Компьютерная верстка **Веры Кузьменко**

Дизайнер обложки **Татьяна Романко**

Ответственная за печать **Тамара Грицюк**

Формат 84x108/₃₂. Бумага офсетная. Офсетная печать.

Подписано к печати 7.12.2017 г.

Гарнитура Ньютон. Тираж 3000 экземпляров.

Издательство «Джерело життя»

04071, г. Киев, ул. Лукьяновская, 9/10-А

тел. (044) 425-69-06, факс 467-50-64

E-mail: dzherelo@ukr.net

www.adventist.org.ua